

НЕВОЛЯ

46

ISSN 1813-3541

НЕВОЛЯ 46 2015

Приложение к журналу
«Индекс/Досье на цензуру»

НЕВЮЛЯ

46 • 2015

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Обзор ФСИН	4
Юрий Александров Юридический практикум	8
Борис Земцов Чуть-чуть тюрьмы в пристойной биографии	19
Александр Хныков Снегирь на красной рябине	41
Тюремные новости	59
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (август 2015 года)	69
Владимир Смирнов Судный день	81
Михаил Бурляш Русалка	106
Борис Пантелеев Галлюцинации совести, или О странной реакции Системы при выявлении в ней нарушений	112

ИСТОРИЯ

Александр Сидоров О чем поведал труп убитого	118
Алексей Мокроусов Бесконечная история	146
Алексей Мокроусов Прозрение и заключение	154

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Норвежский Хельсинкский
комитет

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталья Малыхина
Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

О работе с обращениями граждан, осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в Федеральной службе исполнения наказаний в 1-м полугодии 2015 года

Обзор

Работа по рассмотрению предложений, заявлений, жалоб и прием граждан, осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в Федеральной службе исполнения наказаний, ее территориальных органах и подведомственных учреждениях основывается на требованиях Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Подготовлены три годовых обзора работы с обращениями граждан, осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в Федеральной службе исполнения наказаний за 2014 год, которые направлены в Минюст России, территориальные органы ФСИН России и образовательные учреждения ФСИН России, а также в структурные подразделения ФСИН России и учреждения, непосредственно подчиненные ФСИН России.

В 1-м полугодии 2015 г. в Федеральную службу исполнения наказаний поступило 18 301 обращение граждан, осужденных и лиц, содержащихся под стражей (1-е п/г 2014 г. – 13 573, увеличение – на 4728, + 26 %).

Увеличение количества обусловлено в основном поступлением обращений от осужденных и граждан по вопросам амнистии, объявленной в связи с 70-летием Победы в ВОВ, а также поступлением жалоб на несвоевременное рассмотрение материалов на выплату ЕСВ на строительство и приобретение жилья. Также доступен гражданам информационный ресурс «Интернет-приемная» официального сайта ФСИН России, количество обращений через который увеличивается из года в год.

Из общего количества полученных писем в ФСИН России 38% (6997) поступили через высшие органы государственной власти и центральные органы управления: из Администрации Президента Российской Федерации, Государственной думы и Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, Генеральной прокуратуры

Российской Федерации, других министерств и ведомств, прокуратуры республик, краев и областей, а также общественных организаций. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года (далее – АППГ) их количество увеличилось на 32%.

Непосредственно в центральном аппарате ФСИН России разрешено 89% поступивших обращений, 10% были направлены на исполнение в территориальные органы ФСИН России и менее 1% поступивших обращений направлены для рассмотрения в другие министерства и ведомства.

На контроле у руководства ФСИН России находилось 1333 обращения (7,3%). На «особом контроле» в управлении делами ФСИН России находилось 922 обращения, из них 305 поступили через Минюст России, остальные – через Аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Генеральную прокуратуру Российской Федерации, Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации, Администрацию Президента Российской Федерации, Аппарат Правительства Российской Федерации.

Количество поступивших обращений работников УИС, лиц, уволенных из учреждений и органов УИС, а также членов их семей уменьшилось почти в два раза и составило 3061 (АППГ – 5921) обращение.

Вопросы, поставленные в обращениях, касались в основном неправомерного увольнения, улучшении жилищных условий, получения ГЖС и ЕСВ на строительство и приобретение жилья, несвоевременной выплате денежного довольствия, заработной платы, как при увольнении, так и во время службы, здравоохранения и медицинского обслуживания.

Также продолжают поступать жалобы на нарушения законности сотрудниками учреждений УИС – 1108, в том числе: водворение в ШИЗО – 553, применение спецсредств – 79, рукоприкладство и избиение – 475, о коррупционных действиях сотрудников УИС – 313 (АППГ – 109), из них признано обоснованной 1 и факты частично подтвердились в 11 случаях.

По фактам нарушений законности сотрудниками учреждений и органов УИС директором ФСИН России давались указания о проведении проверок с выездом на место. По результатам проведенных проверок виновные лица наказаны в дисциплинарном порядке.

Количество поступивших обращений от осужденных и лиц, содержащихся под стражей, и их родственников увеличилось в два раза и составило 15 222 (АППГ – 7652) обращения.

Основной тематикой поступающих письменных обращений являются просьбы осужденных и их родственников:

- о переводах в исправительные колонии ближе к месту жительства – 3932 (22% от всех поступивших за 1-е полугодие 2015 г.);

о переводах в целях личной безопасности – 723 (АППГ – 437), по состоянию здоровья – 724 (АППГ – 419);

– по вопросам медицинского обслуживания в исправительных колониях и следственных изоляторах, установления или восстановления группы инвалидности, освобождения по состоянию здоровья – 3755 (20% от всех поступивших в 1-м полугодии 2015 г.), увеличение в три раза (АППГ – 1053);

– об условно-досрочном освобождении из мест лишения свободы и помиловании – 1446 (8% от всех поступивших в 1-м полугодии 2015 г.); увеличение в два раза (АППГ – 696);

– о неправомерном водворении в ШИЗО, ПКТ, строгие условия содержания – 553 (АППГ – 402);

– о рационе питания в ИК и СИЗО – 262.

Неуклонно снижается количество ходатайств о пересмотре приговоров судов – 38 (АППГ – 34, 1-е полугодие 2013 – 72, 1-е полугодие 2012 г. – 380), что говорит о качественной разъяснительной работе среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных, проводимой сотрудниками учреждений УИС.

В приемную ФСИН России за отчетный период обратились 482 посетителя, что на 31% меньше уровня прошлого года (632). Руководством ФСИН России принято 310 посетителей. Основные вопросы, с которыми обращались посетители, касались переводов осужденных ближе к месту жительства, медицинском обеспечении осужденных, условно-досрочного освобождения, розыска осужденных. Сотрудники УИС и пенсионеры обращались по вопросу получения жилищных сертификатов, выплаты ЕСВ и различным кадровым вопросам.

Кроме того, во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 28.12.2009 № Пр-3510 руководителями территориальных органов ФСИН России осуществляются приемы граждан в приемных Президента Российской Федерации в федеральных округах и административных центрах субъектов Российской Федерации (в местах размещения соответствующих территориальных органов). Ежеквартально проводится сбор сведений о результатах рассмотрения вопросов, поднятых гражданами в обращениях, поступивших на имя Президента Российской Федерации, и направление отчета в Администрацию Президента Российской Федерации.

Обеспечено ежеквартальное составление и направление в ФКУ НИИИТ ФСИН России данных по разделу 14 «Сведения о письменных обращениях граждан, в том числе осужденных и лиц, содержащихся под стражей» для включения в статистическую отчетность ФСИН-1.

Директором ФСИН России 23.12.2014 г. утвержден график проверок по организации ведения делопроизводства и порядка рассмотрения обращений граждан, осужденных и лиц, содержащихся под стражей в структурных подразделениях ФСИН России и учреждениях, непосредственно подчиненных ФСИН России, на 2014 г. За полугодие текущего года подвергнуты проверке структурные подразделения ФСИН России: управление режима и надзора, управление исполнения приговоров и специального учета, управление организации тюрем и следственных изоляторов, управление организации медико-санитарного обеспечения, финансово-экономическое управление, управление воспитательной, социальной и психологической работы, правовое управление, оперативное управление.

В целом работа по рассмотрению обращений граждан признана удовлетворительной, выявленные недостатки докладывались руководству структурных подразделений ФСИН России, определялись сроки на их устранение.

Организация работы по рассмотрению предложений, заявлений, жалоб и личному приему граждан, осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в обязательном порядке проверяется при инспектировании территориальных органов ФСИН России. Данными проверками установлено, что работа по рассмотрению обращений граждан, осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в основном соответствует требованиям действующего законодательства Российской Федерации.

В целях организации контроля за соблюдением требований пункта 1 статьи 6 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» в части безусловного исполнения в установленные сроки требований прокурора об устранении нарушений действующего законодательства Российской Федерации и ведомственных нормативных правовых актов, допущенных при осуществлении служебной деятельности должностными лицами учреждений и органов УИС, в соответствии с указанием первого заместителя директора ФСИН России генерал-лейтенанта внутренней службы Рудого А.А. территориальными органами УИС направляются в ФСИН России копии актов представлений, внесенных органами прокуратур по результатам проверок. За отчетный период по нарушениям Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» поступило из территориальных органов УИС 27 копий представлений. К виновным должностным лицам учреждений и органов УИС в количестве 14 человек приняты меры дисциплинарного воздействия. Устранение недостатков взято на контроль.

Юрий Александров

Юридический практикум

Утверждены Правила хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам (*Постановление Правительства РФ от 08.05.2015 № 449 «Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам»*).

В соответствии с Правилами, условия хранения, учета и передачи вещественных доказательств должны исключать их подмену, повреждение, порчу, ухудшение или утрату их индивидуальных признаков и свойств, а также обеспечивать их безопасность.

Возврат вещественных доказательств в виде денег и ценностей их законному владельцу осуществляется на основании постановления прокурора, следователя, дознавателя или решения (определения, постановления, приговора) суда (судьи), о чем составляется акт приема-передачи вещественных доказательств по утвержденной форме.

Определены, в частности: требования к камере хранения вещественных доказательств (специальному хранилищу); порядок хранения отдельных видов вещественных доказательств (отдельных видов оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, радиоактивных материалов, а также предметов, имеющих историческую, художественную, научную или иную культурную ценность); порядок составления комиссией акта приема-передачи в случае необходимости помещения на хранение в камеру хранения (специальном хранилище) либо получения из нее вещественных доказательств при отсутствии ответственного лица или замещающего его лица. При приеме на хранение (или возврате) вещественных доказательств ответственное лицо оформляет и выдает лицу, представившему вещественные доказательства, квитанцию (расписку) по утвержденной форме.

Передача вещественных доказательств на хранение юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю на основании договора хранения осуществляется должностным лицом уполномоченного органа, в производстве которого находится уголовное дело, и оформляется актом приема-передачи, составленным в 3 экземплярах, один из которых приобщается к материалам уголовного дела, другой – передается представителю юридического лица или индивидуальному предпринимателю, третий – в дело (наряд).

Деятельность иностранной или международной неправительственной организации могут признать нежелательной для России (*Федеральный закон от 23.05.2015 № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*).

Введена процедура признания нежелательной на территории России деятельности иностранной или международной неправительственной организации. В частности, она предусматривает следующее.

Деятельность организации, представляющая угрозу основам конституционного строя РФ, обороноспособности страны или безопасности государства, может быть признана нежелательной на территории России. Это влечет невозможность открытия в России структурных подразделений организации и прекращение деятельности ранее созданных подразделений. Кроме того, организации запрещается распространять информационные материалы. Нельзя осуществлять на территории страны программы (проекты) для такой организации. Кредитные и некредитные финансовые организации обязаны отказываться в проведении операций с денежными средствами или иным имуществом, одной из сторон которых является организация, чья деятельность на территории России признана нежелательной.

Решение о признании нежелательной деятельности организации принимается Генеральным прокурором РФ (его замом) по согласованию с МИД России. Информация об организации, деятельность которой признана нежелательной, публикуется на сайте Минюста России и в общероссийском периодическом издании, определенном Правительством РФ. С этого момента в отношении организации наступают вышеперечисленные негативные последствия. Порядок ведения перечня организаций, чья деятельность признана нежелательной, включения в него и исключения из него определяется Минюстом России.

Установлена административная и уголовная ответственность (ст. 284.1 УК – штраф в размере от 300 000 до 500 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период

от двух до трех лет, либо обязательными работами на срок до 360 часов, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового, либо лишением свободы на срок от двух до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет или без такового) за осуществление, руководство и участие в деятельности организации, в отношении которой принято решение о ее нежелательности.

Участие в деятельности организации также является основанием для запрета въезда иностранца (апатрида) в Россию.

Усилена уголовная ответственность за преступления, совершаемые в целях хищения денежных средств с использованием высоких технологий в банковской сфере (*Федеральный закон от 08.06.2015 № 153-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации»*).

В новой редакции изложен абзац первый части 1 статьи 187 УК РФ, которая теперь называется «Неправомерный оборот средств платежей» (в прежней редакции – «Изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов»).

Тем самым наряду с изготовлением в целях сбыта и (или) сбытом поддельных платежных карт закрепляется ответственность за совершение тех же действий в отношении поддельных распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных статьей 186 УК РФ «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг», а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

С 1 августа 2015 года обращение в Конституционный суд РФ может быть направлено в электронной форме (*Федеральный конституционный закон от 08.06.2015 № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации»*).

Обращение направляется посредством заполнения специальной формы на официальном сайте КС РФ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в порядке, определяемом Регламентом КС РФ, или в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью. В этом случае переписка

с заявителем может осуществляться также в электронном виде в порядке, определяемом Регламентом КС РФ. В случае направления обращения в электронном виде прилагаемые к нему документы и иные материалы также представляются в электронном виде, при этом приложения копий обращения, документов и иных материалов не требуется.

Также установлено, что информация о дате и времени заседаний КС РФ размещается на его официальном сайте в сети «Интернет», в доступных для граждан местах занимаемого Судом здания, а также в средствах массовой информации.

Трансляция заседания в сети «Интернет» допускается по инициативе КС РФ или с его разрешения по ходатайству лиц, участвующих в деле, присутствующих на заседании. Порядок проведения трансляции устанавливается Регламентом КС РФ. При этом предусмотрено, что при проведении закрытого заседания не допускаются кино- и фотосъемка, видеозапись, прямая радио- и телетрансляция заседания, а также трансляция заседания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Установлена форма заявки на предоставление защитнику платных услуг по копированию материалов уголовного дела (*Приказ Минюста России от 01.06.2015 № 124 «О порядке ведения учета денежных средств, поступивших в оплату услуг по копированию материалов уголовных дел, и объеме оказанных услуг»*).

Кроме собственно формы заявки, определен также порядок ведения учета денежных средств, поступивших в оплату услуг по копированию материалов уголовных дел.

Оплата таких услуг производится: в безналичной форме – путем перечисления денежных средств в соответствии с банковскими реквизитами следственного изолятора; в наличной форме – путем внесения денежных средств в кассу следственного изолятора.

Усилена уголовная ответственность за незаконное изготовление оружия, совершенное группой лиц по предварительному сговору (*Федеральный закон от 29.06.2015 № 192-ФЗ «О внесении изменений в статьи 222 и 223 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»*).

Уголовная ответственность за данное деяние установлена от 3-х до 7 лет лишения свободы (ранее – от 2-х до 6 лет). Также предусмотрено, что не может признаваться добровольной сдачей оружия и бое-

припасов их изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию.

Кроме того, уточнено, что действие части 1 статьи 20.8 КоАП РФ в части ответственности за нарушение правил производства, продажи, хранения, уничтожения или учета пиротехнических изделий распространяется лишь на пиротехнические изделия IV и V классов.

Значительно увеличен размер уголовного штрафа за незаконные собирание и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (Федеральный закон от 29.06.2015 № 193-ФЗ «О внесении изменений в статью 183 Уголовного кодекса Российской Федерации»).

Так, предельный размер штрафа за собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, путем похищения документов, подкупа или угроз, а равно иным незаконным способом, увеличен с 80 000 до 500 000 рублей.

Незаконные разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, без согласия их владельца лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе, повлекут уголовную ответственность в виде штрафа 1 млн рублей вместо 120 000, установленных ранее.

И наконец, за те же деяния, причинившие крупный ущерб или совершенные из корыстной заинтересованности, установлен штраф в размере 1,5 млн рублей (ранее 200 000 рублей).

Иные санкции за вышеуказанные деяния (в том числе исправительные работы или лишение свободы) не изменились.

Погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, связанные с судимостью (Федеральный закон от 29.06.2015 № 194-ФЗ «О внесении изменения в статью 86 Уголовного кодекса Российской Федерации»).

Федеральным законом в новой редакции излагается часть 6 статьи 86 «Судимость» УК РФ.

В настоящее время частью 6 статьи 86 УК установлено, что погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью. При этом существовала правовая коллизия между положениями части 6 статьи 86 УК РФ и положениями ряда федеральных законов, содержащих ограничения для лиц, имеющих судимость, в том числе снятую или погашенную, например, в Законах РФ «О

прокуратуре Российской Федерации», «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральных законах «О Федеральной службе безопасности», «О судебных приставах», «О полиции», «О Следственном комитете Российской Федерации» и других.

Усовершенствован порядок применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве (Федеральный закон от 29.06.2015 № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Так, внесенными в УПК РФ поправками:

– определено понятие «имущество» – это любые вещи, включая наличные денежные средства и документарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, находящиеся на счетах и во вкладах в банках и иных кредитных организациях, бездокументарные ценные бумаги, права на которые учитываются в реестре владельцев бездокументарных ценных бумаг или депозитарии, имущественные права, включая права требования и исключительные права;

– предусмотрено, что при определении разумного срока применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, в ходе уголовного судопроизводства учитываются обстоятельства, указанные в части 3 статьи 6.1 УПК РФ (в том числе правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства и т.д.), а также общая продолжительность применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в ходе уголовного судопроизводства;

– определено, что только суд принимает решение об установлении срока ареста, наложенного на имущество, и его продлении;

– установлен порядок продления срока применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество.

Поправки внесены также в Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. Федеральный закон вступает в силу с 15 сентября 2015 года.

Приговоры по отдельным категориям уголовных дел лишены преюдициального значения (Федеральный закон от 29.06.2015

№ 191-ФЗ «О внесении изменения в статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Это касается приговора по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме, приговора, вынесенного в особом порядке судебного разбирательства и приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Преюдициальное значение судебного акта означает, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки.

Суды разъясняют

Лицо, передающее приобретателю наркотические средства, психотропные вещества по просьбе другого лица, является соисполнителем в незаконном сбыте.

В соответствии с поправками в законодательство обновлены разъяснения для судов по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами.

В частности, актуализирован перечень нормативных правовых актов, которыми необходимо руководствоваться судам при рассмотрении дел о преступлениях, предметом которых являются наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры или аналоги, растения, содержащие наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их части, содержащие наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, сильнодействующие или ядовитые вещества, новые потенциально опасные психоактивные вещества.

Постановление дополнено новыми положениями, в частности, следующими:

– если лицо в целях осуществления умысла на незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает, перерабатывает эти средства, вещества, растения, тем самым совершает действия, направленные на их последующую реали-

зацию и составляющие часть объективной стороны сбыта, однако по не зависящим от него обстоятельствам не передает указанные средства, вещества, растения приобретателю, то такое лицо несет уголовную ответственность за покушение на незаконный сбыт этих средств, веществ, растений;

– при назначении лицу, признанному больным наркоманией, основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы суд может возложить на осужденного обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую или социальную реабилитацию (суд устанавливает наличие или отсутствие у лица заболевания наркоманией на основании содержащегося в материалах дела заключения эксперта по результатам судебно-психиатрической экспертизы, при этом заключение эксперта должно содержать вывод о наличии (отсутствии) у лица диагноза «наркомания», а также о том, нет ли медицинских противопоказаний для проведения лечения от такого заболевания).

(Постановление Пленума Верховного суда РФ от 30.06.2015 № 30 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 июня 2006 года № 14 "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами"»)

Разъяснены вопросы, возникающие в практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве.

В Постановлении Пленума ВС РФ указан перечень лиц, обладающих правом на защиту (лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный, оправданный, лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительных мер медицинского характера, и т.д.).

Предусмотрено, что право обвиняемого на защиту включает в себя не только право пользоваться помощью защитника, но и право защищаться лично или с помощью законного представителя всеми не запрещенными законом способами и средствами.

Право на приглашение защитника не означает право обвиняемого выбрать в качестве защитника любое лицо по своему усмотрению и

не предполагает возможность участия в деле любого лица в качестве защитника – по смыслу УПК РФ защиту обвиняемого в досудебном производстве вправе осуществлять только адвокат.

Участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если обвиняемый не отказался от него в установленном порядке. При этом участие в судебном заседании обвинителя (государственного обвинителя) не является безусловным основанием для обеспечения участия в нем защитника, поскольку обвиняемый на любой стадии производства по делу вправе по собственной инициативе в письменном виде отказаться от помощи защитника.

Заявление обвиняемого об отказе от защитника ввиду отсутствия средств на оплату услуг адвоката либо неявки в судебное заседание приглашенного им или назначенного ему адвоката, а также об отказе от услуг конкретного адвоката не может расцениваться как отказ от помощи защитника.

(Постановление Пленума Верховного суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»)

ВС РФ дал разъяснения по рассмотрению уголовных дел о легализации (отмывании) добытого преступным путем.

Разъясняются отдельные вопросы, возникающие при рассмотрении судами уголовных дел о таких преступлениях, как легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем; приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем.

Прежние разъяснения по делам о легализации (отмывании) утрачивают силу. Также признается не действующим принятое в 1962 году постановление Пленума Верховного суда СССР по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества.

В Постановлении Пленума, в частности, обращается внимание на следующие моменты.

Предметом легализации являются в т.ч. материальное вознаграждение за совершенное преступление (например, за убийство по найму) и плата за сбыт предметов, ограниченных в гражданском обороте.

Под иным имуществом следует понимать в т.ч. имущество, полученное в результате переработки имущества, приобретенного преступным путем или в результате совершения преступления. Например, объект, построенный из стройматериалов, приобретенных преступным путем.

Указано, с какого момента преступление считается оконченным. Причем то обстоятельство, что финансовые операции или сделки осуществлялись в условиях оперативно-разыскного мероприятия, не влияет на признание преступления оконченным.

Обязательным признаком легализации (отмывания) является цель придать правомерный вид владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем (в результате совершения преступления). Такая цель может проявляться в приобретении недвижимости, произведений искусства, предметов роскоши; в обналачивании денежных средств, в т.ч. через счета так называемых «фирм-однодневок». О такой цели могут свидетельствовать внешнеэкономические финансовые операции или сделки с участием контрагентов, зарегистрированных в офшорных зонах. Она может проявляться в использовании электронных средств платежа, в т.ч. неперсонифицированных или персонифицированных, но принадлежащих лицам, не осведомленным о преступном происхождении электронных денежных средств.

В то же время распоряжение денежными средствами или иным имуществом в целях личного потребления не свидетельствует о направленности умысла на легализацию. Речь идет о приобретении продуктов питания, товаров первой необходимости, получении бытовых услуг и т. п.

Подчеркивается, что в отношении лиц, виновных в легализации, судам необходимо решать вопрос о конфискации имущества.

(Постановление Пленума Верховного суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»)

В Регламенте КС РФ прописали подачу обращений в электронном виде.

Скорректирован Регламент Конституционного суда РФ. В него внесены 3 новых параграфа.

Первый – подача обращения в электронном виде с использованием системы «Обращение в КС РФ». Регистрация в системе проводится на сайте КС РФ. Она осуществляется путем заполнения регистрационной формы и присоединения к ней переведенных в электронный вид изображений определенных материалов. Для граждан это страницы документа, удостоверяющего личность, на которых размещена фото-

графия, указаны ФИО и место жительства (последнее – если указано). Для организаций это документ, подтверждающий регистрацию в качестве юрлица, документы, подтверждающие правомочие гражданина действовать от имени организации, а также страницы документа, удостоверяющего личность этого гражданина, в соответствии с вышеуказанными требованиями.

Второй – подача обращения в электронном виде с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи (ЭП). Обращение и прилагаемые к нему документы и материалы направляются на адрес ksrf@ksrf.ru. Они должны быть присоединены к одному электронному письму. Предмет обращения и перечень присоединенных документов и материалов с указанием количества страниц в каждом из них включаются в текст письма. Представлять копии обращения, а также документы и материалы в бумажном виде не нужно. Обращение, а также каждый из прилагаемых к обращению документов и материалов подписывается усиленной квалифицированной ЭП заявителя.

Третий – требования к обращениям, подаваемым в электронном виде. Обращение, а также прилагаемые к нему документы и материалы должны быть представлены в форматах Microsoft Word DocumeNt (с расширениями файлов .doc, .docx), RTF, PDF, JPG, PNG с сохранением всех аутентичных признаков подлинности (графических подписей, печатей, штампов, номеров, обозначений дат и т. д.). Содержание обращения, а также прилагаемых к нему документов и материалов должно представлять собой текстовую и (или) графическую (скан-копию текста) информацию. В случае направления сканированных изображений документов и материалов они должны быть выполнены в черно-белом либо сером цвете (с разрешением не менее 200 точек на дюйм). Допускается подача в упакованном архивном формате RAR, ZIP или 7z.

Изменения вступают в силу с 01.08.2015.

Чуть-чуть тюрьмы в пристойной биографии

Еще вчера рано утром я плыл по голубой дорожке лучшего в городе бассейна свой обычный километр, потом спешил в отглаженном костюме на работу, обсуждал на редакционной летучке план очередного газетного номера.

Все это было ВЧЕРА...

А СЕГОДНЯ – я в камере милицейского изолятора на узкой и коротковатой железной койке. На матрасе, давно потерявшем форму и цвет. Матрас прикрыт когда-то клетчатым, также утратившим цвет, одеялом. Налицо и все прочие атрибуты тюремной обстановки – маленькое, прикрытое жалюзи, окошечко с тремя рядами решетки, железная дверь с форточкой для подачи еды.

Только не это главное. Главное – несвобода. «Нельзя» и «не положено» – два приговора практически на любое мое «хочу». Неужели для меня сейчас, как по В. Высоцкому, «можно только – сны»?

Жуткая метаморфоза произошла со мной за последние сутки. Очень хочется верить, что все изменится, все вернется на свое место. Вот только сколько времени и сил на все это потребуется?

Обстановка камеры нисколько не удивила. Все выглядело так, как и представлял ранее. По книгам, кино, рассказам хлебнувших тюремного горюшка собеседников. Четыре кровати, стол, лавка. Все наглухо приварено к полу. На стене – металлический шкафчик. Умывальник. Отхожее место – канализационная дыра на небольшом пьедестале. Подобным образом выглядят туалеты на базарах и вокзалах в глухой российской глубинке.

Наверное, по-другому и не может выглядеть камера в казенном доме в моем многострадальном Отечестве.

Пространство, на котором я сейчас нахожусь, совсем небольшое, да что там говорить, откровенно куцее это пространство. И каждый предмет, находящийся в этом пространстве, непременно напоминает о том, что... это пространство НЕВОЛИ, пространство НЕСВОБОДЫ.

И предметы-то эти по пальцам пересчитать можно.

Смотрю вперед – прямо передо мной железная дверь с форточкой и глазком. Пожалуй, самый что ни на есть типичный, почти международный символ тюрьмы. Скользнул взглядом чуть вправо – там умывальник и место, предназначенное для оправления естественных надобностей. Чуть повернул голову – во всей красе видны лавка и стол. «Мебель» сварена из массивных металлических уголков и приварена к полу. Все непоколебимо и фундаментально. Вот только что должна подчеркивать эта фундаментальность? Неотвратимость наказания за преступление? Или ничтожество (а вдруг даже и никчемность) каждого сюда попадающего человека? А может быть, попадая сюда, человек вообще перестает быть человеком, а превращается (кто-то плавно и последовательно, кто-то резко наотмашь) в какую-то составляющую этой обстановки? В дополнение к этим железякам и нужнику?

Кстати, про обстановку.

Наверное, на автомате срабатывает профессиональный журналистский инстинкт. В очередной раз оглядываясь, пытаюсь выцепить из этого убогого пейзажа самое типичное, самое характерное, самое главное.

Конечно, это окно! Именно на нем я споткнулся взглядом, когда впервые осматривал панораму своей НЕСВОБОДЫ.

Знатное окно! Три решетки разных видов. Плюс жалюзи, пластины которого развернуты так, что ни солнца тебе, ни неба. Стоп... А может быть, не окно здесь самое главное, а... все-таки дверь, которую я недавно был готов возвести в международный символ тюрьмы?

Дверь... Дверь... Дверь...

Железная, крашенная в унылый серый цвет, дверь.

Впрочем, нет.. Не дверь, точнее не вся дверь, а главная ее составляющая – глазок. Он очень часто открывается. Иногда с каким-то щелчком и нездоровым скрипом. Иногда совершенно бесшумно, а потому как-то зловеще. Когда он открывается, в нем появляется чей-то

глаз. Бесцветный. Бесполой. Всегда внимательный и недобрый, возможно, даже хищный.

Кажется, благодаря этому глазку дверь живет своей самостоятельной жизнью. Или глазок сам по себе живет своей жизнью?

А может быть, и дверь и глазок – это часть тела какого-то неведомого и, конечно, недоброго существа, животного, хищника? Еще чуть-чуть, и начнет казаться, что серое пространство двери шевелится, мерно вздымается, будто зверюга этот дышит.

Отдышится... Осмотрится... Дальше что? Охота? Обед? Борьба за куцее пространство? В любом случае человеку, что здесь находится, незавидная участь выпадает. И бежать ему некуда, и обороняться нечем, и помощи просить не у кого.

Впрочем, я здесь не один. Кого выберет серый зверюга?

Наверное, со стороны совсем ненормальными такие мысли представляются. Неужели резкая смены СВОБОДЫ на НЕСВОБОДУ нанесла такой ущерб моему разуму? Выходит, тронулся? Какой щедрый подарок тем, кто меня сюда спрятал! Да и рановато что-то. А с какой, собственно, стати?

Надо взять в руки и себя, и сознание свое, и все, что в нем творится, а всякие литературно-философские изыскания со всеми параллелями и ассоциациями надо гнать подальше. Не до этого!

И не фигу по сторонам зыркать! Камера как камера! На земном шаре до сего дня полно стран и мест, где человек, угодивший в мою ситуацию, просто оказывается в каменном мешке, а то и в... яме, накрытой решеткой. А тут все-таки кровать с матрасом, водопровод и даже канализация.

В очередной раз меряя камеру шагами, вспомнил некогда рожденный в недрах ГУЛАГа афоризм-лозунг-установку: «Не верь! Не бойся! Не проси!» Очень искренние, по-хорошему жесткие, честные слова. Но ко мне они, кажется, никак не относятся. Это лозунг борца-одиночки, человека сильного, незаурядного, но все-таки очень одинокого человека. У меня совсем другая ситуация. Да и сам я, надеюсь, другой. Мне ближе лозунг: «Верь! Требуй! Побеждай!» Хотя звучит как-то нескромно.

Опять откручиваю назад ленту вчерашней хроники.

Допросу предшествовал обыск в квартире. Не лучшее занятие – наблюдать, как незнакомые и, чего там лицемерить, малоприятные

люди шастают, не сняв башмаков, по твоему дому, бесцеремонно копаются в твоих вещах, небрежно ворошат то, что для тебя дорого, что связано с личным и сокровенным.

Наверное, надолго запомню молодого опера, кому выпало обыскивать книжный шкаф.

Разумеется, на стул, чтобы дотянуться до верхних полок, он попытался взгромоздиться, не сняв ботинок. Правда, мои возражения принял, обувь снял. Даже проглотил без комментариев, когда я демонстративно подстелил на стул газету (это чтобы обивка стула потом не пахла так, как пахли его носки).

Книги опер осматривал как автомат. То ли опыт сказывался, то ли последствия серьезного инструктажа. Ни одного лишнего движения: только разворачивание книги веером (не спрятано ли что-то между страницами), только ощупывание переплета (не заткнуто ли что-то туда).

Работал он четко, а потом... сбой. Это потому что пришел черед тома энциклопедии Брокгауза и Ефрона осматривать (шикарное репринтное издание, лет десять тому назад купил). А там гравюры и прочие картинки. Вот он ими и увлекся. Вместо десяти секунд у него теперь на каждый том несколько минут стало уходить. Может быть, в этот момент в нем когда-то загубленный библиофил проснулся или просто безкнижное трудное детство молодой человек вспомнил.

Разумеется, странное поведение опера незамеченным не осталось. Сначала старший, которым всем обыском руководил, ему замечание сделал, потом еще раз, уже в более жесткой форме, потом вовсе с «книжной позиции» снял – отправил на кухню кастрюли и банки с крупами перебирать. Книги стал уже другой опер осматривать. Тот на картинки уже не реагировал. Действовал как надо, исключительно по инструкции. Мне даже показалось, что он был твердо уверен, будто книги существуют исключительно для того, чтобы одни люди в них что-то коварно прятали, а другие это «что-то» доблестно искали.

Кстати, что искали в моей квартире? Чемодан фальшивых денег? Схему возможного подкопа под Кремль? Адскую машину с изрядным запасом динамита? Получу ли я когда-нибудь исчерпывающий ответ на эти вопросы? Не уверен.

Хотя, похоже, то, что требовалось найти, они все-таки нашли.

Где-то в середине обыска опер, двигавший ящики в шкафу, почти торжественно изрек:

– Вот!

И помахал в воздухе целлофановым пакетиком, в котором что-то зеленело.

Короче, «обнаружился» в моем жилище пакетик с марихуаной.

Не до смеха, конечно, но все равно смешно. «Обнаружили» в моем доме подростковую «дурь»! Несусветная глупость! Могли бы что-то посолидней, в соответствии с возрастом и социальным статусом подобрать. Тот же кокаин, пресловутый «порошок», он же «кокс», куда бы «логичнее» смотрелся в этой ситуации.

По большому счету «находке» не удивился.

Не только в криминально-уголовных кругах, не только в «околомилицейских сферах», а во всем нынешнем обществе известно: люди в погонах часто подбрасывают своим «оппонентам» наркотики, патроны и прочие «штуки» позволяющие одним изобличать последних как антиобщественных элементов, которых непременно надо изолировать, посадить, «закрыть». Разумеется, никакими приказами и распоряжениями это не расписано. Более того, когда милиция «прокалывается» и «нескладуха» с наркотой и боеприпасами становится достоянием гласности, незадачливых провокаторов в погонах наказывают, порою даже изгоняют из органов. Только последнее – скорее как раз то исключение, что жирнущей чертой подчеркивает общее, не красящее все наше общество, правило.

Как оценивать факт обнаружения пакетика с зеленым содержимым в моей квартире? Наверное, присутствуют здесь два аспекта. С одной стороны, это знак того, что все «очень серьезно» (наркотики будут использованы для того, чтобы меня окончательно скомпрометировать и непременно «закрыть»). Для меня это несомненный минус.

С другой стороны... Если «органы» отважились на использование такого кондового метода, что уже стал темой анекдотов и прочей социальной сатиры, – значит.. не все у них в порядке с доказательной базой, значит, из дела, которое только затевается, уже вовсю торчат белые нитки. Разумеется, это для меня несомненный плюс¹.

¹ У пакетика «с зеленой требухой» сложилась своя история. Сначала «серьезная» экспертиза признала, что внутри действительно находится «наркотическое вещество растительного происхождения». Потом этот пакетик был отправлен на какую-то другую, еще более серьезную экспертизу аж в Петербург. Оттуда пришел более чем официальный ответ, который я читал накануне суда, знакомясь с материалами дела (копия снята и сохранена для семейного архива. – Б.З.). Ответ гласил, что в пакете действительно находится марихуана, но на пакете «отпечатков пальцев подозреваемого» (то есть моих отпечатков, моих пальцев) «не обнаружено». Выходит, пакет с «дурью» кто-то неведомый то ли пинцетом, то ли посредством телекинеза взял да и перенес в ящик моего стола. Тем не менее это несуразное, если не сказать идиотское, обвинение (приобретение

Еще характерная деталь моего СЕГОДНЯШЕГО быта: свет в камере не гасится круглые сутки, накрываться с головой запрещено. Плюс ко всему то и дело лязгает с наружной стороны двери железяка, прикрывающая глазок. Это значит, что находящийся в коридоре дежурный милиционер отслеживает все, что происходит в камере. Только что здесь может происходить? Такое убогое пространство просто не предназначено, чтобы здесь что-то происходило. Похоже, все так и задумано.

Кажется, уже пора привыкать к реальности: я в камере милицейского изолятора на Петровке, 38. Сколько фильмов довелось посмотреть, сколько книг прочитано, где фигурирует этот адрес. Да что там кино и книги! Сколько раз в своей жизни проезжал и проходил мимо, даже не присматриваясь к корпусам с характерной чуть нелепой архитектурой. По иронии судьбы от этих корпусов до моей квартиры в Головинском переулке минут двадцать очень неспешной ходьбы. Что-то около километра. И кто бы мог подумать, что может грянуть в биографии момент, когда этот километр станет непреодолимой дистанцией.

Откуда-то изнутри, из потаенных недр собственного сознания, возникает то ли сокровенный совет, то ли очень жесткая установка о том, что сейчас очень важно спланировать время, подчинить организм и разум особому ритму, графику, порядку. Уверен, тогда лучше будут решаться возникающие проблемы. Только так можно будет сохранить здесь здоровье, рассудок, присутствие духа. Уже пытаюсь выстроить что-то вроде распорядка дня. Утром – обязательно зарядка. После общей разминки, приседаний, ходьбы на месте – непременно тяжелая нагрузка. Наверное, для этого лучше всего отжиматься на кулаках – два, нет три раза по пятьдесят раз. Через пару недель этот объем надо будет увеличить вдвое.

и хранение наркотиков) «дожило» до суда, присутствовало в приговоре, было учтено при вынесении этого приговора.

С «наркотической темой» приговор просуществовал целых четыре месяца. Потом... Потом «тему» сняли. Стыдливо, если не сказать, воровато. С еще более идиотской формулировкой: «за отсутствием состава преступления...»

Разумеется, никаких объяснений, тем более извинений при этом не последовало. С последним в ведомстве, которое стряпало мое дело, очень напряженно.

Написал «пару недель» и... вздрогнул. Неужели мое пребывание во всем этом скотстве настолько затянется, неужели так трудно разобраться в ситуации, по итогам которой редакционное кресло я сменил не по своей воле на железную, скрипящую и лязгающую при каждом вздохе койку.

Наверное, в этой ситуации надо исходить из самых худших вариантов развития ситуации. Потому и готовиться надо к самому неблагоприятному варианту развития событий. Потому и нагружать надо не только тело, но и мозг. Пора заняться основательной проработкой своего дела, штудировать юридическую литературу.

А еще надо вести дневник. Дневник особенный. Основное внимание уделять в нем не только самим происходящим событиям (впрочем, какие здесь, в четырех стенах, события), а собственным ощущениям, наблюдениям, ассоциациям, может быть, даже снам.

Вдруг из всего этого удастся сделать книгу? Очень личную, очень искреннюю и вдруг для кого-то даже полезную.

Очень часто мою руки. Утром, вечером, после туалета, перед едой, после еды, после того как приходится что-то трогать в камере и по прочим, порою совершенно пустячным поводам. Похоже, причина перманентной самодезинфекции вовсе не брезгливое неприятие окружающей обстановки, а необычайная тягучесть времени в местных условиях. Время в изоляторе не идет, не движется. Оно стоит, точнее нависает. При этом агрессивно прессует, давит, плющит. А тут мытье рук – хотя бы какое-то разнообразие в убогом распорядке. Соответственно, и качество этого процесса здесь совсем иное. Тщательно намыливаю ладони, запястья, потом пальцы, каждый в отдельности. Смываю и еще раз повторяю всю процедуру.

Человеческая воля не всесильна. Не надо лицемерить – отчаяние обязательно будет посещать человека, угодившего в ситуацию, схожую с моей. Оно просто не может не посещать. Другое дело – как относиться к этому состоянию. Иногда мне кажется, что я почти выработал универсальную форму отношения к нему. Почти рецепт, без пяти минут ноу-хау. При первых признаках появления отчаяния я максимально расслабляюсь и почти полностью открываю этому гнусному чувству свой мозг, сознание, сердце. Я имитирую полное поражение, паралич воли, нежелание и неспособность к любому сопротивлению. Еще не-

много, и я начну верить, что адвокатские хлопоты тщетны, поддержка с воли эфемерна, что грядущий, наверняка громкий процесс неминуем. В этом случае я получаю как минимум семь лет зоны строгого режима. И это на шестом десятке лет. В зените вполне пристойной биографии.

А теперь стоп!

Удар надо держать! Главное: не упасть в глазах близких мне людей, в первую очередь моих детей. Только ради этого все возможное надо выдержать, перенести. Нельзя не помнить и о другом. Жизнь не заканчивается ни в начале шестого десятка, ни в пятьдесят восемь (это тот возраст, которого я достигну на момент своего освобождения, если меня все-таки «спрячут»).

Важно не забывать и еще одну очень простую вещь. Я – не первый и не последний. Сколько моих ровесников получали куда более серьезные сроки в еще недавнюю эпоху ГУЛАГа. И держались достойно. И выживали. И возвращались к тем, кто их помнил и ждал. Самое время вспомнить, что тогда никаких адвокатов для них не существовало, что близкие частенько отказывались-отрекались от своих отцов и мужей.

Кстати, сроки тогда отбывались не за шитьем рукавиц в теплых мастерских, а на рудниках и в тайге с кайлом и тачкой. Не раскисать! Собраться! Верить! Бороться! У меня есть все основания надеяться на справедливость, на счастливое избавление! На победу! Стержень этой уверенности – вера в справедливость, в правое дело. Эта вера умножается осознанием надежности тыла. Тыл – это семья, друзья, редакция. Не раскисать! Верить! Бороться!

Палитра звуков, которые улавливает слух обитателя изолятора, небогата. Если распахнута внутренняя створка снабженного тройной решеткой окна, иногда можно услышать обрывки разговоров оказавшихся рядом работников изолятора. Темы разговоров более чем пустячны («Обедал? – «Не-а», «Футбол смотрел?» – «Полная фигня», «Кто сегодня в суд едет?» – «Опять я? Значит, опять без обеда...» и т.д.). Соотношение при этом слов человеческих и слов матерных обычно 1:1. Иных звуков с воли сюда не доносится.

Впрочем, вчера перед ужином камеру (часов здесь нет и три приема пищи – единственные ориентиры во времени) наполнил колокольный звон. Похоже, звонили с колокольни одного из расположенных поблизости монастырей. Тот самый вечерний звон, наводящий много дум. А думы-то известно какие. Все больше темные да мрачные...

Кстати, эти же колокола я слышал порою с балкона своей квартиры в Головинском переулке. Разумеется, не сильно прислушивался и совсем не задумывался. Вот оно – то самое, что называют гримасой судьбы. Разве мог я предполагать, что одни и те же звуки можно воспринимать очень-очень по-разному.

А днем доводилось слышать раскаты петардной канонады. Видимо, в одном из ближайших ресторанов кто-то из новых русских с широтой и размахом отмечал какое-то торжество. Каждому – свое. В этих стенах подобное изречение наполняется очень специфическим смыслом.

Иногда меня вывозят за пределы изолятора. На допросы, На очные ставки. На всякого рода экспертизы. Всякий раз под конвоем вооруженных автоматами милиционеров.

И всякий раз на меня надевают наручники. Обратил внимание, что наручники отличаются друг от друга. По конструкции, форме, цвету металла. Один из конвоиров объяснил мне, что на сегодняшний день в российском МВД «на вооружении» есть несколько моделей наручников. Есть обычные, есть самозатягивающиеся, ущемляющие, предназначенные для особо беспокойных.

Моделей наручников несколько, но самые надежные те, что изготовлены чуть ли не в середине 50-х годов. «Бериевские, – с блаженной гордостью пояснил мой словоохотливый собеседник, – один клиент тут, бывалый, три ходки за ним, хвалился что их гвоздем в пять секунд откроет. Не открыл. Проспорил. У нас браслеты – супер...»

Вполуха слушая конвоира-болтуна, поймал себя на простенькой мысли. Для этого милиционера наручники – профессиональный инвентарь, своего рода орудие труда. Вполне логично, что он имеет право гордиться этим орудием. Однако профессии бывают разные...

Только что упомянул про свои перемещения по известной схеме «допросы – очные ставки – экспертизы».

Кажется, движение. Кажется, разнообразие.

Однако, куда бы ни возили, что бы ни предлагали делать, часто ловлю себя на тягостном ощущении, будто все уже определено, все решено, а все эти разговоры и бумажки – просто так, для проформы, для соблюдения какого-то очень условного параграфа. Если так, то я – сродни той жертве, на которую удав уже накрутил свои кольца и теперь неспешно натягивает свою универсальную раздвижную без-

размерную пасть. Понятно, удав – образ. Вот только кто за ним? Министр продовольствия, разъяренный публикациями, затрагивающими его репутацию? Или нанятый-купленный им за немалые деньги кусок целой правовой системы моего многострадального Отечества? Впрочем, какая разница?

Если же упомянутый образ развивать, то получается, что пасть того самого «удава» того гляди захлопнется и... начнется процесс परिवаривания.

Мрачная перспектива.

Каждые два дня (а то и чаще) в камере шмон. Приходят несколько милиционеров, нас выводят в коридор, ставят лицом к стене, ноги на ширине плеч, руки в стену. Сначала нас самым подробным образом обыскивают. При этом тщательно прощупывается каждый шов, каждая складка одежды.

Я с детства боюсь щекотки, потому подобную процедуру переношу с трудом... Потом нас заводят в свободную камеру и запирают.

Пока мы сидим взаперти, милиционеры обыскивают камеру. Переворачиваются пакеты с продуктами, просматриваются собравшиеся за последнее время газеты, перетряхиваются постельные принадлежности.

Что ищут, что вообще можно найти в подобной ситуации, мне непонятно. На этот раз, вернувшись в камеру, стали свидетелями и участниками почти забавной сцены. Старший производившей шмон группы, заорал:

– Откуда в камере деньги?!

Мы с удивлением переглянулись. Оказывается, под деньгами оравший понимал полтора рубля (монетка в рубль и монетка в пятьдесят копеек), обнаруженные под постеленной на стол бумагой. Самое удивительное, что никто из нас этих денег никогда и в глаза не видел. Да и можно ли назвать эти монетки деньгами, я не уверен.

Правила человеческого общежития в камере изолятора – вполне тюремные. Формировались они веками, в итоге сконцентрировались в тезисы, которые можно сосчитать по пальцам едва ли не одной руки.

Делись едой и куревом с соседями.

Не справляй нужду, когда другие принимают пищу.

Не задавай никому лишних вопросов, вообще старайся как можно меньше обращать на себя внимания.

В разговоре с окружающими не ври даже в самых ничтожных мелочах.

Поддерживай в порядке себя и место, где проводишь большую часть времени.

Вот и все. Все понятно, все объяснимо. Все вполне употребимо для нетюремной вольной жизни. Однако в этой самой вольной жизни про эти простенькие тезисы вспоминают редко. Соответственно и соблюдаются они очень слабо. Станный тогда вывод напрашивается, но с этим выводом я спешить не буду. Ведь тюремный мой стаж попросту ничтожен.

В изоляторе регулярно, едва ли не ежечасно, приходится сталкиваться с почти трогательной заботой администрации о нашей безопасности.

Уже в самый первый день (для меня это была ночь) нахождения в этих стенах я стал свидетелем и участником характерной сцены. Принимавший меня прапорщик с хищным интересом пересмотрел мои, наспех накиданные в целлофановый пакет немногочисленные вещи, выхватил оттуда полотенце, вытянул его в длину и буркнул:

– Не положено...

– Почему? Это же средство личной гигиены...

– Длинное...

Встретив мой недоуменный взгляд, пояснил почти с ненавистью:

– Правило такое... Чтобы не вешались...

Видимо, из-за этих же, в высшей степени гуманных соображений у всех поступающих в изолятор непременно отбираются шнурки и ремни (чтобы никто не вздернулся), часы (чтобы осколками разбитого стекла никто не вскрыл себе вены), ножницы и любые предметы, имеющие хотя бы какой-нибудь намек на колюще-режущее предназначение. Весьма неохотно разрешил уже упомянутый прапорщик взять с собой в камеру очки, а вот футляр от очков пропустить наотрез отказался. Причин не объяснил. Видимо, пластмассовый футляр, по его разумению, также в один прекрасный момент мог превратиться то ли в холодное, то ли в огнестрельное оружие.

Похоже, по тем же причинам безопасности мебель в камере, как я уже отмечал, наглухо приварена к полу. Наверно, тем же можно объяснить и особый режим пользования посудой в изоляторе.

Миску, кружку и ложку всякий находящийся здесь получает утром при раздаче завтрака. Ложки возвращаются сразу после окончания еды. Миски и кружки сдаются уже вечером, после ужина.

Почему посуду нельзя надолго оставлять в камере?

– Мусора бояться, чтобы из этого заточек не наделали, – пояснил мой сосед, бывалый сиделец, сорокалетний Игорь.

Любопытно, что алюминиевые кружки, выдаваемые в изоляторе для временного пользования, – начисто лишены ручек. Оказывается, в отклепанном, распрямленном и заточенном виде эта ручка легко превращается в серьезное оружие.

Наверное, по той же причине из обуви всех поступающих в изолятор извлекаются металлические супинаторы. Помню остервенелое сопение, с которым во второй день моего пребывания в этих стенах дежурный прапорщик курочил мои совсем не старые, купленные в прошлом году аж в самом Лондоне ботинки.

– И чего же вы там ищете? – не сдержал я своего наивного любопытства.

– Чего надо, найду обязательно, – прорычал прапорщик.

На время разламывания моих ботинок я был помещен в железную, запирающуюся на замок клетку. Оттуда, через зазоры в металлических прутьях, была прекрасно видна, зятая в серое форменное сукно спина милиционера, хлопотавшего над моими ботинками.

Я видел, как на этом сукне появились темные пятна пота, как покраснели и заблестели жирные складки между шеей и затылком.

Было понятно, что человек был занят своей каждодневной работой, которую он любил и которую вряд ли был готов доверить кому-нибудь другому. Кстати, представить, чтобы этот человек делал другую работу, я не мог. Трудно было удержаться от любопытства:

– Не жаль башмаков? В Англии куплены, их еще носить да носить...

Прапорщик повернул ко мне искаженное злобой лицо:

– После того что по футболу с нашей командой англичане сделали, все английское бойкотировать пора... А тебе скоро совсем другая обувка потребуется...

Угодил гад навскидку ниже пояса.

По инерции я огрызнулся:

– Не тебе, а вам...

Уточнения никто не услышал. Стальные супинаторы были торжественно извлечены из недр моих развороченных башмаков и пафосно отправлены в мусорную корзину. Заодно впавший в раж милиционер одним махом обрезал украшавшие башмаки пряжки. Уточнять, чего ради это было сделано, мне уже не хотелось.

Обратил внимание, как велик в изоляторе дефицит ярких и сочных красок.

Стены выкрашены в нездоровый зеленый цвет, потолки – в грязно-белый. Одежда и матрасы – вольная импровизация на темы уныло-серого и мрачно-синего. Наволочки и простыни – серо-желтые. Других цветов здесь не встречается.

Еще один штрих приблизительно на ту же тему. В ясный день, расположившись у окна соответствующим образом (точнее, изогнувшись почти неприлично – так, чтобы угол зрения совпадал с углом наклона пластинок жалюзи), можно увидеть полоски голубого неба. Вот тебе наглядная иллюстрация к мотивам и образам тюремно-блатной лирики, где так часто повторяется «кусочек неба синего».

Впрочем... Похоже, что все так специально и задумано с участием людей, неплохо разбирающихся в тонкостях человеческой психологии. Убогая гамма красок создает соответствующее настроение, соответствующим образом влияет на волю. По большому счету палитра изолятора – проверенный и действенный инструмент в руках тех, кто желает вытащить из тебя соответствующие показания, заставить подписать нужные бумаги и т. д.

Ни к месту и ни ко времени пришла в голову шальная идея розыгрыша, которому подвергну кого-нибудь из своих друзей, как только покину эти скорбные стены. Не предупредив о своем освобождении, непременно завалюсь к самому законобязненному из них, сделав страшные глаза (как у того прапорщика, что курочил мои английские ботинки), попрошу свистящим шепотом:

– Спрячь Христа ради... Я в побеге... У меня мусора на хвосте...

Затея еще не сложилась в законченный сюжет, а мне уже стало за нее стыдно. Экое непростительное мальчишество, отдающее открытой глупостью!

Кстати, чтобы такие шутки шутить, для начала нужно хотя бы освободиться, а этим пока и не пахнет.

Удивительное дело – лексикон персонала, работающего в этих стенах, практически не отличается от лексикона людей, здесь содержащихся. То же засилие блатных словечек, тот же густой, вовсе даже не цветистый, а грубый и однообразный мат.

Кстати, едва ли не треть состава персонала, работающего в изоляторе, – женщины. И они изъясняются аналогичным образом.

Если профессиональное аргю считать частью бренда, то странный бренд у этого знаменитого, прославленного книгами и кино милиционерского изолятора.

Впервые за десять дней нахождения в неволе видел сон. Путаный, смазанный сюжет: коридор, очень похожий на коридор родной редакции. Много-много коротко стриженных ребят. То ли воспитанники приюта, то ли заключенные колонии малолеток.

У меня в руках какой-то предмет. Что-то тряпичное. Что-то вроде тряпичного свертка или сложенной куртки. Одной рукой я прижимаю этот кулек к себе, другой отбиваюсь от наседающей ребятни. Мои удары и прочие движения, как это часто бывает во сне, вязкие, тяжелые, очень медленные. Движения моих противников также оставляют желать много лучшего – они суетливы и бестолковы.

Как можно трактовать увиденный сюжет? Жаль, рядом нет профессионального толкователя снов.

Друг передал через адвоката карманное Евангелие. Своевременный подарок! Тюрьма и каторга испокон веков лучшие места для укрепления веры, постижения христианских истин. Друг – выпускник МГИМО. Два иностранных языка он знает в совершенстве, еще два чуть хуже. Специалист едва ли не мирового уровня по международному праву. Знаток западноевропейской живописи и оперы. Он толст, неуклюж, очень мил и начисто лишен способности ориентироваться в самых элементарных жизненных ситуациях. Наверное, поэтому все три имевшие место в его жизни жены взашей выгоняли его, обе уже взрослые дочери избрали дистанционно-дозированный способ общения с ним.

Перелистывая переданную им книгу, поймал себя на простой, но очень четкой мысли: здесь евангельский текст будет читаться совсем по-другому. Мелькнуло и другое, уже тревожное: не раз и не два придется перечитывать в ближайшее время эту книгу. Впрочем, с последним, возможно, ошибаюсь.

Тут же пришел на память и общеизвестный факт из отечественной истории. В годы Первой мировой войны многие представители российской интеллигенции в едином патриотическом порыве объеди-

нялись во всякие комитеты и общества помощи фронту. Разумеется, комитеты и общества регулярно заседали, их члены не менее регулярно спорили о судьбах России, скорбели о недюжинных испытаниях, выпавших на долю русского народа. А единственным более конкретным результатом деятельности этих организаций были отправленные на фронт вагоны с отпечатанными типографским способом иконками. И это в то время, когда на передовой не хватало оружия, патронов, продовольствия. Верно, оторванность от жизни, неспособность к конкретному решению конкретных задач – извечная проблема русской интеллигенции. Плюс элементарная трусость.

Кстати, тот же, передавший Евангелие, друг, с учетом своих юридических знаний и очень серьезных знакомств в милицейских сферах (многие его бывшие ученики уже достигли немалых карьерных высот), мог реально помочь мне в моей нынешней ситуации. Передать, пусть трижды полезную, книгу, конечно, проще.

Впрочем, эта самая моя нынешняя ситуация менее всего подходит для высокого морализаторства. Спасибо, Борис Наумович, за проявленную посильную заботу! Не дай Бог, ты попадешь в похожий переплет (кто знает, вдруг всплывут факты твоих манипуляций с левыми диссертациями или объявится некая особа, которую ты склонил к интимной связи за благосклонность при защите ее кандидатской). Вот тогда я лично подам тебе пример соучастия и сострадания.

Похоже, тюремный изолятор – уникальное место, где человеческий кругозор расширяется самым неожиданным и самым непредсказуемым образом. Например, здесь я попробовал... курдюк. Курдюк – это соленое (возможно, и чуть подкопченное) овечье сало, из того самого курдюка, что болтается у этих животных в известном малоприличном месте. Пробовал с некоторой опаской, больше чтобы не обидеть угощавшего чеченца Ахмета. Опасения оказались напрасными. Курдюк оказался вполне съедобным и даже вкусным продуктом. Что-то среднее между осетриной и свиной грудинкой. Чего еще я здесь узнаю, с чем познакомлюсь, чему удивлюсь?

Приходили «мои» опера.

Написал «мои» и задумался. «Мои» – это как приговор. Примета того, что все ЭТО (допросы, тюрьма и т. д.) – надолго и всерьез. Подумал так и поежился.

А впечатление от моих «гостей» неприятное. Даже от их внешности. Один – очень маленький, вертячий с плутовскими бегающими глазами. Другой – высокий, но очень узкий в плечах с неестественно большой головой на очень тонкой шее. Прямо марсианин какой-то. И глаза у него тоже очень примечательные. Водянистые, совершенно пустые. Наверное, такие глаза должны быть у патологоанатомов и профессиональных палачей.

Понимаю, мое отношение к этим людям очень специфическое, очень пристрастное. Только все равно хотел бы найти в их внешности хотя бы что-то положительное, привлекательное. Хотел, но так и не смог.

Фамилия одного – Штатов, другого – Сержантов. Наверное, очень надолго запомню я эти фамилии.

При встрече, на которую меня привели в специальную комнату, мне был задан вопрос:

– Ну как вам тут?

– Отлично, – почти машинально ответил я.

За первым вроде как дежурным вопросом грянули два других. Куда более конкретных, куда более болезненных, если не сказать безжалостных, сродни ударам, нацеленным ниже пояса:

– А вы статью свою знаете?

Тот, что повыше, кивнул на стол, где лежал пухлый том Уголовного кодекса.

– А вы знаете, сколько по ней сидеть придется?

Этот вопрос был уже задан маленьким Штатовым.

– Это допрос? – в свою очередь переспросил я.

Моих скромных познаний в уголовно-правовой сфере уже достаточно, чтобы знать, что всякий допрос может производиться только с участием адвоката. «Гости» вмиг поскучнели.

– Да нет, мы побеседовать пришли, никакой это не допрос...

Мне ничего не оставалось, кроме как попросить, чтобы меня отвели обратно в камеру.

Разумеется, визит оперов настроения не прибавил. Скорее наоборот. Статья, по которой мне предъявили предварительное обвинение, предполагает наказание от семи до пятнадцати лет лишения свободы.

Если это не изощренная форма психологического давления (точнее, откровенного грубого «прессования»), тогда что же это?

Уже в камере подумал, дай волю двум этим моим «посетителям», с каким рвением и изобретательностью взялись бы они за добывание (а скорее за выбивание) моих признательных показаний. Заодно и отпустили бы своему подследственному за все, что не дано им судьбой:

за малый рост и прочие физические недостатки, за не очень богатое детство, за провинциальное прошлое, и за много чего еще. Какое все-таки счастье, что на дворе не 37-й, что у меня есть адвокаты, что на воле остаются люди, которые помогают и поддерживают.

А в отношении психологического давления... Похоже, у тех, кто занимается моим «делом», накоплен немалый опыт подобных приемов и методов. Вспоминается и первый, якобы случайный, сосед по камере (теперь не сомневаюсь, что он был из «наседок»), который, едва услышав мои ответы на стандартные вопросы «за что?», «почему?», сразу вынес безапелляционный вердикт: «Да тебя по факту взяли, надолго угреешься...»

Помню и номер «Московского комсомольца», вроде как случайно кем-то оставленный в милицейском воронке, в котором везли на очередной допрос. Непростой номер – со статьей, персоне моей посвященной, где про вымогательство и всякие «ужасы» (типа наркотиков, в моем жилище «обнаруженных»).

Теперь вот про другую «статью» – статью УК, которая, возможно, и не имеет ко мне никакого отношения, но которую так изобретательно и старательно «лепят» ко мне мои недоброжелатели.

Наверное, со стороны, с «воли», все это пустяками представляется, а то и вовсе приметам психологического расстройства. Но это со стороны... А когда ты в клетке, где даже небо только в щелочках жалюзи можно увидеть, все это совсем по-другому принимается. И это не свидетельство твоей слабости. Это – данность!

Население изолятора постоянно тасуется. Фактически больше недели в одной камере никто не обитает. Логика начальников, установивших и поддерживающих это правило, вполне объяснима. Видимо, они думают, что люди не должны быть подолгу в одной «хате» (так здесь называют камеры), иначе между ними начнут складываться откровенные доверительные отношения. А там, поди, преступные сообщества начнут закладываться и всякие там умыслы (типа побега, захвата заложников, бунта и т.д.) будут зарождаться.

Я успел сменить три камеры. Масса людей менялась вокруг меня. Моими соседями были очень разные во всех, в том числе и в религиозном, отношениях люди. Порою бывало так, что в одно время с баптистом, мурлыкавшим под нос евангельские псалмы, таджик с благого-

вением совершал намаз, а ортодоксальный еврей, набросив на голову вместо кипы носовой платок, раскачивался в очередной молитве. Вот и сейчас чеченец Ахмет, заменив коврик собственной курткой, отбивает поклоны. А на соседней койке листает журнал с полуголыми девками на обложке сатанист Андрей. Листает и поглаживает большую наколотую на животе пентаграмму.

И никому не мешает мой, переданный с воли, миниатюрный образ Богоматери. Удивительно, ни в одной камере в разговорах никто никогда не касался вопросов веры и никогда не возникало ситуаций, которые хотя бы с натяжкой можно было бы отнести к конфликтным. Неужели в нашем нынешнем социуме камера милицейского изолятора – единственное место, где люди различных конфессий едят за одним столом, мирно делят куцее казенное пространство, словом, прекрасно уживаются и легко понимают друг друга?

Кстати, про образ Богоматери. Его еще лет пятнадцать назад написал и подарил мне мой племянник, профессиональный иконописец. С этой иконой я старался не расставаться: брал его с собой и на отдых, и в командировки. В итоге она объехала со мной стран двадцать. Побывала во многих пышных европейских столицах, видела головокругительную экзотику Азии и Африки. Вместе со мной летала, плавала, тряслась по грунтовкам в джунглях, в горах, в пустынях. Видела и «горячие точки». Конечно, помогала и спасала. Вот и сейчас она со мной. Передала жена, когда приехала в суд, который принимал решение «об оставлении меня под стражей». Едва упросила дубинноголового конвоира, который меня тогда сопровождал. Последний долго отказывался, потом смиловался, но, на всякий случай, царапнул перочинным ножом крест-накрест тыльную сторону образа. Наверное, искал миниатюрный тайник для наркотиков или что-то еще в этом роде. Маленькую икону я принимал двумя руками. По-другому не получалось: руки были скованы наручниками.

Очень хорошо, что этот образ сейчас со мной. Интересно, какие еще «приключения» предстоит ему разделить со своим владельцем.

Остался в камере совсем один.

Чеченца Ахмета отпустили под подписку. Я уже знаю, что это – хороший признак (значит, у следователей не сходятся концы с концами, обвинение на ладан дышит, если не сказать рассыпается).

Бывалый зэк Игорь переведен в другую «хату». Не сомневаюсь, он играл роль «наседки» (уж слишком не соответствовали вопросы, которые он задавал мне, уровню его образования, культуры и всей прошлой биографии). Я его не осуждаю. Кто знает, какие обстоятельства сложились в его жизни, когда он принял решение «работать на органы».

Уральский залетный паренек (забрали в скверике у трех вокзалов по подозрению в краже мобильного телефона, в изолятор прибыл в резиновых «вьетнамках» и в майке-борцовке) просто был вызван куда-то и не вернулся.

Теперь я один. Что это? Случайное совпадение обстоятельств или что-то новое из арсенала мер психологического воздействия на подсудственного?

Обстановка в изоляторе такова, что и с соседями нет смысла быть слишком разговорчивым, тем более откровенным. Одиночество – вечный удел всякого, сюда попадающего. И все-таки немного лучше, немного веселее, когда рядом пусть мало знакомая, но все-таки живая душа, готовая, пусть к пустяковому, но все-таки разговору. А тут один, совсем один. И неизвестно, сколько это продлится.

Можно только догадываться, какие мысли могут приходить в голову в этих стенах. Когда человек оказывается здесь в полном одиночестве, тяжесть подобных мыслей вырастает во много раз.

Впрочем, мысли мыслями, но есть еще вера, есть надежда, есть воля. Это – не материальные предметы, которые можно отобрать в ходе шмона. Это – то, что всегда во мне, всегда со мной. Количество соседей и сам факт их присутствия или отсутствия в камере на это не влияет.

Кстати, уже знаю, что порою постоялец изолятора специально оставляется в камере совсем один для того, чтобы приходящим к нему следователям или операм было удобней... выбивать из него нужные показания. Бывает, что подобные процедуры осуществляются и вовсе неведомо кем. Просто в один прекрасный момент, днем или ночью, растворяется железная дверь, в камеру заходят двое, трое, возможно, и более (в зависимости от физических данных подсудственного) молодцов в масках. Заходят и... лупят подсудственного. Лупят жестко, больно, но аккуратно, чтобы ни синяка, ни ссадины не оставалось.

Сделают молодцы в масках свою черную работу, а следом к еще не очухавшемуся подсудственному, милости просим, следователь или опера по его делу с известным вопросом:

– Ну что, дальше отпираться будем или сознаваться будем?

Не сказать, что повальная, поставленная на конвейер практика, но бывает такое, еще как бывает. Возможно ли применение подобных «штучек» по отношению ко мне? Думаю, вряд ли! Все-таки у меня толковые адвокаты, да и к средствам массовой информации имею самое близкое отношение. Кому нужны громкие скандалы, по итогам которых и погоны можно потерять и за ту же решетку угодить? Тем не менее и к такому, пусть ничтожно вероятному, варианту развития событий надо быть готовым. Не расслабляться, чтобы не застали врасплох!

И все-таки как себя вести, если начнут применять «меры интенсивного воздействия»? Принимать как должное, разве что складываться «калачиком», как когда-то учили старшие товарищи в «трудном» детстве, прикрывая ладонями голову, а локтями почки? Или... Ответить на «подобное подобным»? Ясное дело, долго «спаринговать» не смогу, но одного, а возможно, и двоих... найду чем угостить. Что-то еще умею, что-то еще помню, что-то еще могу. Вот только чем в моей ситуации это может обернуться? Надо все тщательно взвесить...

Снова вспомнил про «наседок», которых в этих стенах более чем хватает. Верно, старая проверенная практика, применяемая во всех странах, при всех правителях, во все времена. Кажется, несложная: слушай, о чем говорит «объект разработки», задавай нужные вопросы, потом обо всем этом сообщай куда надо.

Помню, как тот же мой сосед Игорь регулярно через «кормяк» передавал якобы прочитанные им газеты с якобы разгаданными им кроссвордами якобы как мусор, которому в камере не место. А я как-то, уже догадавшись о его «особой миссии», для окончательного подтверждения своих предположений, попросил у него газету, чтобы «перечитать статью». Ох, как заволновался мой сосед, засуетился, понес какую-то чепуху про то, что там все «читано-перечитано», потом просто сгреб в охапку всю прессу, заколотил в железную дверь, позвал коридорного, чтобы тот «забрал мусор» (в котором как раз и содержался его очередной отчет обо всех проведенных со мной беседах).

Конечно, примитивная, непонятно на кого рассчитанная методика. Только не для этого вывода я все это вспоминал. Другое волнует: мог бы вот так я сам? Что-то вынюхивать, выпытывать, выспрашивать? Точнее, какие обстоятельства могли бы заставить меня пойти на это? Верно, всякое в жизни бывает, да и фантазия у меня богатая, только

что-то не выходит смоделировать такую ситуацию. Никак не могу я представить себя в такой роли.

Хотя, не суди – судим не будешь!

И все-таки какова природа «стукачей»? Чего здесь больше: приобретенного или врожденного? Можно ли заранее выявить «наседку» по узору отпечатков пальцев, особенностям почерка, каким-то тестам?

Наверное, я – счастливый человек, если никогда в своей жизни не приходилось даже примериваться к подобной роли.

Опять внутри заворочался саднящий вопрос: что меня ждет? Вариантов по-прежнему несколько. Уже отмечал, разброс тут громадный. Другое дело, что до того момента, как это будущее начнет определяться, может пройти немало времени. Одно дело ждать подобной ясности в двадцать-тридцать лет, другое дело, когда тебе уже пятьдесят... Только бы выдержало сердце, не сдали бы нервы, не навалились затяжные простуды. Да и заполучить здесь в виде памятного сувенира на всю оставшуюся жизнь туберкулез (хлебнувшие неволи называют его почти нежно «тубик») – тоже совсем не радостная перспектива.

Скажи бывшему эзку (отсидевшему хотя бы года два) о сложностях и трудностях двухнедельного пребывания в изоляторе временного содержания – он рассмеется тебе в лицо.

Действительно, два года и две недели – понятия несопоставимые. Сложно сравнивать условия зоны (а там я вообще не был) с обстановкой в изоляторе. Здесь мнения расходятся: одни называют изолятор санаторием, а зону – адом, другие настаивают на совершенно противоположной точке зрения. А может быть, дело вовсе не во временных и даже не в качественных показателях, а в особенностях человеческой природы, в способностях человека очень по-разному переживать сам факт попадания в экстремальную обстановку. И за один-единственный день своей жизни кто-то может пережить столько, сколько другому не пережить и за десятилетие своей жизни. Да и неизвестно, какие события и потрясения сконцентрируются для него именно в этот день.

Вспомнил в связи с этим свои собственные впечатления от войны в Югославии. Русские добровольцы, приехавшие в эту страну в начале 90-х помогать братьям сербам отстаивать свою Веру, оказывались в очень разных условиях. Одни, пробыв на фронте несколько месяцев, возвращались домой, так и не побывав в серьезных переделках. И не

потому, что избегали опасных ситуаций, – просто на тех участках фронта складывалась именно такая обстановка. Другие же, наоборот, – едва приехав в зону боевых действий, чуть ли не в первый день попадали в страшную мясорубку, получали увечья, ранения, случалось, и погибали.

Так и с человеком, угодившим в неволю. Кто-то, поварившись в этом котле всего неделю (допросы, очные ставки, следственные эксперименты, активная оперативная разработка с помощью «наседок» всех пород и т.д.) может оказаться на грани помешательства. Кто-то проведет здесь целый год и обнаружит (кто с удивлением, кто с гордостью), что ничего особенного с ним не произошло (так же спит, так же ест, так же дышит). Любопытно, какими переменами обернется нынешняя ситуация для меня?

(Продолжение следует.)

Снегирь на красной рябине

Первый снег

От контрольной вахты доносились голоса сотрудников, то ли спорящих, то ли отдающих друг другу распоряжения. Колесов запахнул потуже телогрейку и с наслаждением вдохнул в себя морозный воздух. После чифира сердце гоняло кровь, давало мыслям какую-то ширь, прибавляло воображению какие-то полузабытые, тревожащие, волнующие картинки воли. Они наперегонки бегали в памяти, как резвые кони по проселочной тихой дороге. Колесову нравились вот такие минуты – когда можно было после душного помещения спального отряда, перед разводом на работу, немного прийти в себя ото сна. К тому же сегодня выпал снег. Он принес свежесть, и почему то вспомнился Новый год – этот Новый год был особенно в памяти ярким, как не забывается в жизни первая любовь, так и эта встреча этого светлого праздника вместе с любимой девушкой всегда согревала парня. Вот и сейчас он с добродушием вспоминал, как шел с Любашей по улице их городка, и медленно падал снег, и было радостно, и вдали, на площади, маняще горели огоньки на высокой елке... Колесов улыбнулся, наверное, со стороны в эти минуты зэк с искренней улыбкой, в своей черной одежде стоящий в одиночестве среди пустынной колонии, гляделся даже неестественно. Но вот с контрольной вахты по селектору дежурный по колонии объявил «подъем!», и перестал идти снег, и первые зэки стали выходить в локальные свои сектора, топча ногами снежную чистоту. И мир сразу наполнился привычной скукой для Колесова, он тяжело перевел дыхание, смахивая доброе воспоминание о прошлой жизни...

Почтовые голуби

То ли было много накануне выпито чифиру с друзьями после отбоя – встречали шустрого Миху, его земляка из изолятора, и, как всегда, в темном жилом помещении, подсвеченном только одинокой лампочкой, что была у входа в отряд, встреча затянулась – или же сами разговоры о родном городке, они приходят всегда, когда разговор идет между земляками, – то ли ночь летняя была душевной, но этот сон пришел. И белые голуби были рядом, и он кормил их с руки зерном, золотистым, спелым. И голуби были, как один, белыми, крупными. Во дворе его детства, который был рядом с почтовым отделением, тоже много было голубей – они жили на чердаке этого старинного хмурого здания, и во двор почты приезжали за письмами из окрестных мест почталыоны, и все они были чем-то похожие, эти вестники добра и зла для людей, и увозили они от этого хмурого здания письма – целые сумки писем... И помнилось Колесову, как тогда, в детстве, он представлял, из каких далеких краев, неведомо далеких, интересных краев, шлют люди письма... И вот этой ночью он тоже желал быть в тех далеких краях, а не в колонии, и желал посылать родным ему людям, а может, просто знакомым, весточку о себе, о том, что у него в далеком вольном краю все хорошо.

И эти белоснежные голуби, пришедшие во сне, доверчивые и тихие, как маленькие ангелы... Он проснулся. Перевел дыхание. Сон был настолько отчетливым, и он еще жил как бы в его сознании своей, отдельной жизнью...

Тишина.

Можно было слушать эту тишину, могильную, полную застылости времени.

И только приснившиеся белые голуби, эти вестники хороших перемен, вестники добрых новостей, сейчас были помощниками.

Запах мандаринов

В моем детстве запах счастья имел очень определенный запах – запах мандаринов. Их было немного в этих огромных сказочно красивых подарках, которые я получал вместе с другими детьми в Доме офицеров, и дарили подарки детям настоящий Дед Мороз – огромный с большим мешком для подарков – и Снегурочка настоящая. По-другому мы, дети, их не воспринимали – они были настоящими, по-иному не могло и быть среди этого огромного зала рядом с огромной елкой, наряженной в игрушки, и эти взрослые люди также были рядом с нами, детьми, счастливы, и танцевали в хороводе, позабыв о быте, о неуря-

дицах, как дети. Это был такой настоящий праздник. А дома были эти прекрасные подарки, и в них как маленькие солнышки – мандарины, и пахли они свежо и вкусно. И казалось, что существует этот сказочный подарочный мир, помимо этой комнаты, в которой я находился, и придет время, и я войду в этот сказочный мир, и много будет мандаринов... Мандаринов действительно много... Но сказочный мир я так и не нашел. И может, оттого с такой восторженностью вспоминаю те новогодние давние дни, те подарки, тот огромный зал, тех детей из хоровода, того Деда Мороза и Снегурочку, тех людей взрослых, которые старались помочь нам испытать счастье – видимо, уже понимая, что счастье – это самое важное для человека в жизни его.

Сизари

Сенька Блатной легонько так приуныл, совсем легонько, понимая, что явно попал в «непонятку». С братвой заболтался, встречали Колю Серого из изолятора, знатно встречали, по землячки, костюмчик новый милюстиновый с черным гладким отливом подогнали, чифирнули, да так, что даже Серый улыбаться стал от волнения или радости, вот ведь жизнь – для кого-то даже отряд и то счастье после камеры изолятора. «Да что я все о нем да о нем, – размышлял Блатной. – Самому бы в кандей не угодить, как в свой сектор то прорваться?» Он пристально посмотрел на контрольную вахту. Белое здание перед секторами, подсвеченное ярким светом ламп со столбов, было точно неприступная крепость. Вот кто-то из завхозов пошел на вахту. «Видимо, для доклада», – смекнул Сенька Блатной и лихорадочно стал ждать, когда из локального сектора, в котором он находится, пойдет на контрольную вахту здешний завхоз. «С ним и прошмыгну, до центрального плаца по крайней мере, – размышлял Сенька. – А там уж как получится, а то ведь и повезет...» После чифира мысли бродили, как стая бродячих собак, вроде бы и беспорядочно, но друженько... И впрямь вышел из жилого помещения приземистый человек и решительно поспешил к двери локального сектора, ему с вахты ее открыли, и вслед за ним, здешним завхозом, очень даже уверенно проскочил и Блатной. Завхоз только покосился на него и поспешил на вахту, молчаливо. Точно по минному полю шел Сенька, делая решительный вид, и вот уже вторая дверь сразу за центральным плацем открылась для завхоза, а значит, и для него, Сеньки. И Сенька очутился уже перед вахтой. Пара прапорщиков вышли покурить и о чем-то переговаривались перед вахтой. Сенька вслед за завхозом зашел в коридор контрольной вахты. Завхоз исчез – ушел к дежурному по колонии, докладывать об отряде. А он,

Сенька, стоял как неприкаянный. И тут же рядом стоял из санчасти, угрюмо чего-то дожидался, санитар.

Вышел неожиданно из глубины контрольной вахты майор с повязкой дежурного по колонии, сказал:

– Носилки перенесите!

Сказал как бы двоим энкам – санитару и Сеньке. И не медля вместе с санитаром прошел Сенька в глубь контрольной вахты, и тут в коридоре стояли на полу носилки, и на них человек, прикрытый несвежей простынею с головой.

«Откинулся», – как-то просто подумал Блатной. Перенесли носилки в комнату, маленькую тоже, как и коридор. Блатной уже освоился, попросил закурить у санитара, положил бережно несколько сигарет в боковой карман – санитар только подозрительно поглядел на него, не ожидал, что он несколько сигарет возьмет из пачки, но молчал. А Сенька, высокий, представительный, в хорошем зоновском костюме, покровительственно хлопнул щуплого санитара по плечу и уже уверенно вышел из коридора контрольной вахты, на свет – яркий свет ламп бил в глаза.

Один из прапорщиков, куривших на улице, поинтересовался:

– Что шлындаешь-то, Блатной?

Второй больше для проформы уставился на Сеньку, внимательно и даже испуганно, как на привидение.

– Да вот припахали, в санчасти был, с животом что-то, а тут надо было «жмурика» сюда принести... – как-то самозабвенно врал Сенька, остановившись, впрочем, поодаль от прапорщиков.

– Ты-то носилки нес? – не унимался подозрительный прапорщик, рыженький, щупленький.

– А что не донести. Приказ есть приказ, – подчеркнуто вежливо сказал Блатной, и тут же почувствовал, что входит в раж. – Ведь в последний путь, так сказать, проводил бедолагу!

– благородно, – даже поддакнул второй прапорщик, был он по-моложе подозрительного, рыжего, и черты лица были правильными, рыжий-то был в лице не очень – худое лицо, злое.

– Точно из санчасти? – не унимался подозрительный рыжий.

– Да недавно принесли эски носилки, в санчасти кто-то откинулся, – совсем по-эсковски поддакнул Сеньке второй прапорщик, что был по-моложе.

– Ну, давай в отряд, что тут уставился?! – привычно заорал рыжий.

И Сенька, почувствовав, что окончился допрос, не отвечая уже, быстро пошел к двери локального сектора, открыли ее с контрольной

вахты, открыли и ту дверь, которая была в локальном секторе... И вот уже жилое помещение отряда. «Пронесло! – радостно подумал Сенька. – Отмаз-то появился, как бы невзначай...» И остановившись возле двери у входа в отряд, Сенька посмотрел в сторону контрольной вахты. Вдруг подумалось с грустью о том, что на носилках. «Судьба, что там говорить». Грусть напала как-то неожиданно. То ли чай подействовал крепенький, то ли еще что, только долго в ту ночь на своей кровати, в своем проходняке ворочался Сенька, что-то додумывал, переживал, и проснулся, и вспомнил отчего-то двор детства и забаву – как ловили сизарей. Ставили корыто, под наклоном, палку с одного края, а под корыто – зерна, а к палке – веревку длинную, и только сизари – а их было много – жили на чердаке в их доме – подлетят, аккуратненько так начинают ходить возле корыта, а они в засаде ждут, и вот какой-нибудь неосторожный сизарь клюнет на приманку, и полезет к зерну поближе, и вот уже увлеченно клюет зерно-то, и в этот момент дергается веревка, привязанная к палке, и корыто рушится на землю, прикрывая собой несчастного сизаря... И вот эта западня для птиц, беспощадная западня не давала уснуть Сеньке, давило это воспоминание из детства... И ничего с собой Блатной не мог поделаться, боялся уснуть, чтобы во сне не привиделось ему, что он сам как сизарь... Вот такие неожиданные страхи... Сенька даже улыбался, стараясь отогнать от себя эту картинку, что тянется он под корыто, огромное корыто, и там под ним, допустим, деньги, и уже в руке его долгожданная пачка, неожиданное счастье, и тут-то и падает сверху на него корыто, огромное тяжелое, накрывающее всего его, Сеньку. И нет уже вызволения из-под него, и нет уже вызволения... Сенька встал, оделся, пошел в умывальник. Ночной дневальный сидел на стуле и читал какую-то книгу. Тихо было в помещении, только иногда срывалась капля воды из крана и ударялась надоедливо о дно умывальника.

Фока

Дружелюбность не всегда предполагает искренность.

Дружелюбность вместе с простотой – это такая смесь человеческого характера, которая предполагает по крайней мере счастливое житие-бытие.

Но когда что-то не случается в судьбе, когда что-то ломается ненаароком, кто даст гарантию счастливой жизни?

У Фоки что-то не сложилось в жизни, хотя по характеру был он человеком незлобивым. Но, как оказалось, для счастья этого мало...

Сидел в зонах он несколько сроков, и все по какой-то «мелочовке», но там его степенность и надежность были сразу заметны для эзков, и пользовался он среди них заслуженным уважением.

Болезнь лишила полноценной жизни на воле Фоку как-то неожиданно... Стали отказывать ноги, и зрение упало. Завершение жизни было для него безрадостным и не таило в себе никаких больше перспектив. И вот как-то брел он по улице, выстукивая палочкой впереди себя – асфальт казался не добрым другом, а скорее врагом, и попадавшиеся навстречу ему люди почти не мешали исследовать эту дорогу.

Они действительно для Фоки уже не имели никакого значения.

Ибо он понимал, что в его жизни – жизни инвалида – они не имеют даже шанса помочь ему.

И потому шел мимо них Фока равнодушно, почти не обращая внимания на их реакцию на него – полуслеплого человека.

Он помнил себя иным.

Сильным человеком, уверенным себе, и где-то в глубине его сознания жила эта вера в себя, несмотря на его физический недуг.

Он еще рассчитывал там, в глубине души, что Бог в ответ на его молитвы и раскаяние о прошлом даст ему шанс вернуться к нормальной жизни.

Вот, может, поэтому он ежедневно вышагивал по этой городской аллее. Вышагивал он, точно заведенный на отмеренное Богом время механизм, человек-механизм, именно так он себя воспринимал.

Пенсии по инвалидности хватало на его скромное проживание. Фока был непритязательным. Жил он сейчас у приятеля, вот уже несколько недель – приехал из дома инвалидов.

Надо было в этом районном городе переоформить документы, дающие ему право получать свой хлеб инвалида от государства.

Город ему понравился.

Был он чистеньким, ухоженным в центре, и именно сюда приходил гулять Фока.

Если, конечно, можно назвать «гулянием» вот эти его прогулки с палочкой, как бы извещающей окружающий мир о его незавидном состоянии здоровья.

Впрочем, и без палочки, которой он обстукивал тротуар, было это очень заметно.

Шел он по асфальту, точно по воде, дно в этом затоне, по которому он брел, должно было бы быть каменистым – каждый шаг шаркающей его походки, казалось, делал инвалид с осторожностью минера, идущего по опасному полюю.

Низенький Фока, впрочем, радовался каждому шагу – было время, когда болезнь позвоночника не давала ему даже этой возможности, но, видимо, сила жизни у Фоки была необыкновенной – зоны закалили его характер и дали полезную привычку терпеть. Терпеть.

Это стало для него сейчас смыслом жизни.

Видеть людей ему было приятно, несмотря на плохое зрение.

Видеть жизнь на воле...

Радость от этого может понять только бывший зэк.

Эти два человека – мужчина и женщина – подтянутые, загорелые тем южным золотистым загаром, который сразу отличает отдохнувших людей от остальных, шли навстречу ему, о чем-то беседуя, увлеченные общением.

Но что-то подсказало инвалиду, какое-то подсознательное чувство, какое бывает у пострадавших людей, что мужчина – его знакомый.

Они прошли совсем рядом.

Фока терпеливо стоял, точно ожидая какого-то оклика, на тротуаре – и точно, мужчина, пройдя несколько шагов мимо Фоки, тоже остановился, посмотрел на молчаливого инвалида, и неторопливо подошел к нему, оставив женщину в одиночестве, знаком попросив ее подождать.

Он пристально глядел на полуслепого человека, с палочкой в руке:

– Мужчина, вас не Сергей величают?

Фока отрицательно покачал головой.

Мужчина ушел к своей красивой спутнице, они прошли несколько метров, мужчина снова остановился, поглядел на несуразного инвалида, казалось, что-то мешало ему идти дальше.

И он вернулся к стоявшему неподвижно, точно прикованному к этому месту, инвалиду.

Очень внимательно он снова поглядел на него, точно стараясь влезть в свою память – столько лет прошло!

Зона строгого режима.

Локальный сектор.

И его земляк, всегда спокойный, спокойный какой-то уверенностью бывалого арестанта.

– Здорово, братан!

Фока стоял неподвижно, точно о чем-то внутренне размышляя, стоял и смотрел пристально в даль аллеи.

– Серега, может, помощь моя нужна? – спросил негромко мужчина.

Помощь, нужна ли была она сейчас инвалиду Фоке?

Только, может, от Бога?

И он, повинувшись какому-то стройному своему образу мыслей, известному только ему, выстрадавшему строю мыслей, тихо сказал:

– Вы ошиблись.

Мужчина все так же пристально глядел на инвалида, он, кажется, начал понимать, что тот живет в каком-то своем мире, куда доступ есть, но он очень маленький, этот доступ, и не для всех...

– Ладно, – сказал тихо мужчина, и добавил: – Извините. Выздоровливайте.

– Спасибо! – неожиданно искренне ответил Фока, и эта благодарность отразилась на его равнодушном бледном лице, похожем на маску, едва заметным движением тонких губ, может, это означало для Фоки добрую улыбку...

Эта неожиданная встреча взволновала инвалида.

Он совсем было забыл ту жесткость, ту усталость.

И вот этот человек, чье лицо ему было безусловно знакомо, как бы вернул его в прошлое.

«Почему я не поговорил с ним?» – думал Фока.

И то, что он сейчас в незавидном положении, говорило ему, что он вроде бы поступил правильно.

Пришел его приятель домой. Фока поначалу не стал рассказывать о неожиданной встрече. Поговорили они о ценах в магазинах.

Приятель, зная интерес Фоки к чаю, заварил крепкого чая.

Это не был чифир, но аромат чая и его терпкий вкус взбодрили Фоку.

Приятель его не задавал никаких лишних вопросов, был он вообще сдержанным человеком.

Фока, приободренный чаем, сам заговорил:

– Всегда так. Неожиданно происходят встречи, а я тихарюсь, не хочу, чтобы люди забивали голову моими хлопотами...

Фока разговорился, и припомнил зону, и рассказал о сегодняшней встрече на аллее в городе.

– Так почему не стал-то с ним говорить, Серега? Сам же говоришь – человек из братвы? – спросил приятель, отпивая сладкий чай из эмалированной белой большой кружки с алой, нарисованной малиной на ее боку.

– Стыдно мне стало за сегодняшнее свое положение.

Они помолчали.

– Ты чаек-то пей, а то стынет, – вежливо как-то сказал приятель Фоки, отчего-то грустно качнув при этом седой своей головой.

В тот вечер то ли было выпито много чаю, то ли что-то подспудное подняла в сознании Фоки неожиданная встреча на аллее с кем-то из

тех, кто знал его иным, – как бы то ни было, но заснул инвалид поздно.

И спал как-то тревожно, то слышался ему во сне лай овчарки...

То видел Фока в тревожном своем сне зону, в которой отбывал свой последний небольшой срок. Мнились ему в этом сне ровные локальные сектора, пустынные, продуваемые ветрами.

И лишь, видимо, под утро утомленное сознание пожалело инвалида.

Ему приснилась удивительная лесная дорога.

И это была не тяжкая дорога к лесоповалу, к лесной бирже, жестокая, утомительная для зэка, а это была дорога по летнему лесу, и рядом с ним шли его родные люди: жена и сын.

И шли они дружной троицей по этой дороге, которая была в обрамлении высоких елей и стройных берез.

И молчаливо было в лесу.

И такое раскаяние, и такое желание простить всех было у спящего Фоки!

Что, проснувшись в тишине ночной комнаты, он слезно просил прощение и у жены, и у сына, который рос без него.

И жуткая и в то же время правдивая картина его жизни предстала перед ним, и он уже не молил Бога о смягчении своей участи, а даже корил Бога, что Он был к нему милосерден!

И снова заснул Фока вот в этом жутком состоянии самобичевания, и не желал себе он пощады.

Такое бывает у человека, когда он дошел до дна, и только почувствовав это дно, резко толкается ногами вверх.

И всплывает к Божьему свету.

Он проснулся, привычно ожидая боли в спине.

И уже не боясь ее, даже желая этой боли, он распрямился.

И не понял вначале ничего.

Он распрямился, будто кто-то всемогущий за его раскаяние и желание всех простить снял эту его страшную изматывающую боль.

Он распрямился.

И стоял, как изваяние, боясь даже шелохнуться.

Боясь, что привычная боль, такая ему привычная боль, возвратится вдруг к нему. Возвратится, как полноценная хозяйка его несчастной жизни.

Но боли не было!

И он стоял прямо...

В кабинете у врача, Фока тоже стоял прямо и спокойно слушал рассуждения молодого врача о том, что ему очень повезло и что болезнь его, так сказать, смягчилась.

И врач, худенький, бледный, в очках, то читал историю болезни Фоки, то, поправляя свои маленькие золотистые очки, глядел пристально на инвалида, точно еще не веря своим глазам – врач глядел на прямо стоящего человека, который должен был стоять согнутым!..

Фока смотрел при этом куда-то за окно врачебного кабинета, там – на летней улице – весело чирикали о чем-то своем воробьи...

Фока был счастлив и уже в мыслях сочинял письмо жене, от которой ушел несколько лет назад.

Не желал ей быть обузой – так он себя тогда убеждал?

Или тогда он был побежденным человеком, а сегодня он другой? Сильный человек, каким был когда-то прежде...

То ли сон, то ли неожиданная встреча с бывшим зэком, не отвернувшимся от него, инвалида, и желающим ему помочь, то ли раскаяние, то ли судьба...

Фока не знал точного ответа на это свое преобразование – он только знал, что он стал снова сильным...

Он точно знал: что-то победил в себе и это только первая его победа.

И она его радовала...

Снегирь на красной рябине

С годами что-то происходит с людьми – они не могут так уже радоваться, как в детстве. Мир точно закрывается перед ними. Эта мысль приходила к Колесову не раз и всегда вызывала в нем недоумение. Лица людей, хмурые, встревоженные, точно время запечатлело на них все внутренние страхи, боли, сомнения, эти лица совсем не могут открыто улыбаться, и лишь изредка мелькнет добрая улыбка на лице человека, и вот тогда в ответ улыбнется и самый черствый человек, точно и его в этот миг коснется доброе крыло ангела – его покровителя, и человеку становится очень интересно видеть этот мир, очень интересно жить в этом мире, несмотря ни на что.

Этап в этот раз из местного КПЗ, с его немногими камерами для подсудимых, на тюрьму был небольшим. Несколько мужчин, среди них был и Колесов, две женщины и девушка – в какой-то не по росту ее большой телогрейке, усталая, но с такой добродушной улыбкой, иногда проскальзывающей на юном лице, что даже прапорщико-охранники были по отношению к ней достаточно вежливы и не хохмили, точно и им было жалко ее – жалко по-человечески. После всех необходимых процедур вывели отправляемых на этап людей под охраной в внутренний двор отделения милиции. Было морозное утро.

Одинокая рябина, невесть откуда взявшаяся здесь среди асфальта, припорошенного белоснежным покрывалом – снежок выпал ночью, – была в замерзших красных гроздьях своих ягод. Колесов мельком поглядел на рябину, ежась от зимней прохлады.

– Гляди-ка, снегирь на рябине! – вдруг произнесла этапируемая девушка, и голос этот свежий и чистый был так неожидан среди напряженной тишины подготовки к этапу. И впрямь на рябину прилетел нахохлившийся с красной грудкой крупный снегирь и, не обращая внимания на людей, принялся есть примороженные алые ягоды рябины. И было в этой мирной картине столько необычайно важной для людей красоты, что невольно все они замерли, присматриваясь к снегирию – как к вестнику морозной зимы.

Но вот коренастый прапорщик, поправив свою шинель, точно очнувшись от какого-то наваждения, зычно скомандовал:

– Постройтесь по одному!

Ждали автозак, опаздывавший из гаража. Тихо смотрели на низкое без облачка небо – и только иногда приглядывались арестованные к снегирию, точно не желая спугнуть его своими мрачными мыслями об этапе, о следственном изоляторе, о предстоящем суде, о сломанных судьбах своих. Притихла даже милая этапница в большой телогрейке и не улыбалась уже, тоже думая о предстоящих трудностях – на этап она уходила из КПЗ в первый раз.

А снегирь на рябине все лакомился подмороженными ее ягодами.

Две реки

Сон этот был настолько явственным, настолько красочным, что, проснувшись, Колесов еще долго осмысливал его – а видел он в своем сне две реки, и стоит он между ними, и в одной реке вода светлая, родниковая, а в другой реке – черная... И эти две реки, как мысли его: светлая река – это мысли о творчестве, о семье, о жизни радостной, а черная река – это завистливые мысли, корыстные... И в сне своем видел Колесов, что тянет его выпить воды из черной реки и сулит это богатство и негу, а вода из другой реки, чистая вода, хоть и притягивает к себе своей чистотой, да только сулит испытания, сулит переживания, сулит трудную жизнь, хотя и счастливую... И вот выбор был за ним – за Колесовым, и почерпнул он, торопясь, воды из реки, той, в которой вода грязная, и на вкус эта вода была отвратительная, но как-то сразу стало беззаботно, стало уверенно жить... И, только превозмогая вот это довольство обманное, напился он, Колесов, воды из реки иной – вода была родниковая, своим холодом даже обжигаящая,

и стало жить тяжелее, стало больше забот, но и прибавилось любви к жизни... И проснувшись, лежа в тишине комнаты, думал Колесов об этом своем сне, и решил он для себя сейчас, что правильно он поступил в своем сне, что выбрал путь в жизни вот такой – с чистой водой, путь тяжелый...

А еще думалось об этом утре с какой-то надеждой. Думалось с радостью. А ведь без радости как прожить...

Дыхание зимы

Ночью подул холодный ветер, и сразу природа окоченела, хотя природы было немного в локальном секторе областной туберкулезной больницы, расположенной в колонии, – природой была одна березка, невеста как выросшая среди серого асфальта. Поутру после завтрака зэки высыпали в сектор, покуривали, ежились, запахивая потуже свои телогрейки, обсуждали предстоящую зиму – кто-то вспоминал прошлые зимы, тоже за решеткой. Режим на «больничке» был ослабленным – на работу ходить не надо, и поэтому, несмотря на тяжелое заболевание, зэки рады были «больничке». Вот такая необычная радость, когда заменяется жизнь в колонии вот на такие разговоры в секторе, когда можно спокойно смотреть на низкое, с темными тучами, спокойное небо.

Колесова привезли сюда из колонии – выявила местная санчасть подозрение у него на туберкулез, и хотя и было страшным заболевание, а и он перемену эту в душе одобрял – устает от колонии человек, и даже не от режима содержания, а от однообразия, оно, однообразие, давит...

Колесов не курил, и, может, потому у него было время глядеть на щуплое деревце в секторе. Обещали вечером подойти к высокой каменной стене, примыкающей к колонии, земляки, – пообщаться, и это как-то подстегивало мысли в хорошем направлении. Только иногда, взглянув на пожилых худых зэков, покашливающих, хмурых, отводил Колесов от них глаза и чувствовал, как предательски подкатывает к горлу ком... Неужели вот так будет и с ним! И порыв ненастья, подувший откуда-то сверху, поверх каменной стены сектора, заставил Колесова поежиться то ли от грусти, то ли от безысходности, то ли от холода.

Только после обеда вызвали Колесова к врачу, и тот в белом приямом халате, глянув на какие-то бумаги на столе, хрипло сказал:

– Повезло тебе, ошиблись ваши медики. Затемнение на легких есть, но природа его иная. Воспаление. Пролечим, и к себе поедешь...

Колесов невольно даже сделал шаг вперед к столу врача и недоверчиво глянул на него – бледный, худой, – но, поняв, что слова врача правда, только и сказал:

– Век не забуду! Спасибо!

Врач очень внимательно посмотрел на ээка и кивнул головой, точно подчеркивая, что он понимает глубину ему сказанных слов.

Колесов после кабинета врача вышел в сектор. По-прежнему дул ветер, но теперь он только охладил лицо, радуя своей свежестью. Стоял ээк, мысленно повторяя слова врача, потом подумал о земляках, после о колонии и тех, кого он помнил... И неожиданно даже для себя негромко произнес:

– Мы еще проживем!

В сектор вышли двое ээков – закурили, заговорили о чем-то, и их голоса вернули Колесова к действительности – теперь она была не такой уж и тяжелой, как до этого – до разговора с врачом.

Чечетка

На улице была прекрасная осень, без сомнения, эти деньки были шикарными, с теплым по-летнему солнцем, с переключкой воробьев под крышей здания областной туберкулезной больницы, и для Косого это был рай после колонии строгого режима, откуда его недавно привезли – нашли туберкулез. В местной колонистской санчасти делали проверку ээков, вот и нашли затемнение у него в легких, и привезли сюда для проверки, для постановки окончательного диагноза. Косой как бы о болезни-то и не думал вообще. Тут режим содержания благостный, работать не нужно. Люди рядом нормальные, не злые, только кашляют порой по ночам, но то разве беда после сурового режима содержания. Косой поглядел на небо над головой – прошел обед, и можно было выйти во двор, подышать свежим воздухом. Косой был ээком опытным и давно уже научился ценить отдых, а для ээка больничка – всегда отдых.

И другие тоже прогуливались по локальному сектору больнички, переговаривались. Косому ни до кого не было дела – угрюмый внешне, худой, и покашливающий, он мысленно перебирал свою жизнь в воспоминаниях, как перебирает четки опытный бродяга, и что-то в нем таилось сейчас сильное и красивое, вольное... И Косой, тщедушный, с бледным лицом – недавно был в изоляторе в «своей» зоне, – оставшись мысленно как бы наедине с собой, стал приплясывать чечетку – внешне почти даже незаметно, как бы для себя даже. Он радовался вот этому погожему деньку, как ребенок выходному дню, когда не надо идти в школу, и вот тут-то он, Косой, поймал себя на мысли, что все равно вся его внутренняя бравада – в общем-то минутное заблуждение, и, вероятно, на самом-то деле все не так уж и хорошо, и срока впе-

реди еще несколько лет, и вот ведь легкие подкачали, что-то в них не в порядке... И может быть, это оживление его жизни, вызванное «больничкой», – лишь химера, и здесь умирают эски, больные туберкулезом, и они рядом, и их судьбы наглядны и страшат, а вот ведь солнышко, погожий денек, и растаяло сознание от этой свежести осенней, так захотелось хорошего в жизни... Косой не хотел идти обратно в здание «больнички», там было как-то грустно, а вот здесь, «на воздухе», можно было вспомнить давнюю любимую чечетку, эти па как-то успокаивали, давали какое-то преодоление собственной внутренней немощи.

Долго еще стоял в одиночестве пожилой эск, пока не подул холодный вечерний ветер, пришедший откуда-то издалека, и только тогда Косой, запахнув потуже свою телогрейку, вернулся в помещение, и только тогда снова, точно маска, на лице его появилась какая-то зловещая, непроходящая ухмылочка, будто он смеялся и над окружающей его жизнью, и, может, над самим собой в ней.

А тучи уже заслоняли вечернее небо, были они тяжелыми, черными, шла непогода, вслед за теплыми последними осенними деньками.

Мир тесен

Это всегда поражало Косого – вот такие встречи. С этапа привезли вечером человека, которого он знал по воле, – человека непростого, имеющего там когда-то вес и немалое положение, почитание подчиненных. В какие годы произошли такие резкие изменения в жизни того, Косой не знал, как-то утерялась связь с тем миром, а вот ведь привезли...

Чифирили. Матвей Степанович чифирил, как заправский эск, сыпал прибораутками, только иногда с тревогой даже поглядывал на своего знакомого по воле, Косого, точно ожидая какого-то от него вопроса. Но Косой пил чифир неторопливо – свои пару глотков, когда наступала его очередь и кружка с ядреным чаем доходила до него, и помалкивал. Эта встреча с давним знакомым, земляком, конечно, взволновала его, дала пищу для каких-то размышлений, но он сам, еще погруженный в свой мир, думающий о своей судьбе, не мог как-то перестроиться и начать думать о воле, о прошлом.

Вышли в локальный сектор. Дул ветер, назойливый, как лай дворовой собаки.

– Вот ведь где встретились, – осторожно начал разговор Матвей Степанович.

Косой, подставляя себя ветру, вдохнул холодный воздух и произнес:

– Да время летит, Матвей Степанович, и как-то всех уравнивает.

Одутловатое лицо собеседника, было точно маска, в вечерней мгле подсвечиваемое светом, идущим из окна, оно виделось Косому именно таким.

– Ну пожили ведь в свое время, – как-то неуверенно произнес Матвей Степанович.

– Пожили, – согласился Косой, пытаясь как-то уйти от конкретных вопросов и не спрашивая Матвея Степановича, за что он загремел сюда.

В этом неопределенном перебресе фраз был свой резон. Каждый из них прислушивался к другому, точно пытаясь услышать за осторожными словами подтекст, истину. Они были на воле какой-то период знакомы и даже дружески относились друг к другу, но Матвей Степанович тогда слишком был «человеком дела», как он выражался, а это предполагало, что другие люди для него мало значили – он, наверное, искренне тогда считал себя если не центром Вселенной, то точно уже не ее окраиной.

– Приболел, Матвей Степанович? – произнес Косой, может, только для того, чтобы нарушить вот эту паузу.

– Открытая форма у меня, осталось немного, – произнес Матвей Степанович, и в его глазах мелькнули какие-то огоньки, видимо, от света из окна. Он хрипло и тихо произнес: – Все забыли! Когда в силе был, поклонялись, а теперь и похлопотать никто не хочет.

В этих нескольких словах была явлена Косому такая обида на этот мир, что он не стал злорадствовать, вспоминать, что и сам Матвей Степанович не отличался доброжелательностью в те-то годы...

– Что-то знобит меня, – устало произнес Матвей Степанович и, прокашлявшись, побрел, совсем как старик, одутловый, большой, в жилое помещение.

– Спасибо за чифирик! – крикнул вдогонку Косой, будто что-то вдруг вспомнив, и, не дождавшись ответа от Матвея Степановича – может, тот и не услышал его слова, – затих в своей внутренней сосредоточенности. Это с ним так бывало, когда, особенно после чифира, поднимались волной в голове мысли о прошлом, и хотя сейчас было какое-то спокойствие, но пришло понимание, что за все человек отвечает ни когда-то потом, по-религиозному, а уже сейчас, в этой жизни, вот, допустим, как Матвей Степанович, ведь был на какой вершине и столько было почитания, не ему, Косому, чета, а вот ведь распорядился своей волей Господь Бог – и они рядышком, Матвей Степанович и он, Косой, и жуют одну пайку. Впрочем, Косой попытался тут же как-то себя успо-

коить и отогнать злобу: кто он такой, чтобы припоминать свои маленькие претензии к тому же Матвею Степановичу за его заносчивость в той, прошлой, жизни, когда идет здесь иная жизнь и в ней партия шахматная судьбы у них, и у Матвея Степановича, и у него, Косого, совсем другая... «Ну все же земляк, надо его поддержать, как сумею», – неожиданная эта мысль, вдруг пришедшая будто бы ниоткуда, как ночь в зимний короткий день, всколыхнула что-то доброе в Косом, и он уже твердо решил поддержать Матвея Степановича, если что, и не таить на него зла за свои мелкие обидки, ведь теперь этот человек в беде, как и он, Косой, и беда эта сравняла их, сделала похожими друг на друга. Косой прокашлялся и попытался думать о колонии, куда, вероятно, скоро поедет, о знакомых, но это ему плохо удавалось, слишком взволновала его, видимо, встреча с Матвеем Степановичем – как бы гостем из той, прошлой, жизни, и Косой до конца еще не мог избавиться от воспоминаний о той жизни, и это тревожило, не давая покоя.

Пришли холода.

Матвей Степанович с каждым днем становился все неразговорчивее, даже прибаутки, которыми он сыпал, как сыплет зерна курам в курятнике добрая хозяйка, стали звучать реже – голос его, до этого зычный и сильный, как-то изменился, стал каким-то шипящим и фразы отрывистыми, как будто язык реагировал на тоску, захлестнувшую этого человека, безусловно когда-то очень решительного и удачливого, и, глядя на него, Косой дивился, как меняет безысходность и одиночество – в последние дни стал и с ним Матвей Степанович неразговорчив. И вдруг все изменилось, после свидания с взрослым сыном, от первого брака, как пояснил Матвей Степанович, приехавшего к нему издалека на краткосрочное свидание и привезшего «передачку», голос у Матвея Степановича сразу как-то окреп, да и сам он повеселел, как-то сразу будто «обновился», ушла куда-то его шаркающая походка, даже покашливать он стал реже... Откуда это пришло в человека? Почему? Может, то, что не забыли его, встряхнуло...

В этот день начальник отряда был точно нахохлившийся воробей, грустный и усталый, – видать, приближающаяся зима тоже его не радовала, стал он придиричив. Вот тут-то и Косой попался ему на глаза, и стал начальник отряда его по привычке отчитывать, «строить», как он выражался, в общем-то из-за пустяка, не понравился ему внешний вид Косого, который и вправду как-то осунулся, и телогрейка на нем уже висела, на его худом теле, как на вешалке.

– Что у вас за вид, Кривцов! – отчитывал зэка начальник отряда, выведя из строя больных.

Проводил он эту свою «воспитательную работу» возле жилого помещения, «на ветерке», как он выражался, чтобы «мозги проветрить». Косой молчал, чувствуя, что дело может закончиться штрафным изолятором – а это, как ни крути, совсем ему было не надо, – если вдруг он начнет что-то перечить в ответ.

Матвей Степанович вдруг негромко сказал:

– Гражданин капитан, ну вы же знаете, что Кривцов тяжело болен, а рассуждаете о его телогрейке, как будто это главное в его жизни. Ведь неплохо бы его поддержать.

– Что?! Что?! – еще «в раже», в своих воспитательных задачах, еще до конца не поняв слов, обращенных к нему, произнес начальник отряда и очень внимательно поглядел на высокого худого зэка, привезенного на «больничку» совсем недавно. Он еще к нему как следует не присмотрелся, не раскусил, так сказать, но сами слова были сказаны таким назидательным тоном, что капитан даже затих от удивления. – Вы тоже неопрятно выглядите, – как-то к слову сказал капитан и перешел к другой теме.

Косой даже недоуменно покосился на Матвея Степановича и попытался оценить его поведение, но как-то не очень это и получалось.

Чуть позже, когда капитан перестал «воспитывать», подошел к земляку, произнес:

– Спасибо Матвей Степанович.

– Устал я бояться, Косой, – ответил земляк.

Был день, пасмурный и надоедливый. Впереди были какие-то медицинские процедуры. Пошел мелкий дождь. И не было тепла в мире, оно ушло из природы до весны, частички тепла остались только в душах людских.

Поле надежды

И шел он по полю, поле было необычайно чистым, с ровной зеленой травой, точно кто-то невидимый приласкал, пригладил ее, траву, и потому идти было легко, и казалось, что мир затих, не пели птицы, солнце светило в какой-то маревой небесной дали, грело тем теплом, которое не смаривает, а только дает силы, и в этом своем каждом шаге он чувствовал прибавление уверенности, он шагал по этому бескрайнему полю, сам не зная куда... И голос ночного шныря, извещающего о начале очередного дня, всполохнул сознание, как рассвет тьму уходящей ночи, и Коренев проснулся, в жилом помещении отряда уже начиналось движение, кто-то уже спешил с чифирбаком, с приготовленным чифиром к своему проходняку, чтобы дать толчок организму,

настроить на нелегкий день в рабочей зоне. Коренев оделся, с кем-то перекинулся парюю незначительных фраз, больше для порядка, совсем не придавая этим словам какой-то важности, он еще думал о поле... И так хотелось туда, на волю, и идти по зеленой траве... В локальном секторе зэки выстраивались по бригадам – шел монотонный развод на работу. Дул холодный ветер. Вдруг помело снегом, совсем несильным, свежим, падающим откуда-то из глубины еще черного неба, подсвечиваемого прожекторами, светящимися от контрольной вахты, разносящими свой желтоватый свет на локальные сектора колонии. Какими-то черными тенями двигались зэки в этом утреннем мире, чертыхались, бурчали, переговаривались, прислушивались к командам. Коренев был одним из них – но, может быть, с ним еще было воспоминание о том поле, – необычайно сильный сон взволновал его, и сейчас хотелось весны среди этого пасмурного, холодного, зимнего утра. Падал снег и неумолимо покрывал белизной асфальт локального сектора. Сон в сознании Коренева угасал, приходили другие мысли, заботы повседневности убивали мечту о том вольном поле, – шел развод на работу... Коренев прокашлялся и как-то внутренне затаился, точно стараясь сохранить в себе остаток ночного видения о воле, затаился среди холода и утренней суеты колонии.

Уже в цеху, в рабочей зоне, среди станков, ревуших, точно пойманный в западню зверь, Колесов опять припомнил этот сон, совсем на немного, но, что интересно, думал он об этом сне как о чем-то реальном, и этот сон согревал его мысли надеждой. «Смешно так, – мелькнуло в сознании Коренева переживание, яркое, доброе. – Иду я по полю куда глаза глядят, и ни конвоя, ни колючей проволоки на столбах, ни запретки, иду куда хочу!» Что-то особенное сейчас почувствовал всегда немногословный зэк, пожилой, неторопливый в движениях, уже привычный к жизни в колонии, и это особенное пришло будто ненароком в это зимнее утро, как приходит хорошее настроение среди неудач, как приходит радость от достижения успеха, – фантазия о том мире будоражила, волновала, и только, может, к обеду уставший Коренев позабыл о своем прошедшем сне, и это, видимо, было естественно, человеку свойственно забывать, даже самое хорошее в какой-то миг жизни, особенно если сама жизнь своей монотонностью глушит, дает усталость, не радуется, так и идет своим чередом день за днем.

А хочется радости исстрадавшемуся сознанию человека, и тогда на помощь ему приходят союзники – сны.

Предметы первой необходимости

24 июля вступил в силу Федеральный закон от 13.07.2015 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в части увеличения ежемесячных денежных сумм, предусмотренных для приобретения осужденными продуктов питания и предметов первой необходимости»¹. Согласно закону, в качестве поощрения разрешено дополнительно расходовать деньги в размере до 5 тыс. (ранее 500) рублей на покупку продуктов питания и предметов первой необходимости.

Осужденным, переведенным в помещения камерного типа, единые помещения камерного типа или одиночные камеры в порядке взыскания, разрешено ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере 5 тыс. (ранее 500) рублей. Осужденным к лишению свободы, отбывающим наказание в обычных условиях в исправительных колониях общего режима, проживающим в общежитиях, разрешается ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости иные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере 9 тыс. (ранее 3 тыс.) рублей.

Осужденным, отбывающим наказание в строгих условиях, проживающих в запираемых помещениях, разрешается ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости иные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере 7800 (ранее 2 тыс.) рублей.

¹ <http://www.rg.ru/2015/07/17/osujdennie-dok.html>

Осужденным к лишению свободы, отбывающим наказание в обычных условиях в исправительных колониях строгого режима, проживающим в общежитиях, разрешается ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости иные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере 7800 (ранее 2 тыс.) рублей.

Осужденным, отбывающим наказание в облегченных условиях, проживающим в общежитиях, разрешается ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости иные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере 9 тыс. (ранее 3 тыс.) рублей.

Осужденным, отбывающим наказание в строгих условиях, проживающим в запираемых помещениях, разрешается ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости иные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере 7200 (ранее 1 тыс.) рублей.

Осужденным, отбывающим наказание на строгом режиме, разрешается ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости иные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере 6 тыс. (ранее 600) рублей.

Осужденным, отбывающим наказание в воспитательных колониях в обычных условиях, проживающим в общежитиях, разрешается ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости иные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере 10 800 (ранее 4 тыс.) рублей.

Осужденным, отбывающим наказание в облегченных условиях, проживающим в общежитиях, разрешается ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости иные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере 11 400 (ранее в размере 6 тыс.) рублей.

Осужденным, отбывающим наказание в строгих условиях, проживающим в изолированных жилых помещениях, запираемых в свободное от учебы или работы время, разрешается ежемесячно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости иные средства, имеющиеся на их лицевых счетах, в размере 9600 (ранее 3 тыс.) рублей.

Перечень расширят

Перечень предметов, которые разрешено иметь при себе содержащимся в СИЗО, хотя существенно расширить — они смогут хранить,

получать в посылках и приобретать около 14 предметов. В частности, электрочайники, щипчики для ногтей, ватные палочки и диски, электрический тонометр, глюкометр, слуховой аппарат, расходные материалы и батарейки к ним, поролоновую губку для мытья посуды, гелевую авторучку, постельное белье и полотенца, маску для сна, беруши. Также предполагается, что заключенным будет разрешено приобретать через магазины СИЗО литературу, электронные книги и другие электронные устройства без доступа в Интернет. Соответствующий проект приказа Минюста подготовила Федеральная служба исполнения наказания (ФСИН). Остается добавить, что, по данным ФСИН, на март 2015 года в СИЗО содержатся уже 120 тыс. человек и еще 2,6 тыс. находятся в изоляторах при колониях².

Карта напряженности

Правозащитники готовят карту регионов России, неблагополучных с точки зрения соблюдения прав заключенных. По их мнению, это даст сигнал к действию Федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН), информация которой не слишком достоверна. Например, за 2014 – начало 2015 года уровень смертности среди заключенных составил примерно 16% (из расчета на 1 тыс. человек). А количество жалоб на пытки и жестокое обращение – около 25%. Причем учитываются лишь те, которые были доказаны членами общественных наблюдательных комиссий (ОНК). Неофициальная же статистика в разы выше. Собранные данные – вместе с выводами и рекомендациями – будут направляться в выявленные учреждения с тем, «чтобы они в течение 10 дней с момента получения могли представить свои возражения и пояснения». Всем этим сейчас занимается правительственная рабочая группа по корректировке положений реформы уголовно-исполнительной системы, созданная в прошлом году по поручению Президента России³.

Гуманизация на подходе

Верховный суд России подготовил законопроект о замене уголовной ответственности за неопасные для общества преступления на административную. Второе предложение, которое в этом законопроекте содержится, – увеличить сумму хищения, за которую наступает

² <http://izvestia.ru/news/589926>

³ http://www.ng.ru/politics/2015-06-16/1_map.html

уголовная ответственность. Сейчас это тысяча рублей, предлагается увеличить до 5 тыс. рублей, а также значительным ущербом считать от хищений ни 2,5 тыс., а 10 тыс. рублей. Кроме того, предлагается освободить от уголовной ответственности за преступления небольшой и средней тяжести в случае, если гражданин провинился впервые и полностью возместил ущерб.

Необходимость подобного шага подтверждается статистически. Так, если в 2000 году поступили материалы о преступлениях небольшой тяжести в отношении 184 тыс. человек, это было 15% от общего количества дел, то в прошлом году – уже 339 тыс. Это 46% всех дел, которые рассматривают суды. Так что почти половину своего времени судьи, прокуроры и адвокаты вынуждены разбираться в преступлениях, которые не представляют особой опасности для общества. Получившим судимость за преступления небольшой тяжести, так же сложно устроиться на работу, как и рецидивистам. В отделах кадров, как правило, не разбираются в тонкостях уголовного права и сразу отказывают таким кандидатам. Кроме того, осужденным за мелкие кражи точно так же, как и убийцам или насильникам, сложно выехать за границу или получить кредит в банке⁴.

Исполняют не всё

Весной был опубликован доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации, который содержит информацию об исполнении решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) за период с 2013 года по 21 августа 2014 года. Как оказалось жалобы на содержание арестантов в пыточных условиях все еще составляют самую большую категорию дел из России. По статистике ЕСПЧ, за прошлый год было рассмотрено 129 российских жалоб, почти половина из которых (60 обращений) касалась условий содержания под стражей. Одной из таких жалоб стал жалоба по делу С. Ананьева, Геннадия и Гульнары Башировых, удовлетворенная в январе 2012 года. Они доказали, что содержание под стражей в СИЗО, где на одного человека приходилось около 2,5 кв. м (при международных стандартах в 7 кв. м и принятых в России 4 кв. м), было равносильно помещению в бесчеловечные и унижающие достоинство условия.

Проанализировав ситуацию в России, ЕСПЧ пришел к выводу, что СИЗО оставались переполненными в 34 регионах страны, а санитарная

норма о 4 кв. м соблюдалась только в 40 субъектах РФ. В ответ на это Минюст сообщает, что предписание ЕСПЧ сейчас находится в стадии исполнения. Ведомство работает над долгосрочной стратегией по приведению изоляторов в соответствие с международными стандартами и готовит рекомендации к избранию более мягких мер пресечения. Кроме того, в декабре прошлого года Госдума приняла изменения в Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых» и утвердила порядок посещения заключенных представителями ЕСПЧ для оказания им юридической помощи⁵.

Приобщение к высокому

В начале августа директор ФСИН и президент фонда «Культурно-просветительское движение “Содействие творческому образованию”» подписали соглашение о сотрудничестве, направленное на объединение усилий в реализации программ и мероприятий по повышению уровня образования и культурного развития подростков, преступивших закон. В рамках уникальной образовательной программы заключенные воспитательных колоний познакомятся с историей театра, балета и кино, узнают тонкости литературного творчества и научатся разбираться в поэзии. Во ФСИН уверены, что интерактивные концерты-игры по театральному искусству, сценической речи, мастер-классы по живописи, прикладным искусствам, вокалу, танцам, физической культуре, основам этикета, здоровому питанию приобщат подростков к творчеству и откроют их таланты⁶.

Бизнес из-за решетки

В Прикамье продолжает формироваться судебная практика по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в составе преступного сообщества. Так, в августе Индустриальный райсуд вынес приговор в отношении организатора такого сообщества Х. Латипова. Отбывая срок в колонии, он организовал преступное сообщество из 27 человек для сбыта героина на территории Пермского края. Основную роль в преступной организации помимо осужденного играло звено из трех человек, которые также находились в исправительных колониях Губахи и Соликамска. Получив от оптовых поставщиков информацию о местонахождении закладок с героином, Латипов передавал ее компаньонам. Те, в свою очередь,

⁵ <http://top.rbc.ru/politics/17/04/2015/55310c6f9a7947cf4271225c>

⁶ <http://www.interfax.ru/russia/457849>

передавали ее крупным сбытчикам, которые производили изъятие героина из тайников и его последующее распространение. Преступное сообщество отличалось сложной структурой, где каждый участник выполнял строго отведенную роль, и высокой степенью конспирации своей деятельности. Так, о существовании Латипова знали лишь трое указанных лиц. Каждый из них организовал свою сеть сбыта, участники которых между собой не пересекались и не были знакомы. Денежные средства перечислялись через системы интернет-платежей. В 2014 году в результате крупномасштабной спецоперации сотрудники УФСКН задержали 27 участников ОПС и изъяли 4,5 кг героина. Впоследствии Х. Латипов признал свою вину и ходатайствовал о рассмотрении его уголовного дела в особом порядке. В совокупности с неотбытым сроком суд назначил ему наказание в виде 20 лет лишения свободы в колонии особого режима. Рассмотрение дел остальных участников продолжается.

Следует отметить, что это уже второе уголовное дело. В прошлом году был вынесен приговор в отношении таджика Р. Султонова, обвинявшегося в совершении аналогичного преступления. Его преступное сообщество работало практически по аналогичной схеме и насчитывало около 20 человек. Интересно, что Султонов также заключил досудебное соглашение, получив наказание в виде 9,9 года лишения свободы в колонии строгого режима и штрафа в 500 тыс. руб. Его ближайшие сообщники получили от 16 до 22 лет, а остальные члены ОПС – от 5 до 22 лет⁷.

Тюрьма для «экстрасенсов»

В июле в Ленинском райсуде Новосибирска завершилось рассмотрение дела группы мошенников, выдававших себя за экстрасенсов. Ее предполагаемым руководителем, по версии следствия, являлся директор ООО «Оракул» 30-летний В. Разинкин, в подчинении которого находились пятеро молодых людей. Все они прошли предварительное обучение для работы с клиентами. Сибиряков, обратившихся по рекламным объявлениям, мошенники по телефону убеждали в том, что скоро с ними или с их родственниками произойдет трагедия. Чтобы избежать этого, мошенники предлагали воспользоваться их экстрасенсорными услугами. При этом они все время нагнетали обстановку, внушая страх. Как установил суд, минимальная сумма, которую заплатила за экстрасенсорные услуги жертва, составила 5 тыс. руб., макси-

мальная – 2,3 млн руб. Оплата за сеансы производилась, как правило, безналичным расчетом: через электронные кошельки, а также отправкой средств на счета мобильных телефонов. Несмотря на позицию обвинения, суд отнесся к обвиняемым со снисхождением. В частности, Разинкину он счел возможным назначить наказание ниже, чем предусмотрено санкциями статей УК РФ, которые ему инкриминировались (ч. 4 ст. 159, ч. 2 ст. 2010), – 3 года колонии общего режима. Его сообщники и вовсе отделались условными сроками⁸.

Подмена не пройдет

Депутаты Госдумы РФ (все от ЛДПР) готовят законопроект закона о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ. Законодатели предлагают дополнить его статьей 314.2 «Умышленная подмена лица, осужденного к отбыванию наказания», которая будет регламентировать наказание за подмену осужденного лица, отбывающего наказание в заведениях пенитенциарной системы страны. В случае принятия закона для подставного лица, которое сознательно пошло на отбывание срока за другого осужденного к лишению свободы человека, предлагается ввести наказание в виде лишения свободы сроком до 10 лет. Сам осужденный, который нашел себе замену, в случае обнаружения подмены, будет отбывать весь положенный в соответствии с решением суда срок плюс получит продление лишения свободы за подмену в размере 1/3 срока. Наказание для должностных лиц, которые причастны к подмене осужденного гражданина, будет определено в законопроекте к моменту его внесения в Госдуму⁹.

Необходимо отметить, что и сама ФСИН активно занимается выявлением дублеров заключенных в колониях. По состоянию на 1 января 2015 года в учреждениях ГУ ФСИН было установлено 6525 видеокамер. Для обеспечения контроля и исключения случаев подмены в учреждениях ГУ ФСИН используется 337 устройств биометрического контроля, из них 79 переносных комплексов. В некоторых учреждениях ФСИН, в частности в СИЗО-1 Красноярска, еще с 2009 года функционируют системы идентификации личности «Фейс-интеллект», которые по идее должны на 100% исключать возможную подмену подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. Сама система считывает индивидуальные особенности лица по биометрическим параметрам. При несовпадении она автоматически выдает сигнал тревоги.

⁸ <http://www.kommersant.ru/doc/2778788>

⁹ <http://izvestia.ru/news/589503>

Первенство по энкам

В конце июля британская газета «Independent» опубликовала рейтинг, составленный сотрудниками аналитического портала Statista. В нем представлены десять стран с наибольшим количеством заключенных. По их общему числу лидируют США, где содержатся около 2,2 млн осужденных, или примерно 25% от их общего количества на планете. Россия находится на второй строчке – около 667,5 тыс. заключенных. Далее следует Таиланд, где за решеткой находятся около 305 тыс. человек. Примечательно, что по количеству осужденных на душу населения лидируют не США, а Сейшелы. На каждые 100 тыс. жителей там 868 заключенных. Правда, величина условна и является сугубо расчетной, так как население Сейшельских островов составляет всего около 88 тыс. человек. Тем не менее статистики поставили это государство на первую строчку. Далее в порядке убывания следуют США (698 заключенных на каждые 100 тыс. жителей), Сент-Китс и Невил (611), Виргинские острова (542) и Туркменистан (522). Россия занимает 9-е место – 452 заключенных¹⁰.

По пути в Европу

С 7 мая вступил в силу Закон Украины от 08.04.2014 №1186-VII «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Украины относительно адаптации правового статуса осужденного к европейским стандартам». Документ расширяет основные права осужденных в учреждениях исполнения наказаний, регулирует особенности отбывания наказания в виде ареста, лишения и ограничения свободы, особенности условий содержания осужденных в участках социальной реабилитации, вопросы привлечения к общественно-полезному труду, прохождения лечения.

Законом урегулированы следующие аспекты жизни осужденных: права осужденных на труд – отныне заключенные должны работать не более 40 часов в неделю, кроме этого им будет установлен рабочий день с 7.00 до 17.00 или с 6.00 до 16.00; права на пенсионное обеспечение; гуманное отношение – подъем в ночное время суток запрещен согласно законодательству. Урегулированы и правила содержания лиц, больных туберкулезом: они содержатся отдельно от других осужденных, а также порядок и условия исполнения наказаний в виде ареста. Допускаются кратковременные выезды за пределы колоний

¹⁰ <http://i100.independent.co.uk/article/the-10-countries-that-imprison-the-most-people-byo4MHRgme>

для получения медпомощи, если она не может быть оказана на территории соответствующего места лишения свободы.

Согласно закону, осужденные имеют право: на получение информации о своих правах и обязанностях, порядке и условиях отбывания назначенного наказания; социальное обеспечение; на гуманное отношение и уважение их человеческого достоинства. Они не могут быть подвергнуты медицинским или другим исследованиям независимо от их согласия. Они имеют право обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами к администрации учреждений исполнения наказаний, их вышестоящих органов, а также к уполномоченному Верховной рады Украины по правам человека, Европейский суд по правам человека, а также других международных организаций, членом которых является Украина. Соответствующие заявления подаются в двух экземплярах, один из которых с отметкой о получении остается у осужденного.

В случае отсутствия в колонии таксофона или стационарного телефона предоставление телефонной связи будет осуществляться с помощью мобильных телефонов. При этом телефонные разговоры будут осуществляться по письменному заявлению осужденного, в котором должны быть указаны адрес, номер телефона и продолжительность разговора, а также под присмотром администрации. Заключенный имеет право пользоваться мобильной связью в свободное от работы время. Факт предоставления осужденным телефона будет фиксироваться в журнале.

Также в исправительных колониях минимального уровня безопасности с общими условиями содержания, среднего и максимального уровня безопасности для осужденных к лишению свободы (кроме осужденных, содержащихся в участке социальной реабилитации и пожизненного лишения свободы) будут оборудованы места для пользования Интернетом. Пользование осужденными Интернетом будет осуществляться под контролем представителя администрации учреждения исполнения наказаний и оплачиваться из личных средств осужденных.

Согласно закону вносятся изменения и на предоставление свиданий. Отныне осужденным к пожизненному лишению свободы будут предоставляться длительные свидания (до 3 дней)¹¹.

¹¹ http://advokat.pravo.dp.ua/news/Vnesenie_izmenenij_v_Ugolovno_ispolnitelnyj_kodeks_Ukrainy.htm

Смерть под запретом

В начале августа в Риме состоялась презентация годового отчета Ассоциации «Не троньте Каина», занимающейся борьбой за отмену смертной казни. По данным отчета, в прошлом году на первом месте по числу казненных находился Китай: всего было приведено в исполнение 2400 смертных приговоров, то есть 67% всех казней в мире. Затем идет Иран (около 800 казней) и Саудовская Аравия (88). Надо сказать, что в целом за последние 15 лет были сделаны значительные шаги в направлении отмены смертной казни. Сегодня уже 161 государство изъяло смертную казнь из своих правовых систем. Азия по-прежнему находится на первом месте по числу казненных: практически все смертные приговоры приводятся в исполнение именно в этой части света. США являются единственным государством Америки, где высшая мера судебного наказания коснулась 33 преступников в 2014 году и еще 17 – в 2015-м. В Африке в прошлом году смертная казнь была применена в 4 государствах. В Европе же единственное исключение составила Беларусь: нигде больше в этой части света не практикуется высшая мера наказания¹².

13 августа Верховный суд штата Коннектикут признал смертную казнь неконституционной в этом штате, поскольку ее применение означает нарушение запрета на жестокие и необычные наказания. Несколькими часами ранее в штате Техас состоялась десятая за этот год смертная казнь. Эти противоречивые события отражают расхождения во взглядах на проблему смертной казни в США, где в 31 штате она разрешена, а в 19 других – нет. Верховный суд США постановил, что смертная казнь законна. В этом году были казнены 19 преступников¹³.

*А. Сухаренко,
Директор Центра изучения новых вызовов и угроз
национальной безопасности РФ (г. Владивосток)*

¹² <http://ru.radiovaticana.va/news/2015/08/01/>

¹³ <http://www.golos-ameriki.ru/articleprintview/2916865.html>

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (август 2015 года)

Прикамье

4 августа 2015 года

Один бывший и два действующих сотрудника исправительной колонии № 11 в Чердынском районе Прикамья **признаны судом виновными в избиении заключенного.**

По версии следствия, в декабре 2014 года начальник отдела безопасности колонии вместе с оперуполномоченным и заместителем начальника колонии в служебном кабинете избили приглашенного для беседы заключенного. Следователи доказали, что сотрудники ФСИН не имели никаких оснований для применения физической силы к отбывающему наказание. Поводом к такому жестокому обращению послужило оставление заключенным рабочего места в промышленной зоне. Об этом корреспонденту **ИА REGNUM** сообщили в пресс-службе СУ СКР по Пермскому краю.

Чердынский районный суд признал все трех сотрудников колонии виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий с применением насилия» и назначил каждому из них наказание в виде четырех лет лишения свободы условно. Кроме этого суд взыскал с каждого осужденного по 30 тысяч рублей в пользу потерпевшего за причиненный моральный вред.

Отметим, что это не первый случай привлечения к уголовной ответственности сотрудников УФСИН по Пермскому краю.

Как ранее сообщало **ИА REGNUM**, в августе 2013 года в городе Губахе Пермского края по этой же статье были осуждены четыре сотрудника исправительной колонии № 13, за совершение трех аналогичных преступлений.

Добавим, что самыми громкими преступлениями, в которых обвинялись сотрудники УФСИН, стали коррупционные и мошеннические действия с их стороны. Так, в 2011 году против начальника управления **Александра Соколова** и двух его подчиненных было возбуждено уголовное дело по продаже имущества порта Усолка по заниженной цене. Позже в отношении Соколова дело прекратили по реабилитирующим основаниям, а двух других обвиняемых приговорили к условным срокам за растрату в особо крупном размере. Кроме этого в марте 2015 года Пресненский суд Москвы продлил сроки содержания под стражей заместителю начальника ГУ ФСИН по Пермскому краю полковнику **Олегу Бабенко**, который обвиняется в мошенничестве в особо крупном размере.

Свердловская область

6 августа 2015 года

Серовский районный суд на основании доказательств, представленных государственным обвинителем, вынес **приговор по уголовному делу в отношении сотрудника группы надзора отдела безопасности ФКУ ИК-18 Андрея Шумайлова**. Он признан виновным в совершении четырех преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290 УК РФ (получение взятки за незаконное бездействие).

Судом установлено, что сотрудник исправительной колонии договаривался с лицами, отбывавшими наказание, о передаче через другого осужденного – раздатчика пищи – телефонов, запрещенных в местах лишения свободы. Впоследствии мужчина не досматривал раздатчика пищи, который проносил телефоны.

За указанное незаконное бездействие мужчина получил взятки на общую сумму 15 тыс. рублей.

Незаконные действия сотрудника колонии пресечены Управлением собственной безопасности ГУ ФСИН России по Свердловской области.

Суд приговорил мужчину к лишению свободы на срок 3 года 6 месяцев с отбыванием наказания в колонии общего режима со штрафом в размере 220 тысяч рублей, с лишением специального звания (стар-

шина внутренней службы), с лишением права занимать определенные должности на срок 3 года.

Ярославская область

7 августа 2015 года

В ИК-1 в ходе обыска к осужденным применена физическая сила. В фонд «В защиту прав заключенных» поступило сообщение, что 6 августа 2015 года в ФКУ ИК-1 Ярославской области был введен спецназ, проводились обысковые мероприятия, в ходе которых к осужденным без законных к тому оснований была применена физическая сила.

Началось все с того, что накануне вечером (5 августа) на проверке не досчитались одного осужденного. Искали всю ночь, нашли на промке (промышленная зона) на заброшенном кране. Хотел прыгнуть. В связи с этим полночи весь лагерь стоял на плацу, потом приехал спецназ и начался обыск.

6 августа осужденные с утра находились взаперти в изолированном помещении без еды и воды. Воду отключили. Отдельные осужденные были избиты и переведены в ШИЗО по надуманным основаниям. Родственникам отказывают в предоставлении свиданий и передач, ссылаясь на проведение учений.

6 августа сотрудники Фонда обратились к дежурному УФСИН России по Ярославской области с просьбой проверить информацию о нарушениях прав осужденных и принять меры реагирования. Также были направлены письменные запросы в УФСИН и прокуратуру Ярославской области.

Согласно информации пресс-службы УФСИН России по Ярославской области, в ИК-1 были проведены плановые обыски, в ходе которых несколько осужденных отказались выполнить законные требования сотрудников колонии; с целью пресечения правонарушений к четверем осужденным была применена физическая сила и специальные средства. По данному факту составлены соответствующие документы, которые направлены в прокуратуру для правовой оценки действий сотрудников ИК-1. Осужденные, отказавшиеся выполнить законные требования администрации исправительного учреждения, водворены в штрафной изолятор (http://www.76.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=206247).

Администрация исправительной колонии Ярославля № 1 (ИК-1) заявила, что проведение личного досмотра всего контингента колонии (около 1300 человек) было плановым в соответствии с распоряжени-

ем ФСИН России, сообщает **Newsru.com** со ссылкой на **Интерфакс**. При этом «длительность и жесткость процедуры создали предпосылки для актов неповиновения со стороны некоторых осужденных», как отметил уполномоченный по правам человека в Ярославской области Сергей Бабуркин.

По данным омбудсмана, в результате проверки заключенные взбунтовались и семеро из них были помещены в штрафной изолятор. «К отдельным лицам, не подчинившимся требованиям сотрудников ФСИН, были применены спецсредства: физическая сила и резиновые палки (РП)», – говорится на **сайте** Уполномоченного по правам человека.

Во время бунта заключенные выбили стекла в окна колонии и выбросили туда некоторые вещи. «Как можно судить из бесед с лицами, содержащимися в колонии, активную негативную реакцию со стороны осужденных одного из подразделений (отряда) колонии, сопровождавшуюся битьем стекол и выбросом предметов в окна общежития, вызвал характер, который принял досмотр занимаемых ими помещений. Недовольство вызвала порча личных предметов осужденных, а также водворение в штрафной изолятор представителя одной из национальных диаспор», – пояснил омбудсмен.

После инцидента Бабуркин встретился со всеми осужденными, водворенными в штрафной изолятор в результате бунта. «Очевидные травмы (ссадины на лице) имел лишь один осужденный. С его слов, он получил их в результате падения при его препровождении на досмотр», – сообщает пресс-служба омбудсмана. Кроме того, Бабуркин побеседовал и с другими осужденными без присутствия представитель администрации.

Омбудсмен подчеркнул, что к представителям администрации колонии претензий осужденные не высказывали. «Нарекания относились к действиям иных сотрудников, привлеченных к проведению обыскных мероприятий из других подразделений ФСИН», – отметил Бабуркин.

Законность применения специальных средств по отношению к осужденным в настоящее время определяет прокуратура области, добавил правозащитник. «Сейчас в колонии работает прокуратура, проверяются документы, опрашиваются участники событий, проводятся медицинские обследования тех, кто получил травмы. Сотрудникам надзорного ведомства предстоит оценить правомерность применения силы к осужденным и ее соразмерность. Сейчас те, кто находится в ШИЗО и кто получил побои, не предъявляют резких требований. Они оценивают ситуацию спокойно», – пояснил Бабуркин агентству **«Ярновости»**.

Также уполномоченный по правам человека в регионе встретился

в ИК-1 и с представителями органов прокуратуры, УФСИН по Ярославской области, чье присутствие в колонии носило изначально плановый, штатный характер.

Пермский край

13 августа 2015 года

Заклученных колонии в Прикамье лечили в полуподвальных помещениях. На днях уполномоченный по правам человека в Пермском крае Татьяна Марголина побывала в больнице № 2 ГКУЗ МСЧ № 59 ФСИН России. Больница расположена на территории ИК-9 для женщин и несовершеннолетних.

В ходе посещения данного медицинского учреждения сотрудниками аппарата уполномоченного по правам человека в Пермском крае было зафиксировано, что палаты, в которых содержатся больные, расположены в блоке полуподвального помещения здания больницы. Для обеспечения нормативных условий содержания, нормального доступа в палаты естественного освещения, а также соблюдения санитарно-гигиенических норм и правил, необходимо перенести палаты в другое место.

10 августа Татьяна Марголина встретила с начальником ГУ ФСИН России по Пермскому краю Григорием Желудовым и проинформировала его о необходимости улучшения условий содержания женщин и несовершеннолетних, находящихся на лечении.

Санкт-Петербург

14 августа 2015 года

В ходе расследования дела о контрабанде оружия в Петербурге задержали несколько сотрудников правоохранительных органов.

Более десяти обысков в машинах, квартирах и рабочих кабинетах сотрудников правоохранительных органов прошли в Петербурге, сообщает «Фонтанка». В ходе расследования дела о контрабанде оружия из Восточной Европы транзитом через Прибалтику были задержаны двое полицейских, а также сотрудник Управления федеральной службы исполнения наказаний.

При задержании у сотрудника ФСИН был изъят пистолет «вальтер», а в автомобиле нашлись еще два пистолета. На рабочем месте у подполковника были найдены еще пять «вальтеров», дома обнаружился целый склад стволов от пистолетов «глок», один пистолет Макарова и автомат. У полицейских нашли комплектующие оружия.

Кроме того, подозреваемыми по делу проходят несколько гражданских лиц, включая бывших сотрудников ОМОН и СОБР.

Предполагается, что оружие продавали состоятельным петербуржцам, однако не исключено, что рынок сбыта был куда более темным.

Воронежская область

18 августа 2015 года

В Боброве Воронежской области возбуждено уголовное дело в отношении сотрудников Бобровской воспитательной колонии УФСИН. Об этом сообщил «Медиазоне» адвокат Сергей Локтев, который по инициативе правозащитной организации «Зона права» представляет интересы пострадавшего осужденного.

«У осужденного зафиксированы многочисленные ссадины и кровоподтеки на голених, коленных суставах, плечах и в позвоночной области. По таким делам об избиениях сотрудниками осужденных в колонии крайне сложно добиться возбуждения уголовного дела. В данном случае помогла принципиальная позиция родителей пострадавшего, которые, несмотря на возражения, настояли на проведении медицинского осмотра с подробной фиксацией всех телесных повреждений», – рассказал Локтев.

По словам адвоката, уголовное дело по статье о превышении должностных полномочий с применением насилия (п. «а» ч. 3 ст. 286 УК) возбуждено в отношении неустановленных сотрудников воспитательной колонии, которые, по версии следствия, нанесли телесные повреждения несовершеннолетнему заключенному.

Краснодарский край

19 августа 2015 года

В Усть-Лабинском районе кассир ФСИН присвоила премии коллег. В Усть-Лабинском районе в августе возбудили уголовное дело против кассира бухгалтерии ФСИН, которую подозревают в присвоении премиальных выплат пяти сотрудников.

По версии следствия, в декабре 2014 года кассир бухгалтерии ЛУИ-8 управления ФСИН России по Краснодарскому краю получила платежную ведомость, согласно которой пяти сотрудникам учреждения полагались денежные премии. Однако женщина не сообщила работникам об их поступлении и присвоила более 89 тыс. рублей. Это было выявлено в ходе прокурорской проверки.

Как сообщает пресс-служба СУ СК РФ по Краснодарскому краю, в настоящее время проводятся необходимые следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств совершенного преступления. Расследование уголовного дела продолжается.

Воронежская область

20 августа 2015 года

Массовые беспорядки произошли в Бобровской воспитательной колонии под Воронежем вечером 19 августа. В настоящее время прокуратура Воронежской области проводит проверку, сообщил корреспонденту **ИА REGNUM** старший помощник прокурора региона Михаил Усов.

Как сообщает **РИА «Воронеж»**, жители микрорайона, располагающегося по соседству с колонией, сообщили, что беспорядки начались около 21.00. Очевидцы сообщали о приезде пожарных машин и «скорой», с территории колонии доносились крики и лай собак. Позже к колонии подъехали машины с символикой ФСИН России, в том числе автобус со спецназом.

Добавим, что ранее сообщалось об избиении одного из воспитанников колонии сотрудниками – по данному факту возбуждено уголовное дело.

В ФКУ Бобровской воспитательной колонии содержатся несовершеннолетние осужденные. Создана колония была еще в середине прошлого века на базе «взрослой» тюрьмы. В настоящее время в колонии имеется клуб, видеозал, библиотека, спортзал. В колонии воспитанники получают общее образование, осваивают рабочие профессии.

Воронежская область

25 августа 2015 года

Против осужденных возбуждено дело о порче имущества в Бобровской воспитательной колонии.

Воронежские следователи расследуют дело о порче имущества в Бобровской воспитательной колонии. Дело против воспитанников учреждения возбуждено по ч. 2 ст. 167 УК (умышленное повреждение имущества, совершенное из хулиганских побуждений), сообщает пресс-служба СУ СК.

По ходатайству регионального следственного управления данное уголовное дело изъято и передано для дальнейшего расследования в первый отдел по расследованию особо важных дел следственного

управления Следственного комитета Российской Федерации по Воронежской области.

По версии следствия, в период времени с 20 часов 25 минут 19 августа 2015 года по 02 часа 30 минут 20 августа 2015 года осужденные, содержащиеся в ФКУ Бобровская воспитательная колония УФСИН России по Воронежской области, совершили нарушение правил внутреннего распорядка колонии, заблокировав входные двери общежития с целью воспрепятствования доступа сотрудникам учреждения. После этого осужденные из хулиганских побуждений повредили помещение общежития колонии, а также находящуюся в нем мебель, оборудование, бытовую технику и иные предметы.

В настоящее время проводятся необходимые следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств совершенного преступления, сбор и закрепление доказательственной базы.

Ранее, 17 августа, СК **возбудил** уголовное дело по факту избиения 17-летнего заключенного бобровской колонии: на его теле были зафиксированы многочисленные ссадины и кровоподтеки. Следователи квалифицировали инцидент по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК (превышение полномочий с применением насилия).

Московская область

27 августа 2015 года

В Зеленограде **вынесен приговор бывшему сотруднику следственного изолятора**, который за 25 тысяч рублей собирался передать мобильные телефоны одному из заключенных.

25-летний старший лейтенант внутренней службы Т. Гасанов, работавший в должности заместителя дежурного помощника начальника зеленоградского СИЗО, признан виновным в получении взятки и оштрафован на 1 млн рублей, сообщили Инфопорталу в пресс-службе Зеленоградского районного суда. Кроме того, осужденный на три года лишен права занимать должности, связанные с осуществлением функций представителя власти, выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных полномочий на госслужбе и в органах местного самоуправления. При вынесении наказания федеральный судья Иван Пашевич учел признание Гасановым вины и наличие у него на иждивении несовершеннолетних детей.

Напомним, сотрудника СИЗО задержали с поличным в середине июля 2015 года. По данным пресс-службы УВД Зеленограда, Гасанов вступил в сговор с родственниками осужденного, находящегося под

стражей в изоляторе, и за 25 тысяч рублей договорился передать ему три мобильных телефона. В правоохранительных органах высказывали предположения, что средства связи могли использоваться арестантом для координирования показаний в процессе расследования уголовного дела, а также для совершения телефонного мошенничества путем звонков случайным людям от имени полиции и вымогательства у них денег за освобождение якобы задержанных родственников.

Осенью 2014 года за аналогичное преступление на 3 млн рублей был оштрафован инспектор дежурной службы зеленоградского следственного изолятора Дмитрий Соловцов. В начале 2015 года за взятки также был осужден бывший заместитель начальника колонии-поселения Виталий Жуков. Его приговорили к 5 годам колонии строгого режима и штрафу в 5 млн 300 тыс. рублей.

Следственный изолятор № 12 и колония-поселение № 2 располагаются в Зеленограде на улице Гоголя, но административно подчиняются подмосковному управлению Федеральной службы исполнения наказаний.

Чита

27 августа 2015 года

Забайкальский краевой **суд отказал осужденному Дмитрию Кропачеву, у которого диагностирован частичный паралич тела, в досрочном освобождении** из колонии из-за недостаточности доказательств критического состояния здоровья заключенного, сообщает правозащитная организация «Зона права» со ссылкой на забайкальских правозащитников.

Заключенный из-за плохого самочувствия не смог присутствовать на судебном заседании.

Диагноз Дмитрия Кропачева – выраженный левосторонний гемипарез с преобладанием в ноге, аномалия развития сосудов головного мозга – включен в перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания.

В апреле специальная медицинская комиссия тюремной больницы МЧС-75 ФСИН по региону пришла к выводу, что заключенный имеет право на освобождение, но «на данный момент времени он не может быть представлен к освобождению от наказания, поскольку есть положительная динамика в обратимости гемипареза».

По данным правозащитников, комиссия заключила, что Кропачеву стало лучше на основании того, что при осмотре он смог поднять руку.

Через месяц в Ингодинском районном суде лечащий врач тюрем-

ной больницы Владимир Гавриленко допустил, что у заключенного случится третий инсульт. Однако суд отказал в ходатайстве об освобождении из-за болезни.

Руководитель Забайкальского правозащитного центра Анастасия Коптеева, представляющая интересы Кропачева, рассказала, что будет настаивать на повторном медосвидетельствовании подзащитного с участием независимых медиков из гражданских медучреждений. После этого вновь будет подано ходатайство об освобождении.

Кропачев отбывает наказание в колонии, расположенной в поселке Оловянная Забайкальского края, около шести лет. В апреле 2014 и в январе 2015 года заключенный перенес геморрагический инсульт с аневризмой головного мозга, на фоне чего левую половину тела парализовало.

30-летнему Дмитрию Кропачеву нужен постоянный медицинский уход, у него инвалидность второй группы. Заключенного, перенесшего два инсульта за девять месяцев, признали инвалидом только после жалобы в Росздравнадзор края. Срок наказания Кропачева заканчивается в ноябре 2016 года.

Ульяновск

29 августа 2015 года

В СИЗО Ульяновска произошел крупный пожар, погибли, по разным данным, от двух до пяти человек. Некоторым заключенным удалось бежать, утверждают СМИ. Причина ЧП – короткое замыкание в проводке в подвальном помещении карцера.

Пожар произошел в СИЗО № 1 города, расположенном на улице 12 сентября. По данным источников ТАСС, погибли двое заключенных. Пять человек пострадали, в том числе один сотрудник ГУ ФСИН по Ульяновской области. 33 арестованных были эвакуированы.

Ульяновское издание «Улпресса» утверждает, что погибли четыре человека, а некоторым заключенным при эвакуации удалось бежать. Также издание утверждает, что возможная причина – намеренный поджог СИЗО кем-то из заключенных.

В Федеральной службе исполнения наказаний подтвердили факт инцидента, сообщив, что в Ульяновск отправлена спецкомиссия для проверки. Представитель ФСИН сообщил ТАСС, что в результате пожара «есть жертвы», не уточнив их число.

Между тем источник РИА Новости в МЧС России сообщил о пяти погибших, но местные власти эти данные опровергли.

«В результате пожара в СИЗО № 1 в Ульяновске пострадали семь человек и четыре погибли. На месте работают экстренные службы, специалисты ФСИН, полиции и Минздрава. На место прибыл губернатор Ульяновской области Сергей Морозов», – сказал агентству начальник пресс-службы правительства Ульяновской области Игорь Жарков.

По факту произошедшего возбуждено уголовное дело о халатности (ст. 293 УК РФ).

ЯНАО

31 августа 2015 года

В Лабьитнанги двоих сотрудников СИЗО-1 заподозрили в незаконном приобретении и хранении наркотических средств в особо крупном размере (ч. 2 ст. 228 УК), сообщает Следственный комитет.

Следствием установлено, что 27 августа 2015 года в городе Лабьитнанги около 18 часов сотрудниками оперативного отдела УФСИН России по ЯНАО при проведении оперативно-разыскных мероприятий был задержан один из подозреваемых, 1983 года рождения, в личном автомобиле которого находилось наркотическое вещество в крупном размере. В этот же день около 20 часов был задержан второй подозреваемый, 1977 года рождения. При личном досмотре мужчины в карманах одежды также было обнаружено наркотическое вещество в крупном размере. Установлено, что подозреваемые являются должностными лицами и проходят службу в УФСИН России по ЯНАО.

В настоящее время следствием проводятся мероприятия, направленные на выяснение всех обстоятельств совершенных преступлений. Расследование уголовных дел продолжается.

РУСЬ СИДЯЩАЯ

WWW.ZEKOV.NET

«Русь сидящая» ненавидит тюрьмы и зоны, не терпит несправедливости, оскорбления российских законов и граждан. **«Русь сидящая»** – это неформальное объединение родственников заведомо неправосудно осужденных людей и, конечно, самих пострадавших от незаконного преследования граждан. Это предприниматели и артисты, офицеры и поэты, доктора и учителя – те, кто не в силах отстраненно наблюдать за судебным произволом, ломающим сотни тысяч судеб наших соотечественников, за равнодушием прокуратуры, следственных органов и прочей опогоненной нечисти. Для них продажность стала нормой существования, а совесть, достоинство, гордость и честь – старомодными атавизмами. Они считают, что победили. Они уверены, что являют собой реальную российскую власть. Они убеждены в своей безнаказанности и неподсудности. Мы объединились для того, чтобы доказать им – это не так. Для того, чтобы вернуть нашей стране справедливый и независимый суд. Вернуть гражданам право на защиту и презумпцию невиновности. Заставить полицию и следственные органы ловить и изобличать преступников, а не выбивать из граждан незаконную ренту и обезжиривать предпринимателей. Заставить суды вершить правосудие, а не выполнять заказы.

Заставить прокуратуру – надзирать за соблюдением законности, а не крышевать незаконный бизнес и обвинять всех, кто не заплатил, в совершении самых страшных преступлений. Заставить тюремщиков исправлять оступившихся, а не прессовать невиновных, помогая следствию добиваться показаний, цена которых бывает несовместима с жизнью.

Наша судьба не принадлежит вам. Пора прекратить геноцид против собственного народа, пора прекратить репрессии против самых талантливых и креативных российских граждан. Руки прочь от нашего будущего, продажные судьи и силовики должны остаться в прошлом.

Общая почта для обращений: rus.anketi@gmail.com

Судный день

Прописка

Рижская тюрьма беспределом славилась всегда. Новичка после отбоя загоняли на окно, и он, припав к решетке, голосил:

– Тюрьма! Тюрьма! Дай кличку!

Его сзади понукают:

– Громче, блядь, кричи! – В него летят ботинки, сыплются тычки.

Он снова орет дурным голосом:

– Тюрьма, дай кличку!

Тишины позднего вечера как не бывало. Тюремный двор оглашается смехом, разговорами и криками.

Из окон наперебой горланят ради хохмы:

– Лунь!

– Отыржка!

– Волк позорный!

– Дятел!

– Чушка!

– Обормот!

Как из рога сыплется. Одно другого хлеще. Новичок тушует, но продолжает клянчить:

– Тюрьма, тюрьма, дай кличку! Не простую, а воровскую!

Новичок как будто просит милостыню. Но тюрьма глуха к его стенаниям. Ей бы только душу отвести, потешиться, позубоскалить. Тюрьма входит в раж.

– Козел!

– Фуфлыжник!

– Гребень!

Обидные все прозвища. Новичок конфузится, но, как учили, отбивается на каждый выкрик, верещит: «Не канает!.. Не канает!.. Не канает!» Голос его раз от разу становится все более хриплым, безнадежным и глухим. Он уже убит таким напором.

И выбирать-то не из чего. Ничего хоть мало-мальски подходящего. А сокамерники сзади насаждают, поедом едят, палкой от швабры охаживают, требуют, чтобы выбрал что-нибудь.

Новичок затравленно кричит:

– Тюрьма, тюрьма, дай кличку!

– Д'Артаньян! – доносится как будто запоздало одинокий крик; он, кажется, несет спасение, и новичок поспешно заглотил наживку, скрывающую пагубность крючка. – «Канает!» – он думает, пришел конец мучениям, но они, пожалуй, только начались. – И откуда-то издалека, может, из другого корпуса выводят чуть не по слогам:

– Не тот, который на шпагах дерется, а тот который в рот е-ся!

Сбитый с толку новичок краснеет от досады, от стыда; вопит как оглашенный:

– Не канает!!!

Но поздно. Голос его тонет в общем безудержном смехе, в свисте, в улюлюканье, в многоголосой брани.

...Мне бы кличку для себя выбирать не пришлось. Обо мне позаботился начальник полиции Юрис Брикис. То ли с пьяных глаз ему что померещилось, то ли со страху, то ли карьеру решил сделать на чужой беде, только погоняло Террорист с его легкой руки ко мне прилипло крепко.

Кому тюрьма, а кому – мать родна

Половину жизни Витька провел в тюрьмах и хорошо сохранился. Выглядит на двадцать восемь лет, хотя ему под сорок.

Человек в тюрьме хранится как в консервной банке, и даже срок хранения указывают каждый раз.

Наблатыкался за эти годы Витька, крученым стал, словно шнек от мясорубки. На горло любит брать, и глотка у него луженая.

А вот его закадычный друг Федя Конопля – полная противоположность Витьке. Длинный и худой – два метра сухостоя; и молчун не по годам – двух слов не скажет за день.

На пару они могут день-деньской «шабить» и так обкурятся, что чуть ворочают как будто не своими языками.

Ни к селу, ни к городу Витька говорит:

– Меня уже ничем не проймешь. У меня внутри все перегорело. Никаких чувств не осталось, кроме аппетита.

– А меня? – икает Конопля.

– Ты еще хлебный! – повышает голос Витька. – Из тебя можно мякиши лепить!

Конопля отмалчивается. Погружается в себя. И Витька теряет нить разговора.

Сине-сизые клубы тяжелого пахучего дыма плотноядно кружат вокруг них медленно и плавно, словно в ритуальном танце.

Конопля не подает признаков жизни. У него расширены зрачки. Он лежит, безвольно свесив руки.

Витька у себя на шконке привалился намертво к стене. Глаза у него открыты, но он не видит ничего перед собой.

Так пробегает час. Потом Витька вроде как очухивается и сумбурно тормозит кента:

– Я без тебя скучаю, пришли курить и чаю... Конопля! Ты слышишь меня? Я торчу! Как бы «кукушка» не улетела. Ты меня слышишь, Конопля? Чего молчишь?! Ты дуру не гони, и на нашей улице грузовик с пряниками перевернется, слышишь, Конопля? Без мозгов жить лучше. На крайняк, прикинь, не будет сотрясения, если по голове дадут. Ха-ха-ха... С понтом ехали на дачу, оказалось – этап. Ты что, в натуре, Конопля?! Пальцем тебя делали, а говоришь, что папа...

Устав от собственного велеречия, Витька с возбуждением прикуривает новую, загодя набитую «дурью» папиросу, раз за разом глубоко затягивается и, задержав дыхание, толкает Коноплю.

Тот молча поднимается и принимает, как сомнамбула, «косяк».

Так они на пару коротают срок. И коротают жизнь.

За ними в глазок камеры подглядывает надзиратель. Зовут его Вадим. В тюрьме его терпеть не могут ни свои, ни ээки. Он все делает исподтишка и теперь рад рапорт настрочить, так и чешется рука, да наказали не совать нос не в свои дела, сказали, что начальник оперчасти Иванов проводит разработку и наркоманов взял под свой контроль.

Зря, что ли, Иванов как пришел в тюрьму работать, так купил нашармака машину. И лоснится теперь так, что на себя стал не похож.

Наседка

В иных случаях, как говорят, бабушка надвое гадала, но тут сомнений не было, в тюрьме об этом знали все. В прогулочных двориках чуть не на каждом шагу стены были испещрены надписями: «Гунтис Бутка – подсадная утка».

Складно выходило.

Бутка – это самая что ни на есть фамилия. Родом он из небольшого городка Кулдиги, а от роду – лет тридцати пяти. Чахоточный и долговязый. Лицо темное, как у араба, по виду и не скажешь, что латыш. Но от горя почернел или от злобы на весь мир – не знаю, врать не буду.

Бутку посадили под меня. Он должен был докладывать о каждом моем слове. Для этого на утреннем обходе он записывался на прием к врачу. Другие по неделям не могли попасть, а Бутку что ни день вызывали.

Я прикидывался простачком и делал вид, что ничего не понимаю, верю Гунтису во всем. Он еле сдерживал ухмылку, чтобы не выдать себя с головой.

Зрочки у него были расплющены. Казалось, он смотрел внутрь себя и не тонул: душа была мелководной. Вброд перейти можно. По щиколотку будет, и то вряд ли.

Передач от близких Гунтис никогда не получал. Родные на него давно рукой махнули. В маломестной камере мне одному носили регулярно. Я делился. Бутка каждый день от пуза ел мой хлеб и каждый день закладывал меня. Я думал про себя: «Чтоб ты подавился» – и терпел.

Так мы и жили.

Братка

Братка по национальности цыган. Ростом невысокий, лицо будто закоптили, глаза шустрые, живые, а голос низкий и нахрапистый, так и кажется, что Братка перейдет на крик.

Братка вечно в поиске: он ищет, кого можно околпачить, у кого что выдурить, и палец в рот цыгану не кладет.

Братка любит вспоминать, как сидел с Альфредом Рубиксом, бывшим лидером латвийских коммунистов. Где только разговор за Рубикса пойдет, Братка тут как тут.

– Мы с Петровичем вместе сидели. Рубикс в угловой хате был, номера не помню, там была четырехместка, но он сидел один, а мы были напротив, через проход, точно в такой хате, только вшестером.

Это было в 1994 году, зима еще была. Рубикс нам газеты подгонял через баландеров. Мы их брали для сортира. Кто их, на хрен, читать будет? Мы тогда каждый день бухие были. Пьяный угар на тюрьме стоял. Спирту море было. Спитесь можно было. Я на свободе так не пил. Весело жили. В гости друг к другу ходили.

Четвертый корпус весь был в дырках, в каждой хате «кабура» была, даже к смертникам пробрили, но их перевели.

Хотели к Рубиксу долбить, кричим: «Держись, Петрович! Мы к тебе зайдем через чердак!» Он испугался и кричит: «Не надо! Не делайте этого!» Мы не стали. Спросили денег у него. Он нам вечером по ужину через баландера подогнал. Потом еще хотели к нему лезть, он опять от нас откупился, а больше мы наглеть не стали. Он мастюху все-таки держал, и многие его уважали. Только плохо, что он красный, как пожарная машина, ха-ха-ха...

Любой свой монолог заканчивает Братка смехом.

А Рижская тюрьма тогда на самом деле была проходным двором. Зэки умудрялись даже забредать на пищеблок и угрозами сварить живьем нагоняли жуть на поваров.

Про любовь

Ночью снился эротический сон – обычное для тюрьмы дело. Снилось женщина, незнакомая, но очень желанная. Наверно, это был собирательный образ, эталон, идеал, женщина моей мечты. Что тут добавить?

Я целовал ее плечи и грудь, целовал волосы и шею, целовал глаза и брови. Как томимый жаждой путник припадает в знойный день к воде, так я, должно быть, взалкал губы. Я целовал их ненасытно, жадно, с упоением.

Потом мы слились воедино, стали одной плотью, и я хорошо чувствовал каждую клеточку женского тела. Я был заморожен им, не иначе. Затаив дыхание, я погружался в глубину и едва только вошел, то сразу, как на грех, и растворился – без остатка, целиком... И будто заново родился.

Молодец был все-таки Адам. И правильно он сделал, что оставил ради Евы рай. Ничего-то он не потерял, ничегошеньки. Я мысленно благодарил Бога за то, что Он создал для человека женщину; и впрямь, должно быть, из ребра мужского сотворил, так ладно все да чудно получилось.

Так вот у нас с тех пор и повелось. И слава Богу!

А назавтра у меня был день рождения – 16 октября. И получилось, что сон в руку. Ближе к полудню к камере подошел дежурный помощник начальника тюрьмы Игорь Матвейчук – усатый хитрован. Зэки между собой звали его пластмассовым офицером. Матвейчук, когда что-то обещал, давал слово офицера, но слова своего он не держал. За то и нарекли пластмассовым. Зэки зря не скажут.

Матвейчук достал из-за спины букет из пяти красивых, нежно-алых роз и протянул через решетку мне:

– Держи, Смирнов, любимая женщина просила передать, а какая – ты уж думай сам. Чего небритый? Ты, наверно, и забыл, что у тебя сегодня день рождения?

Матвейчука, пожалуй, выдает ехидный взгляд. У него не получается быть своим в доску. Я поблагодарил дежурного помощника начальника тюрьмы, мы обменялись с ним незначащими фразами, а мои сокамерники осторожно, с робостью вдыхали аромат цветов.

Для тюрьмы цветы – это что-то несусветное, и контраст тут умопомрачительный. А букет из пяти прелестных роз и впрямь был сказочным, великолепным. И вообще розы – удивительные все-таки цветы: неприступно колючие и вместе с тем влекущие к себе. До чего изобретательна природа!

Я поставил розы на обшарпанную тумбочку, в импровизированную вазу – пластиковую бутылку с вырезанным горлышком. Там у меня уже стояли ворохом сухие листья. Я подбирал их изо дня в день, гуляя на прогулочном дворике тюрьмы. Бог ведь каким ветром заносило их сюда. Им и самим, наверно, было в тягость валяться на заплеванных, сплошь в окурках двориках тюрьмы, но, падшие, они олицетворяли для меня природу.

Листья обновляются из года в год и поколения людей сменяются друг другом век от века.

Воду розам каждый день менял и каждый божий день любовался ими. В сочетании с желтыми листьями розы смотрятся как вестники апокалипсиса. В их предсмертной строгой красоте внезапно появляется что-то пронзительное, словно крик сорвавшегося в пропасть человека.

Под залог души

Тибетские монахи никогда не просят милости, но только справедливости. А в одном монастыре хранится древний текст: «И тогда Исса сказал: слушайте же, что я хочу вам сказать: почитайте женщину, мать Вселенной; в ней лежит вся истина Божественного творения. Вот почему я говорю вам, что после Бога ваши лучшие мысли должны принадлежать женщинам: женщина для вас – Божественный храм»

Следователем у меня была женщина. Холеная брюнетка. Дайга Вилсоне.

Глаза у нее были когда-то небесными, но давно выцвели и пустовали. Правда, иногда вдруг становились желтыми, и сразу возникало чувство, что она может ужалить.

Она знала, что я не виноват, и сама об этом говорила, перекуривая. А пока курила, ерзала на стуле и, казалось, возбуждала себя, потому что у нее в глазах появлялся похотливый блеск.

Потом она бралась за дело.

– Как же вы не виноваты? – говорила вкрадчиво, слово в слово заносила в протокол и кошачьим голосом тянула – Как можно оказать сопротивление полиции?

Она могла лгать и не краснеть, только как бы прятала, чуть отводила в сторону глаза, чтобы в них нельзя было прочесть усмешку.

Потом был суд, и судья Сильва Рейнхолде, сбитая и молодая, в очках, чтобы казаться строгой, скороговоркой выпалила приговор. Но ей все-таки было стыдно за себя, она краснела, и я даже отвернулся, чтобы не смущать судью.

Мразота

Фамилия начальника тюрьмы Мороз, но за глаза его зовут Мразотой.

Когда я раскусил начальника тюрьмы, то обрадовался прямо от души. Так может ликовать только ученый, обнаруживший доселе неизвестного науке страховидного жучка.

С людьми такого типа, как Мороз, я раньше не встречался никогда. В нем было что-то женское. Особенно это бросалось в глаза, когда он садился на стул, закидывал жеманно ногу на ногу и доставал из пачки сигарету.

Даже сигаретный дым он выпускал манерно.

Но этим никого не удивишь. А уникальность его заключалась в том, что страдания других людей доставляли ему удовольствие. Он даже в отпуск не ходил годами, чтобы не лишать себя подпитки от чужой беды.

Одно время в Лиепайской тюрьме кормили из рук вон плохо. Это почти весь 1996 год. Заключенные не получали месяцами рыбу, хотя она входила в ежедневный рацион. Из супа тоже ничего не выловишь – одна вода. Хлеб был таким, что после него приходилось тщательно мыть руки, потому что пальцы становились черными и липкими; от хлеба пучило живот.

А вкусно покормили один раз – 19 октября. Я запомнил дату, потому что в этот день из департамента мест заключения с проверкой приезжал напыщенный, надутый и невзрачный хлюст, толком и не знаю кто.

Взгляд у него был словно скован льдом. Так на мелких водоемах вода в стужу промерзает до дна.

В сопровождении тюремного начальства он подошел к нашей камере и, не представившись, сказал, что приехал по жалобе на качество пищи. В руках у него было мое письмо. Он поинтересовался, кто Смирнов, и смерил меня колким взглядом.

– Что обед такой плохой, что нельзя кушать?

– Попробуйте сами, – дерзко сказал я.

В камере как в рот воды набрали.

– Попробую, – пообещал сквозь зубы проверяющий и на этом завершил обход.

Обед был через полчаса. И был таким, что пальчики оближешь. Я понял, что так кормят на убой, и не ошибся.

После обеда мне принесли постановление на десять суток карцера за клевету на администрацию тюрьмы.

Через пару дней в карцер заглянул начальник тюрьмы Анатолий Мороз.

– Это не я тебя посадил. Это указание проверяющего. Я обязан его выполнить. Но сутки добавлять не буду, отсиди спокойно и выходи.

Начальник тюрьмы торговался. Он держался настороже, избегал смотреть в глаза и рыскал взглядом по углам.

...В 1997 году Мороза уволили, отлучили от тюрьмы.

Без подпитки от чужой беды он захирел и стал жаловаться на свое здоровье.

Голь на выдумки горазда.

Можно ли в тюремной камере поставить бражку из подручных средств?

Вполне.

Как ухитряются? Тонкие ломтики черного хлеба слегка смачивают водой, посыпают чуть-чуть сахаром, потом попарно складывают, заворачивают в целлофан и держат в теплом месте.

Через пару дней «дрожжи» дойдут до кондиции.

Затем берут полуторалитровую бутылку из-под минералки, заполняют на три четверти водой, досыпают сахара граммов двести и крошат «дрожжи».

Дальше поступают так. Бутылку закупоривают родной пробкой, в которой загодя проделывают отверстие. В него вставляют кусочек пустого стержня от шариковой ручки. Это для того, чтобы травило, чтобы

выход для бродящей массы был. А саму бутылку помещают в полиэтиленовый пакет и наглухо завязывают, благодаря чему запах в камере отсутствует. Комар носа не подточит.

Честь мундира

Прокурор города нервничал. Сроки следствия истекли, а доказательств вины как не было, так нет. Дело принимало скверный оборот и могло закончиться скандалом.

Инспектора полиции арестовали без достаточных улик. Это было ясно с самого начала. Понадеялись, что у него развяжется язык и в тюрьме он даст любые показания, но ничего из этого не вышло. Инспектор оказался крепким орешком.

Прокурора разбирала злость. Хуже всего было то, что он публично со страниц газет что-то мямлил о коррупции и приводил в пример как раз инспектора полиции.

Теперь надо было выйти сухим из воды.

Прокурор вызвал к себе начальника тюрьмы и ждал его с нетерпением. Под конец не усидел и стал ходить по кабинету.

Тщедушный и субтильный, он терся при ходьбе коленками, но привычки этой за собой не замечал.

Начальник тюрьмы был у него в руках. Достаточно дать ход одной из многих жалоб. Тут и торговля в изоляторе наркотиками, и изъятие вещей, которые потом бесследно исчезали, и каждодневные побои. А не так давно в тюрьме убили парня. К прокурору на прием приходила его мать.

Он принял заявление, но ничего предпринимать не стал. Это позволяло, с одной стороны, держать в страхе заключенных, а с другой – на коротком поводке администрацию тюрьмы. И начальник тюрьмы многим был обязан прокурору.

Размышления прервала секретарь. Она доложила, что пришел начальник следственного изолятора.

Прокурор напустил на себя суровый вид. Он пользовался им как гримом.

– Пусть войдет.

Начальник тюрьмы лебезил. Срочный вызов породил тревогу. Прокурор это понимал и не стал томить.

– Как там у тебя сидит наш друг?

Начальник тюрьмы понял, о ком речь, и принял верный тон.

– Катает жалобы, куда ни лень, я с ним замучился.

Прокурор кивнул, поднял глаза, и в его зрачках начальник тюрьмы, словно в зеркале, увидел самого себя. Ничего хорошего зеркальный взгляд не предвещал.

– Надо заткнуть ему рот.

Прокурор своих ошибок никогда не признавал. Он давно понял, что только место делало его значительным. Сам по себе он ничего не представлял. Он был подчеркнуто опрятным, но галстук и белая рубашка служили для него маскхалатом, под которым пряталась черная душа.

Начальник тюрьмы уяснил, что от него хотят, но не забыл подстраховаться.

– У него родители, жена таскает передачи, она скандалистка и поднимет шум.

Прокурор на этот раз поднял только брови и слегка дотронулся рукой до папки на столе.

– Ну и что? Одной жалобой больше, одной меньше – что это меняет? Вопрос был решен, и в тот же день вечером инспектора полиции перевели в общую камеру.

Начальник тюрьмы, уходя домой, напутствовал дежурного помощника:

– Ну ошиблись, посадили по запарке не в ту камеру, бывает, утром разобрались и перевели назад. Он за ночь поумнеет, и ему это на пользу пойдет.

До утра инспектор не дождался.

На следующий день начальник следственного изолятора пришел пораньше, и, когда ему доложили, что произошло убийство, устроил по всем правилам разнос. Прокуратура взялась чинить следствие. Зэки быстро поняли, как все уладить, и крайними назначили двоих парашников. Им выделили чай и сигареты. Они согласились взять убийство на себя. Другого выбора у них и не было.

Обвинение в суде поддерживал сам прокурор. В его зрачках, как в зеркале, отражались напряженные фигурки согбенных существ. Они не поднимали глаз от пола.

Прокурор для подсудимых запросил предельно большой срок. Речь его пронизывалась гневом, будто молниями. Потом он сел на место и стал любоваться ногтями, словно у него был маникюр.

Интервью со смертником

Лиепайская тюрьма – одна из новых в Латвии. Во времена СССР тут был лечебно-трудовой профилакторий. Потом комплекс пустовал. А с 1994 года рай для алкоголиков превратили в ад для уголовников.

Первого смертника в Лиепайскую тюрьму привезли 14 ноября 1996 года. Прямо из зала суда, где вынесли расстрельный приговор.

Приговоренным оказался Лесик Владимир Яковлевич, 1963 года рождения. Он был одним из участников тройного убийства в магазине «Званинш». Это было громкое дело, история, потрясшая весь город. Сразу после суда Лесика поместили в отдельную камеру – 109-й карцер. Там его держали до ближайшего этапа и 23 ноября отправили в Рижскую тюрьму, где смертников прятали в отдельный блок.

Я в это время за отказ от пищи находился в 110-м угловом, почерневшем от сырости карцере и так вот оказался по соседству с человеком, которому дали «вышку»

В первые минуты было мне не по себе, но потом я понял, что мне выпала удача, и решил во что бы то ни стало взять у нового соседа интервью.

Беготня в коридоре началась задолго до приезда смертника. 109-ю камеру тщательно обстукивали и обыскивали, напротив камеры приткнули тумбочку и табуретку, значит, дополнительно установили пост.

Я недоумевал, с чего такой переполох. Карцеры были в ноябре пустыми.

После ужина, когда движения на коридоре стихли, я решил разговаривать дежурного, который неотлучно находился справа от меня, напротив 109-й камеры. Я видел его в щелку двери.

Дежурный оказался несловоохотливым, но все-таки я выведал, кто новый мой сосед.

В первый вечер у меня не вышло ничего. Смена оказалась больно уж дерьмовой. Едва после отбоя я забрался к ночной лампочке и громким шепотом позвал: «Лесик! 109-й трюм!» – как дежурный возле тумбочки зашевелился, зашуршал газетами.

– Кончай базары, слышишь, Смирнов, а то получишь еще пятнадцать суток. Тебе это надо?

– А тебе?

– Вот и кончай базары.

– Ладно, воин, бди, чтобы у тебя на опохмелку не было.

Чертыхаясь, я по внутренней решетке слез на пол.

Жаль, конечно. Интересно было бы узнать, что у приговоренного к расстрелу делается на душе сегодня. А может, это к лучшему и не стоит сейчас к человеку лезть?

Я лег на нары, руки заложил за голову.

На ночь, на время сна нары опускаются, а днем они приторочены цепями к стене. Теперь, при свете ночника, цепи отбрасывали на стену

увеличенную тень, и эта черная тень была связующим звеном между днем сегодняшним и Средними веками.

В ту ночь я долго не сомкнул усталых глаз.

А на другой день мне повезло чуть больше. Пост возле смертника на каких-то полчаса остался без дежурного, и я не прозевал.

– Лесик! Лесик! Сто девятый трюм!

– Ну?!

– Ты залезь на решетку и через нишу говори, а то слышно, как из ямы!

Послышалось лязганье железа, и голос Лесика теперь под сводами зазвучал отчетливо.

– Кто это говорит?

– Лесик, привет. Это сто десятый трюм! Володя Смирнов, бывший редактор газеты и террорист по совместительству, ты, может быть, слышал?

– А-а, да-да, знаю, слышал, Володя, говори!

Я затараторил.

– Хорошо! Теперь так, а то времени в обрез. Ты знаешь, что я издавал газету на свободе, мне это дело нравилось, и я хочу взять у тебя интервью, хочу задать тебе несколько дурацких вопросов, но я не хочу тебя обидеть, ты пойми, случай неординарный, не каждый день доводится со смертником поговорить...

Лесик засмеялся и коротко сказал:

– Ничего, спрашивай!

Голос у него был твердым и чеканным.

– Тезка, я не желаю тебе зла и хочу предупредить, что наше интервью я напечатаю в газете!

– Валяй! Я и сам хочу все написать.

Я торопился.

– Володя, тебе вчера вынесли смертный приговор – и как ты себя чувствуешь сегодня?

– Вчера был убит, а сегодня у меня подъем. Еще не все потеряно, буду писать жалобу, поборюсь еще. Ну а расстреляют, так расстреляют, саму смерть я не боюсь, когда меня брали...

Он частит, как будто сам себя заводит, и я его перебиваю, прошу говорить помедленней, а то гул стоит. Он продолжает не так быстро.

– Я говорю, что саму смерть я не боюсь. Когда меня приходили брать, то я себя семь раз ножом в живот ударил, потом в шею один раз и после этого выбросился из окна третьего этажа. Меня с Божьей помощью в реанимации еле откачали.

– А ты веришь в Бога?

– Да. Я Его даже видел.

– Но тогда, значит, и ад есть, ты об этом думал?

– Я это понимаю по-другому.

– А как ты видел Бога? Какой Он?

– Это было в реанимации, это долго рассказывать.

– Ладно, Володя, давай на сегодня расход, а то у меня после голодовки руки сами разжимаются, нет больше сил висеть.

– Хорошо, потом крикни, если что.

Я слез на пол и тут же принялся записывать, о чем мы говорили, стараясь ничего не упустить.

С Лесиком поговорить в тот день больше мне не удалось, зато после ужина я перемолвился с дежурным, который ни на шаг не покидал свой пост.

– Командир, чего ты тут сидишь? Тут все от сырости позеленело, иди на воздух, подыши, а то ты словно каторжник.

– Нельзя. Мне положено через каждые 15 минут заглядывать к смертнику.

Я удивился:

– Да-а? А чего так?

– А вдруг он вздернется? Что у него на уме? За ним особый контроль нужен.

Мне почему-то расхотелось разговаривать с дежурным, хотя спроси меня, в чем он-то виноват, я не сказал бы ничего определенного.

На следующий день я опять улучил момент и позвал соседа:

– Володя! Лес! Сто девятый трюм!

– Да! Говори! – отозвался он не сразу.

Голос у него был будничным.

Дорожа временем, я взял с места в карьер:

– Володя, кто у тебя был адвокатом?

– Суркова

– Она ведь пожилая уже, опытная, да?

– Хуже некуда.

– Почему?

– Она не прет и с делом не знакомилась, я ей все подсказывал. Просто никто другой не брался меня защищать.

– А кто был прокурором?

– Опинцане.

– И что она за человек?

Лесик был категоричен:

– Она змея. Я подозреваю, что ее купили. Я ведь ничего не помню, что в ту ночь произошло, может быть, Терентий бочку катит на меня (Терентьев – поделщик Лесика и младший брат директора самого крупного в городе завода).

– Но ведь Терентий получил двенадцать лет, – возражаю я. – За деньги можно было откупиться или получить не такой большой срок – как ты думаешь?

– Для Терентия двенадцать лет – мало. Он был организатором, и на нем два трупа из трех.

– Откуда ты знаешь? Ты ведь сам сказал, что ничего не помнишь?

– Это можно все установить логически.

Я не стал вдаваться в подробности и чинить новое следствие. Меня интересовал Лесик. Лесик-человек. Лесик-убийца. Лесик-мученик и Лесик-смертник.

– Володя, а кто у тебя судьей был?

– Берзиня.

– Везет тебе на баб. И как она, на твой взгляд?

– Черт ее знает, я до конца так и не разобрал.

– Володя, а кого ты больше всего на свете любишь, есть такие люди?

– Трудный вопрос. Не знаю даже.

– Но ведь у тебя жена и двое детей.

– Не знаю.

– А тех людей, которых ты убил, ты раньше знал, какими они были?

– Нет, не знал.

– А ты сожалел когда-нибудь, что погубил их?

– Да. Первые полгода я молился Богу, чтобы Он их забрал к себе, потому что они невинные.

– Володя, скажи честно, ты был пьян в ту ночь?

– Нет, я выпил бутылку пива.

– Но, согласишься, что вы сделали – это страшно. Такой грех взять на душу. И неужели трезвые?

– Да, я был трезвый. У меня замкнуло, когда я увидел кровь. Это Протас начал (Протасов – второй поделщик Лесика). Потом ничего не помню.

На этом интервью в тот день прервали. И снова поговорить с Лесиком мне удалось только в день его отъезда.

Я торопился с расспросами, говорил невпопад, понимал, что в любой момент могут помешать разговору.

– Володя, ты сегодня уезжаешь на этап, ты знаешь?

– Да.

– Ты знаешь, что тебя ждет одиночка, полная изоляция и повышенный контроль?

– Знаю. На меня это не действует. Я ко всему готов.

– А почему ты резался, когда за тобой пришли, почему выбросился из окна? Знал, что плохо кончится?

– Да, знал, что дадут «вышку».

– А чем ты увлекался на свободе?

– Любил закаляться. Зимой ходил на море и купался, когда люди шубы и пальто носили.

– Володя, в старину убийц звали душегубами. Знаешь почему?

Вместо Лесика ответил надзиратель. Подкрался, вырос как из-под земли.

– Кончай базары!

Услышав привычный окрик, я принялся уговаривать надзирателя. Мне очень хотелось напоследок поговорить с Лесиком по душам, но дежурный был неумолим, и я стал прощаться:

– Володя, ты меня слышишь?

– Да.

– Начальник, видишь, не дает добро.

– Да, я слышал.

– Ну что, Володя? Я тебе желаю жить до ста лет! Ты меня понял?

Лесик рассмеялся.

– Да.

– Ну, пока!

– Давай!

Я слез на пол, услышал, что и Лесик за стеной проделал то же самое.

Я был искренен, когда пожелал ему, приговоренному к расстрелу, жить до ста лет. Я убежден, что никто, ни один смертный не имеет права отнять у него жизнь, ни один человек, в какие бы мантии он ни рядился.

Кто знает, какой крест Бог возложил на Лесика, и не нам препятствовать перерождению души.

Повесть Льва Николаевича Толстого «Фальшивый купон» знаменательна своим финалом.

«Прошло десять лет.

Митя Смоковников кончил курс в техническом училище и был инженером с большим жалованием на золотых приисках в Сибири. Ему

надо было ехать по участку. Директор предложил ему взять каторжника Степана Пелагеюшкина.

– Как каторжника? Разве не опасно?

– С ним не опасно. Это святой человек. Спросите у кого хотите.

– Да за что он?

Директор улыбнулся.

– Шесть душ убил, а святой человек. Уж я ручаюсь».

...Сам я уезжал из треклятой Лиепайской тюрьмы 13 апреля 1997 года, и так получилось, что одним этапом со мной, только в изоляции, ехали в Ригу, на апелляционный суд подельники Лесика – Протасов и Терентьев. Мы встретились в битком набитой камере Рижской тюрьмы и перед обыском пробыли вместе несколько минут. Я знал, что в доме, где они совершили тройное убийство, был еще ребенок – пятилетний мальчик. Он спал, пока родителей и бабушку за стенкой убивали. И я спрашивал у Терентьева, и у Протасова, как бы они поступили, если бы мальчик проснулся? Мороз по коже пробежал, но я допытывался, был дотошен.

Они оба менялись в лице, наверное, и прежде не один раз думали над этим и благодарили многожды судьбу, что хоть тут их пронесло, но оба в один голос уверяли, что ребенка бы они не тронули. Верилось с трудом.

Протасов, когда-то бронзовый призер чемпионата по борьбе, выглядел предельно изможденным: серое окаменелое лицо, впалые щеки и судорожный блеск в глазах. Он был близок к умопомешательству и держался из последних сил.

Грех

На второй день голодовки меня отправили в тюремную больничку, поместили к психам и назначили аминазин.

После первого укола меня скосоротило, речь стала вязкой, но мозг пока не отказал, и я со страхом ждал, что будет дальше.

Спас меня Вася Федоров, выживший из ума арестант. Он по причине полной потери рассудка подлежал активированию, но то ли его не तोпились сбывать родственникам, то ли сами родственники не спешили приезжать за ним, но только Васю уже год мурыжили в больничке.

Нас в палате было восемь человек, и кто-то предложил класть под уколы Васю, ему уже было все равно. Мы так и поступили.

Каждый раз перед обходом медсестры, которая делала уколы, Васю укладывали на мое место и обматывали полотенцем голову, буд-

то она у него болит. Вася лежал ничком, уткнувшись лбом в подушку. Медсестра подходила к нему, приспускала штаны и делала укол. На лицо она никогда не смотрела, ей было достаточно того, что моя фамилия указана на прикроватной бирке. Она ловко делала привычное дело и быстро уходила.

Вася за время процедуры не издавал ни звука. Я же с головой под одеялом лежал в Васиной кровати, и никто из сокамерников нас не сдал.

Так Вася принял на себя уколы.

От них у него разыгрывался аппетит, и я, чувствуя свою вину, отдавал без разговора свою пайку.

Позже я узнал, что для больных аминазин не вреден, они его переносят безболезненно и у меня с души свалился камень.

Кумовья

Двух одинаковых зон не найти. И кум как раз один из тех, кто делает погоду в зоне. Кум – это начальник оперчасти. Он играет ключевую роль.

На Лиепайской тюрьме кумом был Валера Иванов. Тихой сапой за глаза он мог оговорить любого, чтобы посеять неприязнь, вражду между людьми, настроить друг против друга, потом в мутной воде что-то половить. Пройдоха, каких свет не знал. Его и Бог отверг. Бог шельму метит. Одной ступни у Иванова не было. Он был хром, как дьявол. Маскировался при помощи ортопедической обуви и выдавал себя не за того.

Но как черного кобеля не отмоешь добела, так и Валеру Иванова. Он был падким на деньги и, несмотря на хромоту, любил жить на широкую ногу.

А вот его коллега в Екабпилсе был другим. Майор Малинин отработал четверть века. Он был всем кумам кум, и его было не купить ни за какие коврижки. Он за своими смотрел в оба и зкам спуска не давал.

Разные, конечно, люди... И порядки у них были разные.

В Екабпилсе осужденных никогда не избивали, Малинин рьяно возражал, а Иванов рукоприкладство поощрял, и мордобой при нем не прекращали.

Государство эзков

Да, именно государством предстает сообщество заключенных при близком рассмотрении. Все признаки тут налицо.

Соблюдаются порядок и традиции. Существует иерархия, свой языковый диалект, фольклор. Все как у малых народностей.

У государства эзков даже собственная валюта имеется. При внутренних расчетах основным платежным средством выступают чай и сигареты. За одну расчетную единицу принимается заварка чая, примерно 20 граммов. Отмеривают чай столовыми ложками, или спичечными коробками, или же на глаз. Два спичечных коробка с горкой или две столовые ложки аккуратно и составляют вожделенную заварку. Из этого добра можно заварить чифир – он получится ядреным. От крепкого напитка мало кто откажется, он все-таки бодрит.

Чай и сигареты – твердая валюта. За них в зоне можно купить все. За пол-литра молока надо уплатить заварку чая или же полпачки сигарет, что эквивалентно чаю. А за шесть заварок чая или за три пачки сигарет можно выторговать пару теплых шерстяных носков.

Расценки тут обычно постоянные.

Чай и сигареты – полноценная валюта, и хождение ее на территории государства эзков ничем не ограничивается.

При наличии двух килограммов чая можно месяц жить тузом и вполне сойти за богатея.

После развала СССР у эзков как у вассального государства многое изменилось в жизни, но валюта осталась прежней – чай и сигареты. Изменения коснулись прежде всего быта и традиций.

Раньше, при совдепии, эзки в принудительном порядке работали. Теперь они непринужденно бездельничают. Получая в прежние времена небольшую плату за труд, эзки могли покупать в магазине не более ста граммов на человека. Отоваривали один раз в месяц. Теперь ходи каждую неделю в магазин и чай бери хоть килограммами, да мало кто позволить может: денежные переводы от родных идут не густо, на свободе люди тоже бедствуют, им не до жиру – быть бы живу, а работу в зоне не найти – безработица. Все как у людей.

Прежде полагалась эзку обувь и одежда (роба), даже нижнее белье, вплоть до носков. Не зря же пели: «Костюм бостоновый и корочки со скрипом я на тюремную одежду променял...». По сезону выдавали телогрейку-фуфайку и шапку-ушанку. Теперь такого нет и в помине, и приходится терпеть нужду.

В карцерах теперь не то, что было раньше. Раньше было тягостно: холодно и голодно. Кормили через день, да и то по пониженной норме. Наденут на тебя брезентовую робу, на ноги дадут резиновые галоши, универсального сорок пятого размера, и шлындай в них день-деньской по цементному полу. Ночью тоже не поспишь, не отдохнешь. зуб на зуб не попадает – шутка ли. Не будешь делать физзарядку каждый час – замерзнешь, околеешь. Два притопа, три прихлопа – до

изнеможения. Сало – сила, спорт – могила... Головокружение. Утром кружку кипятка ждешь как манну небесную: можно дух перевести, согрившись. Теперь куда как легче. И кормят в «трюме» каждый день, и одеться потеплей не возбраняется, но все равно желающих туда попасть не шибко много.

В целом, впечатление от пребывания в государстве эзков остается удручающим. Народ живет тут впроголодь. Кормят так: на первое – вода и капуста. На второе – капуста без воды, на третье – вода без капусты. Ноги не протянешь, но через месяц-два после такой кормежки в глазах появляется голодный блеск, как у человека, который вечно занят мыслями о еде.

И вот тогда-то поневоле вспомнишь старые жиганские куплеты.

*Из-за тебя попал я в слабосилку.
Все оттого, что ты не шлешь мне посылку.
Я не прошу того, что пожирней,
Пришли хотя бы черных сухарей.*

*Зайди к соседу к нашему, к Егорке.
Он мне по воле должен пять рублей.
На два рубля купи ты мне махорки,
На остальные – черных сухарей.*

Во все времена кормили эзков невесть как, и теперь не многим лучше. Дух сталинских лагерей не выветрился из этих стен по сию пору.

В общем, я бы не рекомендовал туристам прокладывать маршрут через страну эзков. Экзотики там мало, а горя помыкать и лиха хлебнуть придется не понарошку. Но я почему-то думаю, что государство эзков когда-нибудь уйдет в небытие, как государства инков или майя. Ну а пока... Пока, гоп-стоп: станция Петушки – выворачивай мешки.

Рома Белоногин передач не ждет. Сам перебивается, как может. Дома без него хватает ртов.

На свободе Рома погулял неделю и получил пять лет. Буфет на вокзале обворовал.

Но Рома не раскаивается.

– Я воровал, чтобы с голоду не сдохнуть, меня Бог простит. А они, что делают? – Рома не находит слов.

У него на полицейских горит зуб. Они отняли у него деньги при аресте, и в дежурной части Рома поднял шум.

– Начальник, вы рамсы попутали! У меня было тридцать лат, а в протоколе написали три. Ошибка вышла!

В свои 20 лет Рома похож на подростка.

– Никакая ашипка нет, – неприязненно сказал дежурный капитан, латыш по национальности.

А сержант-верзила не дал рта открыть.

– Ты че, неграмотный? Три пишем, ноль держим в уме! Давай не гоношись, подписывай, а то сделаем с тобой, что Бог с черепахой.

Рома протокол не подписал. Ему нутро отбили, инвалидом сделали, и теперь на зоне дважды в день он ходит, скособочившись, в санчасть. Но дух, однако, из него не выбили, и за себя он может постоять.

* * *

У цыгана Богдановича срок четыре года. Как с куста. Получил он этот срок за то, что залез в пустой гараж.

Даже не поживился, а так только – зря время потерял.

Богданович убит горем.

– Ни за хер сижу...

Канючит каждый день с утра до вечера. Все уши прожужжал. И скорбный вид у Богдановича с лица не сходит.

Узник Тимка

Подъем на зоне в 7 часов, но я встаю задолго до подъема.

В семь утра я уже на спортплощадке. Походить по мягкой травке босиком – неизъяснимое блаженство. Это начинаешь понимать после тюрьмы, где можно годы-годы провести и не увидеть ни одной травинки.

А я, признаться, по уши влюблен в природу, хотя какая, к лешему, в колонии природа – так, камень бел-горючий да плакун-трава. Но я, конечно, рад тому, что есть.

На спортивный пяточок меня сопровождает озорной котенок Тимка. Мы с ним неразлучные друзья.

Прежний хозяин отказался от него, а я приютил, чтобы сердце исподволь не каменело.

Занимаюсь на дворовой спортплощадке полчаса; от меня не отстает и Тимка. Делает какие-то кульбиты, выписывает кренделя, карабкается по снарядам, по шведской лестнице и деревянным брускам. Иногда срывается и повисает, и тогда приходится его спасать, снимать оттуда, чтобы он, неугомонный, снова всюду лез.

Хлопотно, конечно, с ним. Морока. Нужен глаз да глаз, но живем мы душа в душу.

Помните незамысловатую песенку беспризорников из кинофильма «Республика ШКИД».

*У кошки четыре ноги,
Позади у нее длинный хвост,
Но трогать ее не моги, не моги
За ее малый рост, малый рост.*

Удивительные пацаны, мальчишки уличные, сами ласки в жизни, почитай, не видели, а понимали, что иным до гроба невдомек.

Присмотритесь к братьям нашим меньшим. Они очень разные, похожие на нас. У каждого из них своя душа, своя судьба и свой характер.

Кошки и собаки стерегут наш дом, но не столько от воров или мышей, сколько от враждебного воздействия потусторонних сил, которые незримо существуют вокруг нас, но о которых мы пока что мало знаем.

...После занятий, по пояс голый, я люблю поваляться в скудном разнотравье, возле спортплощадки. Благо, на дворе июнь.

Лягу на землю, притулюсь к ней грудью, уткнувшись лицом в траву и вижу, как бежит, торопится куда-то по делам проворный муравей, медленно и вперевалку пробирается степенно неуклюжий жук. Им-то, поди, трава-мурава кажется дремучим лесом, может быть, непроходимым даже. И почему-то сразу я добрею, ощущаю себя исполином – горы своротить могу; чувствую, что и на мне лежит ответственность за этот бесконечный хрупкий мир.

Тимка, утомившись, греется на солнце – выгнулся дугой, но глаз с меня не сводит.

Я протягиваю руку и срываю «воздушный» шар одуванчика. И Тимка – непоседа – тут как тут. Потянулся носиком навстречу. Весь он как натянутая тетива, непорочные глаза его смотрят осмысленно и ясно, но сам он держится сторожко: мало ли чего.

Медленно подношу одуванчик к губам и внезапно резко дую на него. Тимка припадает, прижимается к земле, но поздно: пушистые «снежинки» одуванчика густо облепливают черную мордашку, и тотчас, как ужаленный, шарахается Тимка в сторону, мотает что есть мочи головой и ловко помогает лапкой, норовит ретиво отряхнуться.

Белый пух легко и быстро улетучивается, тает прямо на глазах.

– Ну чего ты испугался боягуз, бояка? – Я укоряю слегка Тимку и смеюсь отвыкшими от смеха, словно бы заиндевелыми губами.

И Тимка скоро снова крутится возле меня. Он долго зла не держит.

А мимо зоны мчатся поезда. Товарные и пассажирские. По ним можно было бы сверять часы, да только здесь другое измерение и счет другой.

Напаскудил в жизни, наследил, и теперь идет по следу, жжет стыдом навязчивая, несговорчивая память. Нет забвения.

Не могу забыть котенка, которого убил подростком. Целый век казнюсь. Нет больше сил.

В тюрьме даже вызывал священника, думал исповедаться. С трудом добился. Пригласили, но посадили рядом надзирателя. Он сел в углу на табуретку и сидел как истукан, глазами хлопал. Сам, наверно, был не рад. Понимал, что лишний.

И я не исповедался, тяготясь присутствием чужого человека, а теперь грехи, как сор, из дома выношу.

На земле мы не живем, а в своем дерьме барахтаемся и однажды, думаю, что скоро, – захлебнемся.

Дубрик

У Гены Дубровенко точно шило в одном месте. Он минуты не сидит спокойно.

И язык у Гены без костей, он так и сыплет прибаутками.

– Ешь сало и чеснок, не заметишь, как кончится срок...

– Мы кто чего, лишь бы не делать ничего...

– Лучше летом у костра, чем зимой на солнце...

Дубрик – балагур, но человек отважный. Роста среднего, нос перебит, весь в шрамах, на лице живого места не найти, но ходит – грудь вперед и от него исходит сила.

На зоне слыл он не последним человеком. Этого не отрицал никто, и многие старались заручиться его дружбой.

Дубрик подношения по-свойски принимал и надсадно хохотал:

– Лучше черный хлеб на воле, чем сыр и колбаса в неволе, – правильно, братан?

Ему отдавали с легким сердцем.

Поздняя осень. Предзимье. Смеркаться начинает рано. Над предзонником гирлянда фонарей зажигается уже в начале пятого.

Вся зона по периметру обнесена огнями. Они напоминают красные флажки, за которые ступить нельзя – под страхом смерти.

Затяжные вечера ээки коротают в разговорах. Время не так долго тянется. Ээки любят рассказывать байки. Были и небылицы.

Я иногда записываю, чтобы не было потом отсебятины.

За что купил, за то продаю.

Бродяга

– Слышь, ты, я тебе говорю, человек так устроен. Комфорт и цивилизация портят его и делают слабым. У нас в Латвии жить можно. Санчасть на санчасть похожа: рентген тебе, терапевт, даже зубной врач на постой имеется. Поэтому и зубы у вас болят. А я не знаю, что это такое. У меня зубы не болели никогда; сгнили, выпали, но не болели.

Гунча если заведется, то его не остановишь. Поэтому лучше выслушать до конца.

– Это мы сейчас независимыми стали, дальше Даугавпилса не пошлют. А раньше на Урал этапы гнали. Ээки – народ кочевой. Как все дороги вели в Рим, так все этапы – на Урал или на Север.

Слышь ты, я шесть лет в Пермской области бомбил. В 1983 году нарушителей собрали по латвийским зонам и отправили туда. Помню, как приехали мы в Соликамск. Конвой в «столыпине» встречал нас так: «Железная дорога здесь кончается, и, значит, советская власть кончается. Здесь закон – тайга». Потом загнали в камеру, она, слышь ты, рассчитана на 20 человек, а нас туда загнали 45. Там вдоль стены идут в два яруса сплошные нары, и только мы расположились кое-как, дверь откоцывается, и мент кричит: «Мужики, надо потесниться, пополнение прибыло». Мы галдеж подняли в сорок глоток, там, в натуре, негде яблоку упасть, а мент паскудно говорит: «А, ну извините, мужики, мы не знали, что у вас тут тесно».

Уходит, минут через десять дверь опять раскоцывается, и запускают в камеру здоровую овчарку – без намордника, без ничего. Она кидается на нас, мы от нее попрыгали на нары. Мент опять заходит, погулял по камере и удивленно говорит: «А кричали, места нету, ну вы и жлобы». И еще к нам тридцать человек кидают.

Слышь ты, мы так целый месяц просидели, пока покупатели не нашлись, они нас разбирали, как рабовладельцы.

Я попал в Ныробский район, поселок Чусовской, лагерек там небольшой, триста душ нас было. Лес валили, заготовливали и складывали штабелями на берегу реки.

Санчасть у нас была, но одно название. Две медсестры работали. Тугоголовые, я таких не видел. Врач на вертолете прилетал один раз в месяц, терапевт или хирург, а про зубного мы забыли, что такой есть. Слышь ты, у меня там зубы сгнили, но я не знаю, что такое боль. А знаешь, почему? Надо, когда моешься, сначала руки вытирать. Обычно сперва рожу вытирают, а надо с рук начинать. Вытри руки насухо и потом ладони через полотенце разотри, и ты забудешь про зубную боль, я тебе это точно говорю...

Гунча шел на спор и горячился, но никто не ставил под сомнение его слова.

Основной инстинкт

Каленему давно перевалило за 60. Из них сорок с гаком он провёл в местах не столь отдаленных, и случалось, отбывал срок там, куда Макар телят не гонял.

По внешности, однако, худого про него не скажешь ничего. Вполне благообразный старик.

Но это до тех пор, покуда он молчит, а как откроет рот – пиши пропало. Дело в том, что лагерных различных извращений он насмотрелся на своем веку до умопомрачения и теперь все разговоры у него об этом.

– Петухов и раньше было много, но тогда людей не опускали без разбора, как сейчас. Запаршмачат будто в шутку, а человеку жизнь сломали. Раньше опускали за косяк. За карты, например. Проиграл – плати, а фуфло двинул, не отдал долг карточный, будь добрый, жопу подворачивай. Да. И пожаловаться было некому, хозяин никого не принимал. Никто тебя не сильничал, сам сел играть, думал, значит, поживиться, вот и нажился на свою жопу. Да. Кого винить?

Петухов всегда хватало. А были и такие, кого пользовали как петуха, но петухом он не считался и в почете жил. Был у блатного вроде как жены. Пока не надоест или на блюде не поймают. Тогда идет по рукам. Да. Ты приходи ко мне за баню, я тебя отбарабаню. Но на зоне это дело от нужды, простительно, куда деваться? Человек сидит 15 лет где-нибудь в глубинке, там не то что баб – людей не видишь никаких, кругом одни менты. Тут хоть на кого полезешь... Но раньше было весело. И время быстро шло. Когда у тебя срок двадцать пять лет, то о конце срока не думаешь, живешь одним днем, и время летит быстро. Да. В натуре, приходи ко мне на встречу, я тебя отгомосечу.

И так все разговоры у Каленого сводились к одному. И даже если начинал за здоровье, то все равно кончал за упокой.

– Мы – терпигорцы, наше дело – знай себе, терпи. В пятидесятых годах одно время хозрасчет на зонах был. До хозрасчета на жратву работали, за пайку, но денег никогда не начисляли. А тут прямо на руки стали давать. И несколько лет так было. За живые деньги в магазин ходили. Да.

Потом реформа была денежная. В 1961 году. А до этого еще в 1947 году была. И деньги с каждым разом становились меньше, а то до 47 года, помню, сотня была, как портянка, прямо хоть бери и на ногу наматывай. Да.

А когда зэкам деньги стали на руки давать, то всем была лафа. У нас отрядником был Лютченко, так он привез жену с Кубани, устроил в зоне на работу и как проституткой торговал, сам деньги собирал и стоял на стреме. Да. Зэки табуном ходили, потом жена сбежала от него.

Об отряднике Каленый вспоминал с теплом, а из зоны больше не освободился. Этот срок стал для него последним. Он не дотянул четыре месяца и умер то ли от болезни почек, то ли печени. Но в тюремной больничке, говорят, он до последнего старался ущипнуть, как будто невзначай, пожилую медсестру за мягкое.

(Продолжение следует.)

Михаил Бурляш

Русалка

Русалка появилась в столовке всего пару месяцев назад, но уже стала местной достопримечательностью. Она встречала всех входящих загадочной улыбкой на большеглазом деревянном лице, выражение которого говорило «знаю-знаю, я всё про вас знаю». Руки, хвост и чешуя были мастерски вырезаны из обычной липы, а волосы были слегка подкрашены зеленкой. Однако лучше всего «скульптору» удалось округлости и выпуклости. От постоянных прикосновений сотен скучающих рук русалочки грудь и бедра блестили словно протертые полиролем.

Автор Русалки – Толик Деревянный – был известен всей зоне благодаря своим золотым рукам. В колонии у него неожиданно открылся талант – умение работать с деревом. С его появлением столовка в ИК начала украшаться невероятными резными фигурами – были тут и улыбочивые подсолнухи, и бегущий олень, и почти живые, переплетающиеся змеи, и пиратский фрегат в полстены, и вот теперь девушка с рыбьим хвостом, особо полюбившаяся «контингенту».

Толику было слегка за двадцать, в колонии он был уже два года, а до этого провел год в СИЗО. Посадили его за пьяную драку в кафе, в которой он убил армянина. Из-за чего завязалась потасовка, никто не знал, да особо и не интересовался – у каждого здесь были свои истории и свои скелеты в шкафу. Единственный, кому удалось разговаривать Деревянного, был Марат Бочка – столовский завхоз, который неофициально ведал всеми харчами. Именно их приятельство и положило начало превращению столовки в «зоновский лувр», как теперь с иронией называли местный общепит опера. Именно Марат, привечая и подкармливая народного умельца, вытянул из Деревянного его грустную и по-своему типичную историю.

Вот и сегодня они сидели на заднем дворе, смолили «трофейные» сигареты и неспешно трепались о том о сем. Незаметно разговор свернул к теме слабого пола, столь любимой в чисто мужском обществе.

– Как там твоя Настя? Написала тебе хоть раз? – поинтересовался Марат, лукаво поблескивая карим глазом из-под нависающих густых бровей.

– Шутишь? – усмехнулся Деревянный. – Небось и забыла уже, что я такой есть на белом свете.

– А ничего, что ты из-за нее человека грохнул? – развил тему Бочка.

– Дак я ж не жизнь ей спасал. Кавалера лишил выгодного... Хотя и не хотел, чтоб так вышло...

– Дружище, да ты никак защищаешь ее? И это после того, как она тебе в душу плюнула?

Марат осуждающе покачал косматой головой.

Деревянный пожал плечами и надолго замолчал, прокручивая в голове кинофильм про свою недолгую жизнь. С восемнадцати лет встречался с девчонкой из своего поселка, любил ее без памяти, летом чуть не каждое утро букеты ей в распахнутое окно подбрасывал... Красивая, ладная, голубоглазая, с гладким горячим телом – как у отполированной руками эзков деревянной русалки... В девятнадцать Толика в армию забрали, в зенитные войска. Мать рыдала и уговаривала батю «выкупить у Родины» единственного сыночка, но тот, насупив брови, твердил как заведенный: «Пусть служит, мужиком хоть станет». Все так и получилось, с усмешкой думал Толик. Стал «мужиком» – только не в армии, а на зоне...

За батю стоило сказать отдельно. Сколько Толик себя помнил, отец был одержим идеей разбогатеть. Раньше ему это не особо удавалось, но последние несколько лет дела шли в гору – батек устроился на мясокомбинат заготовителем скота и не прогадал. Ездил с помощником по окрестным селам и деревням и сбивал цену сельчанам на коров и свиней, на вольных травках взрощенных, собственными ручками вскормленных. Сначала осторожно, потом все смелее и наглее обводил вокруг пальца хозяев закупаемого скота и из каждой поездки привозил пачки денег, которые сразу обменивал на доллары и припрятывал. В семейный котел попадали крохи, практически весь навар шел в кубышку.

Так и жили до призыва. Толик работал на том же мясокомбинате грузчиком, и все деньги тратил на ненаглядную Настю. Мать зарабатывала шитьем. Отец вечно пропадал в командировках, а когда бывал дома – лежал на своей кровати и мысленно подсчитывал сбережения.

Служил Толик спокойно, даже, можно сказать, весело – ребята подобрались как по заказу: добродушные увальни, обошлось без дедовщины. Но дослужить спокойно не удалось. Когда до дембеля оставалось чуть больше двух месяцев, от матери пришло письмо, в котором среди прочих новостей она сообщала, что Настя его уже месяц как не заходит и вообще спуталась с каким-то кавказцем. Толик психовал и не находил себе места. В последнее время Настя действительно звонила все реже, а эзэмэски от нее становились все суше и короче. В последний месяц службы он не получил ни одной, а ее номер перестал отвечать.

Домой Толик ехал с тяжелым сердцем. Узнать, где найти Настю, не составило особого труда. Кафе «Арагви» на окраине райцентра считалось в поселке чем-то вроде средоточия разврата и в то же время местом встречи местного полусветского общества.

В день своего приезда домой, заняв у матери денег и надев купленные ею же костюм и новую рубашку, Толик взял такси и поехал в «Арагви». Добираться в «средоточие разврата» на маршрутке ему показалось как-то не комильфо.

«Арагви» встретило Толика запахами дыма, ткемали и подгоревшего мяса. Заняв позицию за столиком в углу, мрачный дембель заказал «стописят» водки с шашлыком и приготовился к наблюдению. Впрочем, долго ждать не пришлось – где-то через час в кафе ввалилась веселая компания, в которой и была его Настя. В коротком белом платье, в красных туфлях на шпильке, с платинового цвета каре и ярко окрашенными губами она казалась дешевой пародией на Мэрилин Монро. «Ну вот, еще и волосы остригла», – подумал Толик, и это почему-то показалось ему самым обидным. Он схватил проходящую мимо официантку за край передника и попросил повторить водку.

За столиком с Настей сидела еще одна девчушка, похожая на нее как сестра, и два солидных армянина, заметно старше своих спутниц. Один из них с хозяйским видом лапал Настю, а та громко смеялась, закидывая голову назад и широко раскрывая рот. Толик наблюдал за картиной чужого веселья с растущим возмущением. Его раздирали противоречивые чувства. Подойти и ударить армяна в глаз? Вылить на изменницу графин с соком? Крикнуть через весь зал «шлюха!» и гордо уйти? Он не знал, что ему делать, и потому сидел и пил водку.

И тут начались танцы...

– Ну, ты чего пригорюнился, Деревянный? – раздался откуда-то сверху зычный голос.

Толик вздрогнул. Прямо над ним возвышался Марат Бочка и смотрел на него грустным понимающим взглядом.

– Не кисни, дружище. Жизнь продолжается, – сказал он без особой, впрочем, задушевности. – Вон, из воспитательного отдела просили, чтобы ты им герб ФСИН вырезал. Обещали тебе пару поощрений за него сгношить. Ты обмозгуй пока, а я пойду выдам поварам продуктовку к ужину.

Бочка ушел походкой бывалого морского волка, слегка покачиваясь на коротких крепких ногах. А Толик, оставшись один, снова перебежал с залитого солнцем столовского двора в задымленный шумный зал «Арагви».

Танцы стали для Толика ударом ниже пояса. Настя прижималась к своему кавалеру и крутила бедрами так, что короткое белое платье то и дело задиралось. Мужчина то что-то искал у нее на спине ладонью, то хватал за ягодицы. У Толика невыносимо першило в горле. Бросив на скатерть материны деньги, он поднялся и пошел к выходу. Так бы и ушел, но подвело предательское желание оглянуться. Такое невыносимое, что он остановился и оглянулся, поймав случайный Настин взгляд. В этом взгляде отразилось все – все, чего он ждал и чего не ждал. И радость узнавания, и испуг, и раздражение, и даже какая-то вызывающая гордость – мол, смотри, какая я стала и как меня хотят! Этот взгляд развернул Толика на 180 градусов и направил обратно к столу, где лежали остатки его недоеденного шашлыка.

Не отдавая себе отчета, Толик взял с шашлычной тарелки сочный печеный помидор и что было сил запустил в бесстыжую фигурку в белом платье, вызывающе мельтешащую в лучах цветомузыки. Помидор смачно шлепнул предательницу по спине, оставив на белой ткани мокрое красное пятно, похожее на кровь.

От неожиданности Настя вскрикнула и непроизвольно оттолкнула от себя партнера. Тот оглянулся и обвел глазами зал, мгновенно наткнувшись взглядом на окаменевшую фигуру в новом костюмчике. Толик в упор смотрел на испачканную помидором Настю и ее взбешенного любовника, и они казались ему героями какой-то дешевой киношной мелодрамы. Воздух вокруг него сгустился, все внезапно замедлилось, и даже зажигательная восточная музыка зазвучала тягуче и душераздирающе, как похоронный марш.

А через секунду началась драка. Толик помнил лишь обрывки. Били его, бил он, музыка все играла и играла, визжали женщины... А потом кто-то принес с кухни большой нож для резки мяса и зачем-то вложил его в руку Настиного хахала. Разгоряченный дракой, тот взмахнул ножом, разрезал Толику рукав и больно обжег руку. Толик скинул оцепенение и, словно зверь, почуявший запах крови, завыл во

весь голос. Растолкав противников, он схватил стул, размахнулся и со всей дури шибанул армянина по голове. Тот отлетел к стене, стукнулся об нее головой, обмяк и упал. Через два дня он умер в реанимации.

Толик тяжело вздохнул. Эх, если бы не этот нож! И кто только его принес?!

Вот так прямо из армии Толик попал в СИЗО. Пару раз к нему на свидания приходила мать. Жаловалась, что батя не дает денег, чтобы «откупить» сына. Вроде как пострадавшая сторона пробашляла следователя, чтобы нож из дела исчез – мол, Толик не защищался, а только нападал. И вообще, его никто не бил – дрался только он. Толик не верил, но к суду в материалах дела почему-то действительно никакого ножа не оказалось. В итоге дали на полную катушку – 11 лет..

Отец на суд не пришел. Мать снова плакала, обещала, что найдет батину «заначку», в которой уже не меньше двадцати тысяч «зеленых», и подмажет «где надо», чтобы дело пересмотрели. Толик поверил, написал апелляцию, но ему отказали. «Не нашла мать заначку», – подумал он тогда с каким-то горьким безразличием и доверился судьбе.

Какое-то время обживался в ИК, потом надеялся, что отец смягчится и распечатает-таки свою кубышку ради единственного сына. Тем более что мать его постоянно пилила по этому поводу. Но в ответ слышала только одно: «сам виноват» да «посидит – умнее станет». А полгода назад и эта надежда рухнула – умер батя.

Подвело сердце. Оказалось, что все сбережения свои долларové батя в матрас прятал. Пачку за пачкой, ряд за рядом заполнял матрас американской валютой, выкрученной при обчете сельского населения. Матери и невдомек было, где искать надо. Год за годом собирал свое состояние батя, отвечая на все ее денежные просьбы отказом. А тут под Новый год решил, видимо, пересчитать свое богатство, распорол матрас, а вместо долларов из него бумажная труха посыпалась – крысы все деньги съели. Только последняя пачка и осталась – пять бумажек по сто долларов. Схватился старик за сердце и сполз на пол... Там его мать и нашла – на полу у кровати, рядом с распоротым матрасом и трухой. На пятьсот долларов и похоронила.

В свете грядущих восьми лет отсидки загрустил Толик. Но потом взял в руки самодельный нож-резак и начал веточки бесхозные по зоне подбирать. Раз его с этим резаком застукали, но как увидели, какую он красоту делает – выбили у начальника ИК разрешение на работы по дереву, местечко в мастерских слесарных выделили и даже инструментом при оказии снабдили. С тех пор превратился он из То-

лика в «Деревянного», с утра до вечера просиживал в своем кильдимчике, все что-то стругал, выпиливал, резал и ваял.

А однажды Бочка ему кусок бревна откуда-то притащил. Из него-то и появилась знаменитая Русалка, полюбившаяся всей зоне как родная. Как пошучивал Марат, «умелые руки из любого бревна горячую бабу сделают». Вспомнив эту присказку, Деревянный улыбнулся, скинул грусть, как упавший на голову случайный листок, и пошел искать подходящую плашку, чтобы сделать герб для воспитательного отдела.

Два поощрения на дороге не валялись.

Борис Пантелеев

Галлюцинации совести, или О странной реакции Системы при выявлении в ней нарушений

За многие годы правозащитной деятельности нередко встречал (и продолжаю встречать) какие-то... странности, что ли, Системы¹. Например, пока мы привозим в колонии и СИЗО гуманитарную помощь (пасхальные куличи, яблоки на Яблочный Спас, вентиляторы, книги, юридическую литературу, хозтовары и многое другое), пока организуем футбольные матчи, концерты, встречи со священниками, мы, даже как правозащитники, весьма и весьма желанны этой самой Системе. Нас могут пропускать на территорию без особых церемоний и протоколов. Но, когда мы приходим в тюремное учреждение не как благотворители, но как правозащитники, отношение к нам уже чуть менее доброжелательное, хотя тоже неплохое². Особенно когда тюремное ведомство мы хвалим, а, придерживаясь принципа максимальной объективности, есть за что и похвалить порой, или уходим, оставив запись в журнале посещений членами ОНК СПб.: «Жалоб не поступило. Нарушений не выявлено» (такое бывает редко, но бывает).

Однако, как только мы замечаем нарушения и начинаем про них планомерно, невзирая на чины и звания, писать, публиковать, подавать жалобы в вышестоящие инстанции, заявления в суд, тут же мы становимся некими персонами нон-грата. Нас начинают, например, досматривать на КПП. Накатывают на того или иного гражданина начальника периодически такие волнушки бдительности. И по странному совпадению после очередной нашей жалобы нас начинают досматривать, ничего и не пытаясь обнаружить. Заранее зная, что у нас ничего запрещенного при прохождении на территорию учреждений

¹ Уголовно-исполнительная.

² Все изложенное является оценочным суждением.

нет и не бывало. Это, наверное, чтобы показать нам, кто в доме хозяин. Я точно не припомню случая, чтобы у членов ОНК СПб. или Ленобласти обнаружили хоть раз что-то запрещенное.

Уж вообще молчу про то, что подобная бдительность нападает на тюремного работника, который знает, что нарушает требования своего же ведомства – Методические рекомендации по работе с ОНК.

Кстати, о тех самых рекомендациях. По ним любое письмо, заявление, жалобу, адресованные членам ОНК, мы имеем право забрать под роспись. Увы, есть в ИК-6 (Обухово) сотрудники Жердев и Бубнов³, полагающие, наверное, что рекомендация начальства⁴ им не указ. И решили они настоять на том, чтобы жалобы, к нам поступившие от осужденных, содержащихся в безопасном месте ИК-6 и протестующих против незаконных действий одного из сотрудников этой колонии, мы передали сотрудникам, а после регистрации эти жалобы будут отосланы по указанному нами адресу. Однако нам сообщили, что в канцелярии учреждения уже никого нет (несмотря на то, что до конца рабочего дня было полтора часа) и регистрировать некому. Мы поверили. Объяснения, переданные нам осужденными, мы запечатали в конверты, заклеили прозрачным скотчем (чтобы вскрыть не могли), зафиксировали в журнале учета посещений и сам факт поступивших к нам жалоб, и их количество, и адрес, по которому просим направить после регистрации.

Наивные мы. Конверты сотрудники отправили, но совсем по другому адресу, чем тот, что мы указали в журнале. То ли читать эти отправители не умеют, то ли галлюцинации у кого-то из исполнителей начались. То ли у них давно уже галлюцинации с совестью, но об этом ниже. Зато спустя какое-то время получил я ответ за подписью начальника УФСИН по СПб. и ЛО, в котором говорилось, что, оказывается, к нам никто из осужденных и не обращался. Странно это все. Запись в журнале о передаче полутора десятков конвертов есть, записи видеорегистратора сопровождающего сотрудника, запечатлевшая множественные обращения к нам, тоже есть, а обращений, оказывается, нет.

А в колонии № 7 («Яблоневка») во время недавнего посещения, после того как мы получили два запечатанных конверта от осужденных и данный факт зафиксировали в журнале учета посещений чле-

³ Некоторые инициалы изменены.

⁴ «...В ходе посещения члены ОНК принимают обращения, заявления, жалобы... рекомендуется запечатывать... в заранее принесенный конверт... *если обращение в адрес ОНК, то член комиссии под роспись забирает его с собой...*» УСПВРО ФСИН России.

нами ОНК, начальник колонии В.П. Бычков потребовал, чтобы эти конверты мы сдали ему, а он их зарегистрирует в канцелярии и в понедельник (мы посетили ИК-7 в субботу) нам лично эти конверты отдаст. Я не стал ссылаться на печальный опыт «взаимодействия» с его коллегами из ИК-6, но попытался зачитать Виктору Петровичу строчки из документа, который он, по-моему разумению, должен помнить, – те самые Методические рекомендации по работе с ОНК о которых упоминал выше (запечатываем, расписываемся, забираем с собой). Однако Виктор Петрович пришел в такое сильное возбуждение, что и слушать ничего не хотел, стал разговаривать со мной на повышенных тонах, обращаться ко мне на «Ты!», хлопать журналом по столу. Хотя речь шла о выполнении нами тех самых рекомендаций. Рекомендаций его начальства.

Кроме того, литературу, официально напечатанную на территории России на деньги президентского гранта, вдруг запрещают передавать заключенным лично – только через администрацию. Ну и пожалуйста, мы люди законопослушные, стали передавать через администрацию, как просила нас об этом помощник по правам человека начальника УФСИН СПб. и ЛО Елена Валерьевна Кузнецова.

Приходим с очередным посещением недели через две и с удивлением узнаем, что до сих пор никто литературу адресатам не передал и, судя по всему, передавать не собирается. Так было, например, с сотрудником СИЗО-1, нас сопровождавшим, – Эдуардом Александровичем. Вручили мы ему при работающем видеорегистраторе кондуит «Настольная книга заключенных и их родственников». Эдуард Александрович твердо заверил нас, что книгу передадут заключенному, который давно ее ждал. Увы, обещание свое он не сдержал. Так же и в отношении совершенно «пустяшного» вопроса (хотя в тюрьме мелочей не бывает – в ней вся жизнь из мелочей состоит) – передача моельного коврика и Корана во время священного праздника Рамадан заключенному Мурмухамедову, содержащемуся в карцере. И упоминавшийся выше Эдуард Александрович, и врио начальника учреждения СИЗО-1 В.А. Миселев дважды заверяли нас: все передадим, тут нет проблем. Но дважды убеждались мы в том, что слово свое эти офицеры не сдержали. По странным совпадениям (к которым еще вернусь ниже) слово свое сотрудники не держат в отношении тех, кто имеет нахальство жаловаться на администрацию. А потом умные головы в Москве недоумевают: почему же эту систему в народе так недолюбливают?!

Уж не знаю, в чем тут дело. То ли в том, что инструкция и приказ начальства для почти любого сотрудника важнее любого федераль-

ного закона или данного слова, то ли в полнейшем пренебрежении законом в угоду ведомственным интересам.

Что уж говорить про документ, который я имел неосторожность полгода тому назад передать в учреждение не через канцелярию СИЗО, а отправить по факсу, находящемуся в соседнем с канцелярией кабинете. Сотрудница (Ирина Ивановна, кажется) клятвенно заверила меня, что все передала начальству. Даже регистрационный номер мне сообщала. Однако бумагу эту найти никак не могут. Во всяком случае, ответа на это мое обращение я до сих пор (прошло полгода) не получил. Между тем запрос был важный. Я просил сообщить подробности по устному заявлению одного из заключенных, находящегося на момент нашего посещения в психиатрическом отделении СИЗО-1, о том, что его приковывают наручниками к кровати...

А еще некоторые горе-работники взяли дурную привычку отвечать мне на мои заявления, обращения, НЕ ссылаясь на исходящий номер того или иного моего запроса (хотя ссылка-просьба об этом есть в каждом моем бланке). Мол, Борис Еремеевич, в отношении вас мы можем даже собственные правила делопроизводства не выполнять.

Вот смотришь порой на какого-нибудь высокопоставленного начальника тюремного. Вроде бы правильно говорит, а жизнь-то другое подсказывает. Руководитель одной из медсанчасти региональной в приватной беседе года два тому назад заплакал мне в жилетку, мол, нам от 100% медикаментов Москва выделяет всего лишь 22. И мы, добавил он, не самый худший регион – другим выделяется 18%. Прошла буквально пара месяцев, и на одном из публичных мероприятий этот же офицер заявил с высокой трибуны: в нашем регионе с обеспечением медпрепаратами и медикаментами учреждений Системы настолько все хорошо, что мы иногда даже гражданским больницам помогаем... А мы по-прежнему (как и ранее) во время посещения слышим жалобы от заключенных на нехватку лекарств. И кому мы должны верить – раздвоенному сознанию некоторых руководителей или тем, ради кого мы посещаем места принудительного содержания?

А еще новую фишку придумали некоторые сотрудники – держать членов ОНК Санкт-Петербурга на КПП довольно долгое время. Мол, нет у нас людей, чтобы вас сопровождать. Мол, ждите, пока не освободится кто-нибудь. При этом время ожидания все увеличивается. Вначале, два месяца назад, это было 40 минут ожидания на КПП ФКУ СИЗО-1. Мы отреагировали скромно – сделали запись в журнале посещения членами ОНК СПб. А вот несколько дней тому назад в этом же учреждении нам не смогли найти сопровождающего уже в течение полуто-

ра часов! Ну можно, конечно, сказать, что так совпало. Но мой опыт правозащитника не позволяет мне верить в такие совпадения – ранее таких накладок не было, а теперь не могут найти ни сопровождающего, ни заключенного, которого перевели в другую камеру (о Казире Тахметовиче я писал – <http://gulagu.net/profile/102/blog/5792.html>), да и другие странности начинаются после того, как мы выявляем нарушения в Системе и фиксируем их соответствующим образом. Кстати, в эти совпадения не поверил даже сотрудник полиции, который был вызван нами на КПП СИЗО-1 по факту нарушения, предусмотренного ст. 19. 32 КоАП РФ.

Ну и фирменный конек – распространение сотрудниками сплетен и интриг среди заключенных в отношении тех, кто сотрудников критикует. Порою просто диву даешься – кем меня только не называли и во что только не вписывали. Я и многоженец, но при этом почему-то педофил. Я и деньги у заключенных вымогаю и так успешно вымогаю, что на новеньком «мерседесе» разъезжаю. Я ни черта не делаю как член ОНК, при этом дестабилизирую работу учреждений, хотя (очередная глупость кое-кого в погонах) являюсь сотрудником ФСБ к тому ж.

Не знаю, что это: может быть, профессиональное выгорание сотрудников, о котором сами надзиратели говорят порой, может, душевная черствость и лукавство изначальные. Посмотрим и будем надеяться на то, что здравый смысл, на который ссылаются многие сотрудники, возобладает над вышеописанными странностями.

Александр Сидоров

О чем поведал труп убитого

Блатная песня в русской истории и культуре

Налетчик

*В Валиховском переулке –
Там убитого нашли.
Он был в кожаной тужурке,
Восемь ран на груди...*

*На столе лежит покойник,
Ярко свечи горят.
Это был убит налетчик,
За него отомстят...*

*Не прошло и недели,
Слухи-толки пошли:
В Валиховском переулке
Двух лягавых нашли...*

*Забодали¹ тужурку,
Забодали штаны
И купили самогонку
На помин их души...*

«Интервенция» одесского блата

Начнем, пожалуй, не с песни, а с кино. В 1966 году отечественный кинозритель с восторгом принял фильм «Республика ШКИД», экранизацию режиссера Геннадия Полоки одноименной детской повести

¹ Забодать – продать (жарг., устар.).

Григория Белых и Леонида Пантелеева о жизни бывших беспризорников в школе имени Достоевского (книга вышла в 1927 году). На волне успеха кинокартины руководство кинокомпании «Ленфильм» в январе 1967 года поручило тому же Полоке снять еще одну экранизацию – на сей раз трагикомической пьесы Льва Славина «Интервенция». Фильм посвящался 50-летию Великой Октябрьской революции и рассказывал об одесском подполье времен Гражданской войны и оккупации Одессы войсками Антанты.

Но уж очень необычно рассказывал. Как говорится, чисто по-одесски, с гротесковым юмором. Что неудивительно, поскольку Славин принадлежал к так называемой «одесской литературной школе» – Ильф и Петров, Катаев, Олеша, Бабель... «Одесский дух» обеспечил «Интервенции» триумфальную славу буквально с премьерного показа в 1933 году. Но вот что пишет критик Елена Каракина:

«Пьеса очень сценична. В ней масса выигрышных ролей. Ее очень любили режиссеры. И тем не менее какой-то злой рок преследовал ее. От раза к разу постановки “Интервенции”, в том числе и одесские, появлялись, шли с аншлагами и очень быстро прикрывались начальством.

Казалось бы, Славин написал пьесу о том, как умные, благородные, самоотверженные большевики наставляют на путь истинный французских солдат и матросов. Да здравствует победа социалистической революции!.. Но уж вышло так, что в пьесе слишком много Одессы... Такая пьеса не нужна была выхолощенной советской драматургии. Конечно, ее нельзя было не снимать с театральных репертуаров».

Сайт «Одесса на Гудзоне» добавляет:

«Благодаря славинской пьесе “Интервенция” роскошный одесский говор впервые разошелся по всей России, одесский акцент одно время был моден в пижонской и прибалтненной среде».

Вот такую «советско-несоветскую» пьесу поручили экранизировать режиссеру Полоке к полувековому юбилею революции.

Стоит ли удивляться, что картину «Величие и падение дома Ксидиас» (под таким названием режиссер сдавал экранизацию худсовету киностудии «Ленфильм») «зарезали» во всех инстанциях и не пустили на экраны страны? На сей счет вышел даже секретный циркуляр се-

кретаря ЦК КПСС Петра Ниловича Демичева. А председатель Госкино Алексей Романов в ноябре 1968 года заявил, что киностудия и режиссер допустили «серьезные идейные просчеты». В частности, большевики показаны в смешном, утрированном виде. И то сказать: Полока снял фильм в стиле комедий буфф 20-х годов прошлого века, пытаясь, как он сформулировал, «возродить традиции театра и кино первых лет революции, традиции балаганных, уличных, скоморошеских представлений». Но буффонада и скоморошество при освещении «великой темы революции» для советского чиновничества были категорически неприемлемы.

Картина легла на полку и под названием «Интервенция» появилась на советских экранах лишь в 1987 году.

Но ближе к нашим баранам. Не случайно выше отмечалось, что «одесский акцент» «Интервенции» еще в начале 30-х годов прошлого века произвел фурор среди «пижонов и прибалтненной молодежи». Наверняка наличие этого «акцента» (вернее, одесский говор, который некоторые даже называют «одесским языком») было не последним аргументом запретителей. К тому же в фильме прозвучали две «блатные» песни, между тем как песенному «блату» был категорически закрыт доступ на экраны.

Урик обретает имя

Песню «Налетчик» («В Валиховском переулке») исполняют в фильме супруги Борис Сичкин и Галина Рыбак. Собственно, она входит и в оригинальный текст пьесы. Расхождения минимальные: в оригинале «Интервенции» свечи горят не «ярко», а «тускло», самогонку покупают «на поминку души», а вместо «лягавых» (отчетливо произнесенных Сичкиным) – «легавые».

Что касается музыки, вызывает огромные сомнения информация о том, что ее автором был композитор Сергей Слонимский. Вот к песне «Деревянные костюмы» на слова Владимира Высоцкого, которая звучит в том же фильме, Слонимский точно написал свою музыку. А к «Налетчикам»...

Вы вслушайтесь. Первый куплет – не что иное, как мелодия народной песни «Во субботу, день ненастный, / Нельзя в поле работáть!»! Далее постепенно мотив переходит на босяцкую народную – «Позабыт-позаброшен... / С молодых, юных лет...». Обе песенки известны еще до революции. Эволюция от крестьянской мелодии к босяцкой вполне понятна, поскольку песня о налетчике – городская, а в городе «Позабыт-позаброшен...» пользовался куда большей популярностью,

чем «Во субботу» – особенно во время Гражданской войны и в 1920-е годы, во время разгула беспризорщины.

Лев Славин сам писал сценарий для фильма по своей пьесе и не позволил бы Слонимскому положить песню на музыку, отличную от той, которая звучала в пьесе. Одно дело – Высоцкий, он – автор текста, может принимать по поводу своих стихов любые решения. Другое дело – песня народная, пусть даже «блатная хороводная».

Однако есть ли аргументы в пользу того, что песня – чисто «блатная», а не написана в 30-е годы самим Славиным? Разумеется.

В книге заключенного Соловецких лагерей особого назначения Бориса Глубоковского «49. Материалы и впечатления», изданной в 1926 году, мы находим как минимум начальный куплет, почти дословно повторяющий зачин «Налетчика». Песня, записанная Глубоковским от «блатных», условно названа «Если урика²...»:

*Если урика поймали,
Так не нужно его бить,
А ведите в суд народный,
Его будут там судить.*

*В Фонарном переулке
Труп убитого нашли
Он был в кожаной тужурке
С большой раной на груди.*

*Мамаша узнала,
Что ее сын убит,
Ее сердце подсказало,
Что в районе он лежит.*

*Он лежит и не дышит
На холодной земле;
Двадцать девять ран имеет
На усталой голове.*

² Уменьшительно-ласкательное от «урка» – профессиональный преступник (старый жаргон).

Дмитрий Лихачев в «Книге беспокойств», вспоминая годы своего заключения на Соловках (конец 20-х – начало 30-х), приводит отрывок о Фонарном переулке и пишет:

«Далее, в форме баллады разворачивается драматический сюжет гибели героя. Это пример воровского фольклора царских тюрем и ссылок, который еще существовал на Соловках в конце 20-х годов».

Настоящая «блатная», с неподдельным примитивом. Особенно умиляет «усталая голова» труппа.

Увы, полного текста песни ни Лихачев, ни Глубоковский не приводят. Однако слова ее сохранились. Это – «Три гудочка», или «Ванюша». Она дошла до нас не в последнюю очередь благодаря «ренессансу» песенного блата, который происходил с середины 50-х годов прошлого века и ярко проявился в творчестве Аркадия Северного. Были и другие исполнители, однако именно Северный приобрел огромную популярность по всему Союзу и придал, так сказать, публичность множеству старых, «классических» песен воровского и арестантского мира. Впрочем, Аркадий Звездин (Северный) и его творческий коллектив достаточно вольно обходились с текстами блатных песен, поэтому я приведу полный, «канонический», текст «Ванюши»:

*Шесть часов уж пробило,
Три гудочка гудут,
А легавые поутру
На облаву идут³.*

*И в одну из облав
Наш Ванюша попал,
Под ментовским он конвоем
В уголовку шагал.*

*Привели, посадили,
А он думал – шутя.*

³ Вариант:

*«Прогудело три гудочка,
на работу пора,
А лягавые в то время
Заряжали шпалера».*

*А наутро объявили:
Расстреляем тебя.*

*А мамаша узнала,
Что Ванюша сидит.
Ее сердце подсказало,
Что он будет убит.*

*Мать пришла в уголковку,
Но ответ был такой,
Что сынок ее Ванюша
Не вернется домой.*

*Двери камеры открылись,
Два лягавых вошли
И налетчика Ванюшу
На расстрел повели.*

*Вот ведут Ваню к казни,
Кто-то крикнул: «Беги!»
Двадцать пуль ему вдогонку –
Семь застряло в груди.*

*На другой день поутру
Мы в газетах прочли,
Что в Лигóвском переулке
Труп Ванюши нашли.*

*На нем кожана тужурка,
На нем кожаны штаны,
На нем красная рубашка
И семь ран на груди.*

*Забодали мы тужурку,
Забодали штаны
И купили самогонки
На поминки души.*

*На столе лежит покойник,
Свечи тускло горят.*

*Это был убит разбойник,
За него отомстят.*

*Не прошло и недели,
Кругом слухи пошли:
Что в Лиговском переулке
Двух лягавых нашли.*

Итак, «урика» звали Ванюшей, а баллада «царских тюрем и ссылок» – это и есть «Три гудочка»?

Ванюша и Некрасов

Но оригинального письменного текста «Гудочков» до нас не дошло (во всяком случае, пока). «Урик» дошел, «Валиховский переулочек» стараниями Славина – тоже, а вот сказание о Ванюше известно только в устных передачах. Почему бы не предположить, что начальный куплет – народный, а остальные дописаны для пьесы Львом Славиним? «Ванюша» же возник и оброс подробностями позже, уже на основе славинской версии: ведь «Интервенция», как мы знаем, пользовалась огромным успехом на театральной сцене. Могло так случиться? Вполне.

Попробуем докопаться до истины. Потянем за ниточку «материнской» линии – и выходим на еще одно повествование о Ванюше и матери. Содержание очень похоже, но сюжет не городской, а сельский:

*Над селением ночь опустилась,
По избушкам погасли огни,
Пред иконой старушка-мать молится:
«Всемогущая, сына верни».*

*Как-то раз собралися ватагою, –
Это горе слезой не зальешь –
Сын Ванюшка под хмельною брагою
Совершил вооруженный грабеж.*

*Осудили его судьи строгие,
И он срок получил немалой,
По деревне их гнали этапом,
Где шагал и Ванюшка ее.*

Не узнала старушка несчастная,
Не узнала сына своего:

«Ох ты, сын мой, как измучили,
Даже мне уж тебя не узнать,
Злые люди тебя так калечили»,
Принялась тут сына целовать.

Оттащили старушку без памяти
От родного сына своего,
А Ванюшку погнали этапом
От родного села своего.

«Ах, была – не была», – крикнул молодец
И, как прежде, кудрями встряхнул.
Он собрал все последние силушки
И со злобой конвой растолкал.

Он, как зверь, быстро бросился в сторону,
Только слышно: «Держите! Бежал!»
Тут три выстрела залпом раздались,
Покачнувшийся Ваня бежал.

Пробежал метров пять – и запыхался,
Он так тяжело на землю упал,
Весь простреленный, кровью забрызганный,
Тихо-тихо он что-то шептал:

«Знать, пришел мне конец, я отмаялся,
Только жалко старушку мне мать,
Что на старости лет, горемычная,
Будет долго сына вспоминать».

А наутро в телеге разваленной,
Покосившейся на бок другой,
Гроб тесовый, окружен крестьянами –
Мать-старушку везли на покой.

Над селением ночь опустилась,
По избушкам погасли огни,

*Пред иконой старушка не молится
И не просит: «Мне сына верни»⁴.*

Этот текст здорово искажен «перекройщиками» по сравнению с оригиналом. Искажения бросаются в глаза с первых строк. Естественно, ночь **опустилася**, старушка **молилася**, молодец конвоиров не растолкал, а **оттолкнул** (в некоторых вариантах – **отшивырнул**) – и это только по рифме. Песня стилизована под дореволюционную, на что указывает упоминание пешего этапирования на Север из Центральной России (после революции это было полностью отменено), а также неприхотливые потуги на «народный антураж» – кудри, вьющиеся кольцами, молодец (в одном из вариантов еще «и красивый румянец лица»). Однако псевдонародный образный строй рассыпается, достаточно одного лишь факта: в императорской России по этапу каторжников гнали в ножных и ручных кандалах, причем сковав этапников друг с другом даже после отмены «прута Дибича» и «цепей Капцевича» (эти приспособления соединяли сразу по несколько человек). Причем длина ножных цепей составляла всего аршин, то есть 71 сантиметр. Так что ни пяти, ни тем более ста метров (как указано в одной из переделок) Ванюша пробежать не мог при всем своем желании. Тем более и метрами в те времена не мерили, расстояния измеряли верстами, саженьями да аршинами (на метрическую систему перешли только в СССР – в 1925 году). Но не будем далее вдаваться в подробности, достаточно того, что песня о маме и Ванюше появилась уже в советские времена.

А вот исходником действительно является стихотворение «с возрастом» – «Похороны» Николая Некрасова, напечатанное в 1861 году. Точнее, романс на эти стихи «Меж высоких хлебов затерялося...» (музыка народная):

*Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И нечаянно к нам забрело...*

В стихотворении речь идет о самоубийце, который свел счеты с жизнью в селе и этим переполюшил тихих крестьян. Связь романса с

уголовной песней становится совершенно очевидной, когда мы знакомимся с одной из «блатных» версий «Слезы горькие», которая начинается так:

*Среди топких болот затерялся
Неприметное наше село.
Горе-горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.*

А дальше разворачивается уже известная нам история с кудрявым Ваней и старушкой-мамой.

Очевидна параллель между «Тремя гудочками» и «Слезами горькими»: в обоих случаях присутствует не только линия матери, но и эпизод с «побегом на рывок» из-под конвоя на глазах у публики. Обе песни используют традиции фольклорных песен тюрьмы и каторги царской России, которые после революции смешались с реалиями нового времени.

Некоторые исследователи не без юмора отмечают, что само словосочетание «три гудочка» отсылает нас к русскому песенному фольклору – «Во поле береза стояла»:

*Я пойду, пойду, погуляю,
Белую березу заламаю...
Сделаю с березы три гудочка,
Сделаю с кудрявой три гудочка...*

Право же, ведь не просто так рабочий гудок на смену назван ласкательно **гудочком!** С какого перепугу такая нежная любовь? Хотя... В некоторых версиях песни народ идет не на фабрику, а с фабрики. Тогда становится понятно ласковое отношение к гудку.

В рабочем фольклоре упоминание гудков нередко эмоционально окрашено. Скажем, известная шахтерская песня о смерти коногона:

*Гудки тревожно прогудели,
Народ валил густой толпой,
А молодого коногона
Несли с разбитой головой...*

В данном случае гудки означают не сигнал о начале или окончании смены, а оповещение о чрезвычайном происшествии на шахте. На

это сразу же настраивает уточнение «тревожно». У гулаговских зэков гудок на работу – «медведь ревет», с работы – «голубка воркует». Возможно, именно такая голубка проворковала и в песне – ласково, тремя гудочками. Это более логично, чем сигнал к работе.

К слову: во многих вариантах песни несчастного коногона тоже зовут Ваней:

*Куда ты, Ваня, торопился,
Куда кобылу свою гнал,
Али приказчика боялся,
Али в контору задолжал?*

Девятнадцать православных и сто двадцать три жида

Но есть и более веские аргументы. Вспомним еще один куплет «Ванюши»:

*Вот ведут Ваню к казни,
Кто-то крикнул: «Беги!».
Двадцать пуль ему вдогонку –
Семь застряло в груди.*

Почему именно **двадцать пуль**? Случайность? Как бы не так... Обратимся к дореволюционному фольклору. Например, к песне «Ветер дует-подувает»:

*Ветер дует-подувает,
Сад зелененький шумит...
Я сама про то не знаю,
Из троих кого любить.*

*Сполюбила я мальчишку,
Которого здесь нет.
Он во городе Одессе
На улице на большой.*

*Этот дом-то – не больница,
Настоящая тюрьма.
В той тюрьме, там, за решеткой,
Сидит милый, сидит мой.*

*За железными дверями,
За висящих трех замков.
Ничего в тюрьме не слышно,
Только слышишь звон ключей.*

*Ключник двери открывает:
«Выходи, парень, сюда!».
Мальчик вышел за ворота,
Окружил его конвой.*

*Повернулся он к народу,
Народ плачет весь о нем.
«Вы не плачьте, люди добры,
Знать, достоин я того».*

*Откуль взялся тут священник,
Начал спрашивать его:
«Ты скажи, скажи, голубчик,
Сколько душ ты погубил?»*

*«Девятнадцать душ христианских,
А сто двадцать пять жидов».
«За жидов тебя прощаю,
За христиан прощенья нет».*

*Тут решение прочитали,
Двадцать выстрелов ему.
Девятнадцать пролетело,
А двадцатый – прямо в грудь⁵.*

Несмотря на «непрощенье» священника, девятнадцать «христианских» пуль «прощают» мальчика (выступая на стороне народа, который почему-то «плачет весь о нем») и пролетают мимо, а вот последняя, «жидовская», его настигает.

Эта версия песни кровожаднее других: в ней увеличено число «жидов», даже несмотря на то, что ломается рифма. Вот отрывок пес-

⁵ «В нашу гавань заходили корабли. Выпуск 2». – М.: Стрекоза, 2000.

ни «Сидит в камере мальчишка...», его приводит Андрей Синявский в своем замечательном произведении «Голос из хора»:

*Сидит в камере мальчишка,
Лет шешнадцати дите.
– Ты скажи, скажи мальчишка,
Сколько душ ты загубил?
– Восемнадцать православных
И сто двадцать три жида.
– За жидов тебя прощаем,
А за русских – никогда!
Завтра утром на рассвете
Расстреляем мы тебя.*

Есть и другая «статистика»:

*«А ты скажи, скажи, детина,
Ох, сколько душ ты загубил?»
«Я девятнадцать душ крещенных
И двесте двадцать три жида».
(«В сыром подземном каземате»⁶)*

Песня вроде бы дореволюционная. Русское «откуль» принадлежит старому времени. В другом варианте – «ниоткуль взялся судебный»... Фразеологизм «ни откуль взялся» (также – «откуль ни взялся»), т.е. «откуда ни возьмись», – еще более явный отголосок «старого времени». Священник при казни – тоже деталь старорежимная, когда приговоренному обязательно предоставлялась возможность покаяться перед смертью.

Следует, однако, заметить, что неведомые сочинители совершенно не разбирались в том, как приводились в исполнение подобные приговоры. В царской России XIX – начала XX века (после восстания декабристов и вплоть до февральской революции) существовали два вида смертной казни – повешение и расстрел. Однако расстреливали только военных за военные же преступления. «Политических» вешали, а за убийства – даже самые чудовищные и многочисленные – не казнили, а ссылали в каторгу сроком до 20 лет или же бессрочно. Так

что вся эта бодяга о «двадцати пулях» никаким боком к действительности не приложима.

Кстати, и после революции смертная казнь «через расстреляние» для уголовных и бытовых убийц законом не предусматривалась. Расстрел полагался лишь для «врагов революции», политических противников советской власти. Другое дело, что в Гражданскую войну и первые послевоенные годы активно использовались **бессудные расправы** или же действия уголовных убийц трактовались как «контрреволюционные преступления» (но на подобные «мероприятия» священников уж точно не приглашали). С принятием Уголовного кодекса РСФСР 1926 года расстрел был предусмотрен лишь за контрреволюционные выступления (статья 58) и бандитизм, т.е. преступления против порядка управления. Так что в 20-е годы прошлого века песня о расстреле за убийство «православных» и «жидов» точно не могла быть создана. Тем паче новая власть с православием (как и с религией вообще) активно боролась, так что в судебном порядке казнить лишь за то, что загублены именно православные, уж точно не стала бы. Может быть, еще бы и поприветствовала эту «антирелигиозную кампанию».

Отдельно коснемся темы о прощении мальчишки за убитых «жидов».

Увы, антисемитизм в России существует, равно как и во всем христианском мире. Он возник с началом христианства и основывался на евангельской истории о том, что народ иудейский якобы добился казни Иисуса Христа от Пилата, несмотря на нежелание самого римского прокуратора. Этот религиозный антисемитизм выражен и в литературе (не миновал он ни Шекспира, ни Пушкина, ни многих других классиков), и в фольклоре. Ярким примером является апокриф XII века «Хождение Богородицы по мукам» – переложение греческого «Откровения пресвятой Богородицы», где архангел Михаил по просьбе Матери Божией устраивает ей «экскурсию» в ад и показывает чудовищные муки грешников-христиан, комментируя их по ходу прогулки. Впечатленная Богоматерь заступается за грешников – но лишь за христиан.

В других версиях апокрифа Богородица еще в ходе экскурсии, ужасаясь разнообразным мукам грешников, возносит мольбы Господу о прощении несчастных. Но, дойдя до котла, где варятся иудеи, просит архангела подкинуть дровишек. Отражением фольклорного антисемитизма являются и песни «Ветер дует-подувает» вместе с вариантом «Сидит в камере мальчонка». Это еще одно доказательство, что песня возникла **до революции**.

Читатель может возразить: а что, разве после революции антисемитизм куда-то исчез? Нет, не исчез. Более того, в первые десятилетия советской власти антисемитизм даже усилился. В 1920-е происходит «великое переселение евреев», «новый исход» из черты оседлости в крупные города – особенно в Москву и Питер. Георгий Андреевский в книге «Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е» пишет:

«Евреи заняли многие должности в советских учреждениях, в частности в карательных органах, в торговле, общественном питании, медицине, искусстве и журналистике. В 1924 году, например, председателем Уголовной коллегии Верховного суда СССР был Сольц, председателем Кассационной коллегии по уголовным делам – Гайлис, а членами коллегии – Загорье и Глузман. Председателем Кассационной коллегии по гражданским делам – Нахимсон. Госбанк СССР возглавлял Шейнман, а членами его правления были Аркус, Блюм, Берлацкий, Коган, Каценеленбаум, Шлезингер, Шер, Михельман.

Неудивительно, что представители коренного населения, замученные теснотой коммунальных квартир, бесконечными очередями, террором ГПУ, всю накапливаемую такой жизнью злобу и ненависть обрушивали на евреев. В них видели причину всех бед, они стали олицетворением всего зла, творимого в стране».

Далее Андреевский приводит примеры:

«Газеты, особенно в конце двадцатых – начале тридцатых годов (экономическое положение страны тогда было особенно скверным), нередко сообщали о фактах насилия в отношении евреев. Писали, например, в 1928 году о том, как некто Белов ворвался в квартиру Бретана и с криком: “Нужно жидов убивать!” – избил ее хозяина, а Корнеичев налетел на врача Мясницкой больницы Гдалина с криком: “Бей жидов!” – сбил его с ног и нанес удары. Сообщали о том, как братья Филатовы избивали евреев, живших в доме 37 по Нижнекрасносельской улице.

...Вот одна записка: “...власть-то в руках евреев, они наехали в Москву почти со всех сторон, а рабочим, русским жить негде, живут в подвалах”».

Однако официальная власть в 1920-е жестко боролась с антисемитизмом. Идеологические структуры воспитывали в гражданах интер-

национализм, пусть даже и пролетарский. Борьба против антисемитов стояла на одном из первых мест. Постоянно публиковались материалы против антисемитизма в «Комсомольской правде», «Молодой гвардии», «Крокодиле», в других центральных и местных изданиях. Филолог, переводчик Лилиана Лунгина в фильме Олега Дормана «Подстрочник» вспоминала, что в довоенное советское время бытовой антисемитизм существовал, однако пресекался: «Можно было сказать, если услышишь какой-нибудь антисемитский выкрик на улице: “Я тебя сейчас в милицию отведу”. И мы знали, что милиция заступится».

В 30-е годы и далее с усилением «культы личности» Сталина ситуация несколько меняется и скрытый антисемитизм пускает корни уже на высшем уровне. Бытовал даже анекдот: «Чем различаются Моисей и Сталин? Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин – из ЦК».

Но не слишком ли мы ударились в исторический экскурс? Думаю, что нет. Дело борьбы с антисемитизмом в 20-е годы прямо отразилось и на песнях, о которых идет речь в этой главе. Во многих вариантах упоминание о «жидах» исчезает. Сохранилась любопытная запись 1929 года, опубликованная в статье А.П. Георгиевского «Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк», где автор приводит вариант «Жил я в городе Одессе», записанный во Владивостоке:

*Жил я в городе Одессе
Да на улице Семской,
Там стоят четыре башни,
Посредине дом большой.
Тот не дом и не больница,
А настоящая тюрьма:
В той тюрьме сидит мальчишка,
Лет двенадцати дитя.
Он не слышит и не видит,
Когда ключники идут,
Отворяют тихо двери
И такую речь ведут:
«Ты признайся, признайся, мальчишка,
Сколько душ ты загубил?» –
«Восемнадцать православных
И сто двадцать пять других». –
«За других тебя прощаем,
А за русских никогда».*

Кто эти «другие», которых загубил мальчишка? Туземцы острова Пасхи? Клоуны-убийцы из космоса? Разумеется, речь о «жидах». Но пропустить это слово в печать в 1929 году цензура не позволила...

Таким образом, упоминание о «жидах» в 20-е годы исчезает. А вот количество выпущенных пуль в тексте «Трех гудочков» остается. Уголовники автоматически переносят эту деталь из народной песни. Правда, изменяется число попаданий, что неудивительно: пропала символическая связь девятнадцати пуль с загубленными православными душами, поэтому появляется возможность «нагнать жути» для красоты слога. В соловецком «Урике» безвестный сочинитель и вовсе разгулялся: у его несчастного героя одна рана в груди, зато «на усталой голове» – целых двадцать девять!

В общем, «Три гудочка» явно связаны с дореволюционным фольклором и можно определенно заявить, что эта песня появилась ранее славинской буффонады.

Баллада о Ваньке Белке, питерском «самочинщике»

Подведем промежуточные итоги.

Итак, можно точно утверждать, что песня о налетчике из Валиховского переулка не является сочинением Льва Славина. Мы обнаружили и письменную запись варианта этой песни в сборнике 1926 года, и фольклорные источники с куплетами из «славинского» «Налетчика» и даже объяснили смысл пулевой «нумерологии», связанной с христианским антисемитизмом.

Однако остается неистолкованным еще ряд любопытных моментов. Например, во многих вариантах песни, которые предшествовали «славинскому», налетчик назван Ванюшей. Понятно, что это популярное русское имя, и тут ничего особо странного нет. Ведь и в «сельском» аналоге «Трех гудочков» – «Среди топких болот затерялся» – героя песни тоже зовут Ванюшей. И все же: а не могло так случиться, что в основу «Ванюши» («Три гудочка») были положены какие-то реальные события? Вспомним, что в «Налетчике» и в «Трех гудочках» встречаются приметы «нового времени»: кожаная тужурка, чекисты, облава... Вряд ли это случайно.

Заодно встает и вопрос о том, в каком именно городе родилась песня. Где происходит действие? Если исходить из «Интервенции», это явно Одесса: в других городах Валиховский переулок отсутствует. Однако мы помним варианты и с Фонарным, и с Лиговским переулками. А это уже Питер.

Но для начала займемся несчастным Ванюшей. И тут нас ждет еще одно открытие – в виде очередной версии «Гудочков». Причем версии настолько оригинальной и отличной от других, что пройти мимо нее мы не имеем права. Вариант, о котором идет речь, известен в исполнении Аркадия Северного. Вот что он пел в Ленинграде на концерте 1973 года:

*Позабыт, позаброшен с молодых юных лет,
Я остался сиротою, счастья в жизни мне нет.
Прогудело три гудочка, и затихло вдали,
А чекисты этой ночью на облаву пошли.*

*Оцепили три квартала, все малины шерстят,
В это время слышно стало, где-то пули свистят.
Как на нашей малине, мой пахан отдыхал,
Ваня, Ванечка, родимый, звуки те услышал.*

*Он хватает наган свой и сигает к окну,
Мне он крикнул: «Пацан, стой у двери начеку!»
Как нацисты ввалились, я за дверью стоял,
Из окна наши смывались, я ж один к ним попал.*

*Шли по улице тихонько, кто-то крикнул: «Беги!»
Двадцать пуль ему вдогонку, шесть осталось в груди.
Двадцать пуль ему вдогонку, шесть осталось в груди.
Был мне матерью родною и отцом с юных лет,
Я остался сиротою, счастья в жизни мне нет.*

*На столе лежит покойник, тускло свечи горят,
Это был убит налетчик, за него отомстят.
Это был убит налетчик, за него отомстят.
Не прошли и недели, слухи, толки пошли,
Трех легавых повертели за помин его души.*

*Вот умру, вот умру я, похоронят меня,
И никто не узнает, где могилка моя.
И никто не узнает, где могилка моя.
Позабыт, позаброшен с молодых юных лет,
Я остался сиротою, счастья в жизни мне нет.*

Тут уж песня явно сделана на мотив «Позабыт-позаброшен». Что касается неожиданного появления «нацистов», этой нездоровой темой мы обязаны исключительно больному воображению Северного: место «нацистов», естественно, изначально занимали «чекисты». Впрочем, в другом варианте: *«как все наши валили, я за дверь стоял, из окна наши сигали, я один к ним попал».*

По мнению ряда исследователей, песня о пахане Ване-Ванечке является отголоском подлинных событий весны 1921 года, когда была разгромлена питерская банда, возглавлял которую уголовник Ванька Белка. Белка, он же Иван Белов, свою криминальную деятельность начал еще до революции и имел уже тогда несколько судимостей. С приходом новой власти уркаган сколотил шайку из полусотни человек.

Это была банда «самочинщиков». В сборнике «Уголовный розыск. Петроград–Ленинград–Петербург» (2008) термин объясняется так:

«"Самочинка" – смысл этого слова понимают сегодня только криминологи с большим стажем. Ну а после февраля 1917 года оно было на слуху у всех петроградцев и означало следующее: в богатую квартиру (как правило, буржуа или купца) врываются «революционеры» и изымают ценности в «фонд революции».

После Октября уголовники часто выдавали себя за сотрудников милиции или чекистов. Если жертва проявляла покорность, ей в порядке утешения иногда оставляли что-то вроде расписки, где предлагалось «...ивица в комнату... на Гороховую дом 2, к товарищу...». Но, если хозяева пытались оказать сопротивление, не желали отдавать свои вещи, преступники зверски их избивали, а нередко и убивали. Так что широко бытующие и поныне рассказы о жестокости чекистов были рождены произволом уголовников».

Впрочем, у бандитов Ваньки Белки и помимо «самочинки» был широкий спектр преступной деятельности: кражи из квартир, церквей, вооруженные налеты... В случае сопротивления уголовники проявляли звериную жестокость. Так, был забит ногами и застрелен шофер Куликов, который во время нападения банды Белки на гараж в Апраксином переулке вырубил одного из них ударом заводной ручки по голове.

Оперативники угро безуспешно пытались разгромить банду. Летом 1920 года агент уголовного розыска 23-летний Александр Скальберг попытался завербовать одного из членов беловской шайки, но оперативника заманили на «малины», долго пытали, затем убили, а труп расчленили.

Поиски и разгром банды возглавил 20-летний Иван Васильевич Бодунов, который, несмотря на молодость, считался очень опытным агентом: он окончил спецшколу уголовного розыска. Андрей Константинов в «Бандитском Петербурге» сообщает, что Юрий Герман написал повесть «Наш друг Иван Бодунов», по мотивам которой позже режиссер Алексей Герман снял замечательный фильм «Мой друг Иван Лапшин». Это не совсем верно: фильм снят не по воспоминаниям Юрия Германа «Наш друг Иван Бодунов» (1963), а по роману «Один год», в котором писатель объединил созданные еще в 1937–1938 годах повести «Лапшин» и «Жмакин». Но Бодунов действительно являлся прототипом Лапшина и, как списанный с него литературный персонаж, отличался цепким умом, железной хваткой и отчаянной смелостью.

Крах банды пришелся на весну 1921 года. Бодунов втерся в доверие к уголовникам и узнал адрес «лежбища» Ваньки Белки: Лиговский проспект, 102. Во время облавы завязалась перестрелка, в ходе которой погиб сам Белка, его жена и еще десяток подельников. Со стороны правоохранителей были убиты сотрудник угрозыска Васильев и милиционер Чуриков.

К моменту разгрома на счету шайки Ваньки Белки было свыше 200 краж, разбоев и грабежей, как минимум 27 убитых и 18 раненых. После суда скорого и справедливого бандитов поставили к стенке.

Скорее всего, первоначально песня «Ванюша» («Три гудочка») была написана именно по следам облавы на банду Ивана Белова. Возможно, и кожаная тужурка Ванюши (а в ряде вариантов – также кожаные штаны) указывают на «самочинную» «специализацию» бандитов, которые часто осуществляли грабежи под видом чекистов – «парней в кожаных куртках». Хотя, справедливости ради, заметим: в 20-е годы прошлого века «кожанки» носили не только сотрудники ЧК и угро, но и рабочие, студенты, совпарработники...

Через некоторое время баллада утратила прямую связь с разбойником Ванькой Белкой. Она превратилась в рассказ о бессудной расправе «кровавых чекистов» над случайным человеком, который попал в «одну из облав».

Мы уже отмечали, что сюжет о маме и расстрелянном сыне нередко встречается в уголовном фольклоре. Причем в случае с «Тремя гудочками» чувствуется влияние дореволюционной каторжанской песни «В воскресенье мать-старушка к воротам тюрьмы пришла». Во многих вариантах «Старушки» несчастный арестант тоже зовется Ванюшей:

*В воскресенье мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла
И в платке к родному сыну
Передачу принесла.*

*И привратнику сказала,
Что утомилась она:
«Ноги старые устали,
Сорок верст пешком я шла.*

*Передайте вы Ванюше!
Всюду люди говорят,
Что в тюрьме там заключенных
Бьют и с голоду морят».*

*Надзиратель усмехнулся:
«Твой Ванюша осужден,
Вчера утром на рассвете
На покой отправлен он...»*

Но и этого мало. Вот что происходит далее:

*Повернулася старушка,
Покачнулася слегка,
К надзирателю тихонько
Протянулася рука.*

*«Передачу я купила
На последние гроши,
Передайте заключенным
На помин его души...»⁷*

В поздних вариантах мотив матери из песни уходит, остается лишь рассказ о налетчике, погибшем во время побега. Действительно, «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». Сначала Ванюша вроде как «случайный пассажир» попадает в облаву, которые то и дело проводят «лягаши» или «чекисты», и даже не помышляет о

⁷ Элиасов Л. Е. Народная революционная поэзия Восточной Сибири эпохи гражданской войны. Улан-Удэ, 1957.

том, что его расстреляют. А затем в финале выясняется, что «безвинно пострадавший» Ванюша был таки налетчиком! И за его смерть даже жестоко отомстили.

Противоречие явное. И, хотя в «Трех гудочках» оно остается, позднее, в «Налетчиках», его предпочитают убрать, избавляясь от безутешной мамы.

Но вернемся к балладе о Ваньке Белке, в которой мы наблюдаем прямые стилистические и сюжетные связи с «Тремя гудочками». Значит ли это, что оригинальный текст «Налетчика» появился именно в Питере, а не в Одессе? Вроде бы выходит, что так. Но как же тогда быть с Валиховским переулком? А вот об этом – наша следующая глава.

Фонарный, Лиговский, Валиховский...

Вспомним: в первом печатном варианте песни труп погибшего налетчика («урика») был найден не в Валиховском, а в Фонарном переулке. Случилось это за семь лет до появления трагикомедии «Интервенция» на сценах Страны Советов.

В Одессе никакого Фонарного переулка не было и нет. А вот в Питере таковой имеется – на территории Адмиралтейского района. Переулок этот начинается от набережной реки Мойки и тянется к набережной канала Грибоедова. История Фонарного переулка берет начало в первой половине XVIII века. Поначалу он именовался Материальным переулком (впрочем, называли его и Материальной улицей), поскольку здесь разгружались строительные материалы. Затем Голицыным – по имени домовладельца, а с 1775 года – Фонтанной улицей, по названию Фонтанного казенного питейного дома, который принадлежал фонтанному мастеру Адмиралтейской части. («Фонтанный мастер», видимо, занимался при Адмиралтейской части отливанием шрифтов для типографии; от англ. font – шрифт: известно, что в Адмиралтействе работали мастера литейного дела из Шотландии). А в 1878 году Городская дума Санкт-Петербурга окончательно переименовала улицу в Фонарный переулок.

Знарок питерского городского фольклора Наум Синдаловский пишет:

«...До конца XIX века это название не вызывало непристойных ассоциаций, пока вдруг, по необъяснимой иронии судьбы, здесь не начали появляться один за другим публичные дома с "соответствующими им эмблемами в виде красных фонарей". Безобидные и даже вызывающие некоторую гордость фонари приобретали дурной смысл. Обе-

спокойные домовладельцы обратились в Городскую думу с просьбой о возвращении переулку его первоначального названия. Дело будто бы дошло до императора. В резолюции Николая II, если верить легенде, было сказано, что “ежели господа домовладельцы шокированы красными фонарями на принадлежащих им домах, то пусть не сдадут свои домовладения под непотребные заведения”⁸.

Увы, в данном случае краевед допускает досадную ошибку. К истории с ходатайством о переименовании Фонарного переулка самодержец Николай II не имеет ни малейшего отношения. Его правление началось с 20 октября (1 ноября) 1894 года, а обсуждение просьбы жителей Фонарного переулка в Городской думе Санкт-Петербурга состоялось в 1878 году. Тогда же появилось и представление Городской управы, где отмечалось: «Если переулок этот не пользуется хорошою славою от находящихся на нем приютов терпимости, то устранить это зависит единственно от самих домовладельцев – недопущением в своих домах означенных приютов, а не переменою названия». Далее следовала резолюция: «наименование переулка “фонарный” не заключает в себе ничего неблагозвучного... поэтому Управа полагает... оставить его без изменения».

Без изменения оставалась и репутация переулка. Вот что рассказывает Синдаловский:

«В 1870–1871 годах в Фонарном переулке по проекту архитектора П.Ю. Сюзора были построены так называемые народные “Фонарные” бани, принадлежавшие М.С. Воронину. В свое время бани были знамениты своим великолепным убранством – мраморными ваннами, зеркалами, пальмами. В народе их называли “Бани на Фонарях”, или просто Фонари. Бани пользовались популярностью. Однако слава о них ходила не самая лестная. Поговаривали о свальном грехе, о массовых оргиях и прочих шокирующих деталях запретного быта. Все это вместе взятое создавало особую атмосферу, которой побаивались добропорядочные обыватели. Фонарного переулка сторонились. Он и в самом деле становился очагом уголовщины центрального района:

*В Фонарном переулке труп убитого нашли.
Он был в кожаной тужурке с большой раной на груди.*

⁸ Синдаловский Наум. На языке улиц. Рассказы о петербургской фразеологии. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2006.

*Он лежит и не дышит на холодной земле.
Двадцать ран имеет на усталой голове.*

Широко известно было в Петербурге и знаменитое “Дело Фонарного переулка”, когда некими революционерами-экспроприаторами была ограблена повозка с огромной суммой банковских денег. Не обошлось без взрыва самодельных бомб, перестрелки с полицейскими и жертв среди мирных жителей. Все это лишь упрочило скандальную репутацию Фонарного переулка»⁹.

Речь идет о знаменитом «экссе» эсеров-максималистов 27 октября 1906 года, в котором приняли участие 16 человек. Они напали на карету, в которой находился казначей и еще два сопровождающих, перевозившие деньги и ценные бумаги из Санкт-Петербургской таможни в Государственный банк. Карету охранял конный конвой из шести жандармов. Боевики закидали карету и жандармов бомбами и захватили два баула с деньгами. Как сообщал «Петербургский листок», в одном мешке из верблюжьей кожи находилось четыре тысячи рублей золотом, в другом – 362 тысячи рублей кредитками. Третий баул (с процентными бумагами) преступники брать не стали.

Большую часть эсеров задержали в ходе погони и позже, в ходе розыскных мероприятий. Восемь максималистов были приговорены к смертной казни военно-полевым судом. 18 октября того же года приговор привели в исполнение.

Завершая рассказ о Фонарном переулке, питерский фольклорист пишет:

«Даже в советское время, когда публичные дома с красными фонарями бесследно исчезли, а над баней был установлен неусыпный контроль пролетарской общественности, в городском фольклоре следы недавнего прошлого сохранились. До сих пор в адрес девочек сомнительного поведения в вызывающе коротких юбочках можно услышать питерскую дразнилку: “Дурочка с Фонарного переулочка”»¹⁰.

Помимо Фонарного в разных версиях песни фигурирует Лиговский переулок («в Лиговском переулке»). Ну, тут и сомнения нет – явный Питер, и нигде более! Лиговский переулок расположен в самом цен-

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

тре Санкт-Петербурга и тянется от Пушкинской улицы до Лиговского проспекта. Да-да, того самого, где в доме № 102 находилась «малина» Ваньки Белки! Дом этот и сейчас находится на своем месте. Первоначально переулок назывался Невским, но был назван 7 марта 1880 года по Лиговскому каналу, который протекал на месте Лиговского проспекта – для подпитки фонтанов Летнего сада. Сам канал получил название от деревни Лигово, через которую он проходил, деревня же – от речка Лиги.

Лиговка традиционно считается самым криминогенным местом Петербурга. Еще с конца XIX века этот район «прославился» бандитскими притонами, где «гужевались» уголовники, хулиганы, проститутки, наркоманы, бродяги и прочая малопочтенная маргинальная публика. Да и в наше время Лиговка сохраняет свою дурную славу. Достаточно привести свидетельство легенды русского рока Вячеслава Бутусова:

«Я два года жил в каком-то жутком Гарлеме на Лиговке... Никогда не думал, что буквально в ста метрах от Невского могут быть такие трущобные вариации, которые описывал еще Горький. После того, как меня ограбили, я написал песню “Тутанхамон”, где были такие слова: “Если ты пьешь с ворами, Опасайся за свой кошелек. Если ты ходишь по грязной дороге, Ты не можешь не выпачкать ног”».

Так что упоминание Лиговского переулка в связи с песней о налетчике вполне вписывается в стилистику песни и в историю питерской уголовщины.

А как же быть с Валиховским переулком? Допустим, он появляется в песне позже Фонарного и Лиговского. Во всяком случае, о нем известно только из версии Льва Славина, который вставил именно этот одесский переулок в вариант «Налетчика», прозвучавший в «Интервенции». Но почему из множества других переулков драматург выбрал именно Валиховский?

Возможно, речь идет о созвучии названий. В некоторых вариантах песни название Лиговского переулка звучит как «Лигóвский» («В Лигóвском переулке труп убитого нашли»). Исполнители и переписчики, незнакомые с питерской криминальной топонимикой, воспринимали строку «в Лигóвском переулке» как «в Лихóвском переулке». Сохранились и такие версии. Вот вам созвучие – «в Лиховском» и «в Валиховском»!

Однако одесситы могут возразить: а может, как раз наоборот? После того как «Налетчик» зазвучал в «Интервенции» (это, как мы пом-

ним, был 1933 год), песня быстро обрела популярность, и уже затем питерская шпана «перелицевала» Валиховский переулочек в Лиговский, а другие исполнители из подворотни – в Лиховский! Сами подумайте: иначе с какого боку надо было менять ударение в названии Лиговского переулочка?!

Ну, смена ударения в угоду размеру, положим, для песенной поэзии – дело обычное. А версия, противоположная одесской, звучит стройнее и логичнее (Лиговский-Лиховский-Валиховский), к тому же подтверждается историей Ваньки Белки и соответствующей бандитской балладой. Хотя в одной из «одесских» версий «Трех гудочков» мелькает вместо Ванюши некий «Арончик». Однако среди бесчисленных Ванюш этот Арончик – как белый ворончик... И все же торопиться с выводами не будем.

Обратившись к одесской топонимике, мы обнаруживаем, что Валиховский переулочек как нельзя лучше соответствует содержанию песни о погибшем налетчике! Хотя и назван в честь крупного зерноторговца Леопольда Валиха, которому здесь принадлежали склады. Вот что пишет Валерий Смирнов в «Полутолковом словаре одесского языка»:

«ВАЛИХОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК – синоним морга, находящегося в этом переулочке. Пословица “Язык и до Киева доведет” в переводе на одесский язык звучит так: “Длинный язык доведет не столько до Киева, как до Валиховского переулочка”».

В Валиховском переулочке двух легавых нашли...

С таким поведением, как у Гены, он может занять бесплатную экскурсию до Валиховского переулочка».

То есть черный одесский юмор в песне «Налетчик» ощутим отчетливо. Заметим, что переулочек означает не только моргом. Вот небольшой отрывок со страницы «Легенды Валиховского переулочка»:

«До 1900 года это было вполне безобидное место, хлебный торг на окончании двух спусков, поднимающихся от Пересыпи. В это самое время здесь начали возводить медицинский городок: сперва здание нынешнего ректората на Софиевской, морг, анатомический корпус, больницы. Так переулочек приобрел мрачную славу “Валиховского мясокомбината”».

Одно из самых зловещих мест – корпус диагностики и терапии клиник Новороссийского университета. Здание построено к 1902 году Александром Бернардацци и Николаем Толвинским. Декор здания содержит выпуклые надписи: при главном входе – “Анатомический

институт”, над окнами второго этажа “Vita” и “Mors”. От этого у нас пробегает мурашки по коже и возникает то же благоговейное чувство, что и в детстве при виде зубной поликлиники.

На изгибе переулка – приземистый домишко. За ним – двор с многочисленными постройками. Здесь располагается Бюро судмедэкспертизы и похоронное агентство “Анубис”. Во дворе иногда проходит прощание с усопшим, поэтому на улице, вдоль заборчика, часто можно увидеть собравшихся на похороны скорбящих».

Кроме морга, судмедэкспертизы, анатомического театра, в комплекс «Валиховского мясокомбината» входит и ряд других медицинских учреждений – например здание городской инфекционной больницы, а также станции скорой помощи, которая появилась в 1903 году.

Таким образом, Валиховский переулок в контексте песни о погибшем налетчике воспринимается не просто естественно и уместно, но даже придает ей особый шарм. Случайно ли это? Вряд ли. Конечно, песня «Налетчик» в трагикомедии Льва Славина «Интервенция» появилась намного позже, нежели, скажем, песня «В Фонарном переулке». Но это свидетельствует лишь о том, что Славин не был автором песни (хотя мог быть автором пьесы по мотивам «Трех гудочков»). А вот на «первородстве» Фонарного и Лиговского переулков по отношению к Валиховскому я бы все же настаивать не стал.

Да, мы подробно остановились на истории питерского бандита Ваньки Белки и варианте «Трех гудочков», в котором отражен эпизод с облавой на этого «самочинщика», и сделали вывод о питерском происхождении песни, тем более что позднее в «соловковской» версии появляется упоминание о Фонарном переулке – опять же питерском. Все это так. Однако не будем забывать и о том, что, разбираясь с тайной двадцати пуль, выпущенных в Ванюшу из «Трех гудочков», мы столкнулись с упоминанием Одессы:

*Сполюбила я мальчишку,
Которого здесь нет.
Он во городе Одессе
На улице на большой.*

...

*Жил я в городе Одессе
Да на улице Семской¹¹,*

*Там стоят четыре башни,
Посредине дом большой.*

Далее следует история о сидящем в камере дитяти, который загубил девятнадцать православных и сто двадцать три жида, и о двадцати пулях. Эти пули перекочевали и в историю о Ванюше. То есть в первоначальном сюжете о гибели налетчика присутствуют и одесские нотки: в Одессе было куда легче набрать сто двадцать три жида для расправы, нежели на имперских землях за чертой еврейской оседлости.

Посему нельзя исключать того, что песня о трех гудочках могла заимствовать из одесских мотивов наряду с сюжетом о двадцати пулях также и название Валиховского переулкa – с последующими фонетическими изменениями, соответствующими питерской истории.

Подтвердить или опровергнуть эту версию могли бы дополнительные письменные или аудиоисточники. Увы, пока их нет. Так что, говоря словами героя Юрия Никулина из «Бриллиантовой руки» Семена Семеновича Горбункова: «Будем искать»...

Сесиль Вессье. **За вашу и нашу свободу! Диссидентское движение в России** / Пер. с франц. Е. Баевской, Н. Кисловой, Н. Мавлевич. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. 576 с.: ил.

Алексей Мокроусов

Бесконечная история

«Склад мышления навеян Западом!!!»

Книга Вессье – захватывающее чтение. История диссидентского движения напоминает приключенческий роман о подпольщиках, со слежкой, конспирацией и арестами, хотя вряд ли кто стремился работать столь же открыто, как сторонники прав человека в СССР. Власть не была готова к публичному обсуждению своих проблем. Она судила, сажала или высылала за границу не только за конкретные действия – сбор информации о политзаключенных или карательной психиатрии, – но и за тексты, где шла речь об истории и будущем страны. А начинается повествование с высылки академика Андрея Сахарова с женой Еленой Боннэр в Горький.

Актуальность многих текстов, к которым обращается Вессье, очевидна. Так, она пишет о влиянии, которое одна из самых известных работ, ходивших в самиздате, «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» Андрея Амальрика, оказала на идеи Андрея Сахарова. Академик, «обычно осторожный в высказываниях, позаимствует некоторые положения Андрея Амальрика. Он подчеркнет, что общество погружено в молчание и пьянство, и проанализирует то, что назовет “идеологией советского мещанина”, общей для крестьян, рабочих и интеллигенции. Для этой идеологии характерны “культ государства”, “эгоистическое стремление обеспечить свое и своей семьи благополучие... с помощью блата, воровства, покрываемого начальством, и

обязательного лицемерия”, а также “идея национального превосходства”. Как говорится, попробуйте найти хоть пару различий с сегодняшним днем.

Книга посвящена в основном событиям 1956–1987 годов, этими датами ограничена публикуемая в приложении «Хронология». Многие из событий той поры малоизвестно или забыто сегодня. Например, деятельность начавшей работу в мае 1978 года инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР (один раз она названа «Инициативная группа защиты прав инвалидов в России»).

В первом номере «Бюллетеня» группы было «помещено письмо Хусаинова Брежневу, в котором он описывает свою жизнь и добавляет, что точно так же живут сотни тысяч других инвалидов. Им всем не хватает ухода, лекарств, социальной помощи, инвалидных колясок. Хусаинов пишет о своей матери, всю жизнь проработавшей в колхозе. Что она получила за это? Туберкулез легких, 20 рублей пенсии и жалкое существование в коридоре». Пенсии, которую получают мать и сын, едва хватает, чтобы не умереть с голоду».

Ситуация выглядела трагикомичной. Когда московские газеты печалились о положении трудящихся на Западе, почти любая статья тогдашних пропагандистов казалась созданной на отечественном материале. Автор цитирует «Литературную газету» за 1973 год: «О каких свободах можно говорить, если трудящийся не уверен в завтрашнем дне, если ему приходится думать не о том, как бы воспользоваться той или иной “свободой”, а о том, как выстоять в суровой борьбе за жизнь?». Пять лет спустя «Литературку» волнует все та же проблема: «Разве может человек быть свободен, если он не имеет работы, голодает и живет в нищете, лишен элементарной медицинской помощи и ютится в трущобах?»

Неудивительно, что в таком газетном контексте инакомыслящему ставился однозначный диагноз: «Полностью раскрыл себя как идейнозрелый и явный враг советской власти! Склад мышления навеян Западом!!! На свободе потенциально опасен!!!» Это цитата из заключения психиатрической экспертизы по поводу Василия Никитенкова. Его объявили невменяемым, поскольку он дважды подавал заявление на выезд из СССР вместе с семьей.

Насколько всерьез стоит воспринимать позицию тех правозащитников, кто вроде бы лукаво утверждал, что борется с отдельными недостатками, а не системой? Вессье упоминает о суде над Виктором Браиловским, организатором неофициального научного семинара. В июне 1981 года подсудимый заявляет, «что не понимает, почему про-

курор говорит о государстве вообще, ведь все тексты, которые ему вменяют в вину, содержат конкретные требования по отношению к определенным лицам или учреждениям, но в них ничего нет о государстве вообще». В том же году психиатр Анатолий Корягин утверждает, что никогда не ставил целью подрыв или ослабление советской власти, а лишь выражал свое мнение об отдельных явлениях». Об этом же в шестой главе пишет и автор: «...диссиденты, которых так часто изображали в виде врагов, не ставили себе цели разрушить режим; они хотели показать, что этот режим – миф». Неудивительно, что с точки зрения власти почти любой вопрос о реальности подрывал основы.

«Система ГУЛАГа по сути не изменилась, изменились только масштабы»

Впрочем, когда дело касалось прав заключенных, было уже не до риторических ходов. В книге подробно рассказывается о судьбе Анатолия Марченко. Его трагический жизненный опыт отражен в записках «Мои показания», распространенных в самиздате после 1968 года. В том же году Марченко обратился в Министерство здравоохранения СССР, к патриарху Алексию, председателю правления Союза писателей и некоторым другим лицам, отвечавшим, на его взгляд, «за состояние нашего общества, за уровень его гуманности и законности».

Он описал положение политических заключенных в лагерях, где администрация (далее фрагмент из Вессье с цитатой из Марченко) «использует труд как наказание: слабых принуждают исполнять тяжелую физическую работу, людей интеллигентных профессий заставляют заниматься неквалифицированным физическим трудом. Заключенные постоянно голодают: “суточная калорийность лагерного пайка – 2400 калорий (норма для 7–11-летнего ребенка), и этим взрослый, работающий на физической работе мужчина должен довольствоваться изо дня в день на протяжении многих лет, иногда 15–25! В основном эта калорийность покрывается за счет черного хлеба (700 г в день)”. (...) Того, кто не выполняет заданной работы, “могут перевести на строгую норму питания – 1300 калорий (норма ребенка 1-3 лет)”. Заключенные в лагере строгого режима – а именно там содержится большинство политических – не имеют права получать передачи от близких. Их могут лишить свиданий с родными, им бреют голову, запрещают носить собственную одежду, “в том числе теплые белье”... Выводы Анатолия Марченко ясны: я не знаю, существует ли сейчас, в 60-е годы, еще где-нибудь в мире кроме нашей страны такой статус для политзаключенных: узаконенное бесправие плюс узаконенный

принудительный труд. Я уверен в одном: эти условия возможны у нас лишь потому, что никто о них не знает, кроме их организаторов и исполнителей».

Возможны они были еще и потому, что большая часть общества не хотела ничего знать, попытки раскрыть глаза на происходящее редко приводили к каким-либо результатам. Молчание было золотом, закрытые глаза погружали в рай.

На взгляд Вессье, в тексте Марченко «впервые оживают политзаключенные послесталинского Советского Союза; в нем показано, что система ГУЛАГа по сути не изменилась, изменились только масштабы. Анатолий Марченко изображает чудовищный, безнадежный мир, нечто вроде дантова ада, где люди отрезают куски от собственного тела, чтобы сварить их и съесть, где заключенные выкалывают у себя на лицах татуировки, в которых выражают ненависть к партии, а врачи затем удаляют у них эти татуировки и так зашивают кожу, что человек после операции не в состоянии больше моргать глазами, где человек глотает рыболовный крючок, прицепленный к леске, леску привязывает к двери камеры, а потом для верности садится голый на скамью и прибавляет к ней собственную мошонку...».

Вессье обильно цитирует не только официальную и самиздатскую периодику, но и собственные интервью с российскими диссидентами, с которыми беседовала в 1990-е годы. Порой становится жаль, что эти интервью не приводятся целиком – и собеседники интересные, среди них Людмила Алексеева и Наталья Горбаневская, Виктор Сокирко и Александр Огородников, Александр Гинзбург и Сергей Ковалев, и рассказывают они об интересных вещах. Например, Гинзбург намекает, что в работе над «Белой книгой», посвященной процессу Андрея Синявского и Юрия Даниэля, он использовал материалы, составленные сотрудниками суда, их имена он не мог назвать и в 1996 году.

Сам интервьюер, судя по всему, отличается наблюдательностью. Вот как характеризуется Солженицын в главе, посвященной его полемике с Сахаровым: «В отличие от Сахарова, он не искал зон взаимопонимания, не затевал переговоров: он занимался только своей борьбой и не участвовал ни в каких общих действиях. Боролся упрямо, в одиночку, только жена и самые близкие люди поддерживали его. Академик поражает тонкостью ума, добротой, умением слушать других, писатель же – натиском энергии и страсти».

В книге затрагиваются ключевые проблемы диссидентского движения, такие как баланс политического и этического, возможности компромисса, особенно при досрочном освобождении, роль дис-

сидентов в истории или их представления об обществе, в котором и ради которого они жертвовали столь многим. Автор пишет о порой успешных попытках КГБ расколоть движение, о судах, где видные диссиденты, находясь под чудовищным давлением, публично признавали свои ошибки, о трагедии отца Дмитрия Дудко. Спасением оказалось то, что «диссидентское движение не было организованным, не имело лидеров, и именно благодаря этому ему удалось просуществовать так долго. Это не структура, а слово – а слово нельзя уничтожить преследованиями. Оно просто звучит. Оно остается. Его невозможно отменить. И произнести это слово может только отдельный человек, а не группа».

Ряд высказываний в этой историко-публицистической работе вызывает желание уточнить их или даже оспорить. Так, автор утверждает: пусть «мы не располагаем достоверной статистикой, поэтому трудно утверждать с уверенностью, что среди диссидентов процент тех, чьи родители пострадали в чистках, выше, чем среди остального населения страны. И все же этот фактор, возможно, сыграл свою роль в том, что именно эти люди осознали происходящее и включились в движение». Статистики нет, но репрессиями в той или иной мере была затронута едва ли не половина народа, трудно найти семью, где когонибудь не арестовали, сослали или раскулачили.

Во многом выглядит переоцененной и роль элит в движении. Да, Андрей Сахаров и впрямь «находится вровень с самыми высокопоставленными советскими деятелями: дача у него там же, где у них, в Жуковке-2, рядом с дачей Мстислава Ростроповича. Он лично встречался с Берией, Хрущевым, Брежневым и долгое время имел возможность звонить им по телефону». Но делать на этом основании вывод, будто «многие диссиденты сами достигли привилегированного положения, стали известными учеными или членами Союза писателей», кажется несколько поспешным. Членство в Союзе писателей помогло защитить от обвинений в тунеядстве, высокопоставленные родители какое-то время могли спасти от наказания, но после репрессий 30-х, уничтоживших всю верхушку партии и правительства, никто не чувствовал себя в безопасности. Даже Сахарова в итоге отправили в многолетнюю ссылку, лишив всех наград и званий, несмотря на его исключительную роль в науке, что уж говорить о докторе технических наук или боевом генерале.

Встречаются в тексте и неудачные пассажи: «...из семи человек, вышедших на демонстрацию на Красную площадь, по меньшей мере трое – евреи (Константин Бабицкий, Виктор Файнберг и Лариса Бого-

раз)». В отношении других пока остаются сомнения? Продолжается выяснение их происхождения?

Спорной выглядит попытка формализовать важнейшие понятия русской жизни. На взгляд Вессье, в частности, «требовалось, чтобы в этой среде тебя приняли: человек становился интеллигентом или диссидентом, потому что другие интеллигенты или диссиденты признали его своим». То есть если А. не признает Б. диссидентом, он уже не является таковым? Но известно, как порой напряженны были связи в этой среде, как неровно развивались многие отношения, как быстро рушилась дружба и как несправедливо звучали взаимные обвинения.

Понятно, что диссиденты, как и писатели, и политики, вправе считать кого-то принадлежащим к своему кругу. Но у стороннего наблюдателя должна существовать своя система критериев и оценок, на основе которой он анализирует ситуацию. Самоописание здесь лишь один из источников информации, материал, с которым работают, а не готовая структура мира.

Книга создавалась в расчете на французскую публику; с точки зрения русского читателя, в ней хватает как нового, так и общеизвестного, но при этом странным образом отсутствуют, например, упоминание о Михаиле Мейлахе или интервью с Марией Розановой и Андреем Синявским. Последний жил в Фонтене-о-Роз неподалеку от Парижа, когда Вессье собирала материалы для книги, он бы уточнил факты своей биографии, приводимые в разделе «Основные имена»: в 1973 году Синявский не эмигрировал во Францию, он уехал преподавать литературу в Сорбонне и долгое время оставался гражданином СССР. Возможно, в решении не лишать его сразу гражданства таился особый замысел КГБ создать вокруг фигуры филолога атмосферу недоверия.

Повествование оставляет порой впечатление хаотичности, хотя русское издание, судя по всему, существенно отредактировали по сравнению с французским оригиналом (в выходных данных заявлен год его выхода – 1999). В заключении упоминаются имена Михаила Ходорковского и Надежды Толоконниковой, события на Болотной площади, дается и оценка деятельности Владимира Путина на посту президента.

Структуру книги в итоге определяют многочисленные приложения. Помимо именного указателя и библиографии (их готовил редактор А. Макаров), это справочные разделы «Основные имена», «Основные группы и организации диссидентов», «Основные диссидентские журналы». Во многом благодаря им изложение обретает стройность, становится больше чем осмысленным калейдоскопом фактов и позволяет

задуматься о создании энциклопедии диссидентства. Книга Вессье – первый шаг на пути к этому.

Подводя итоги диссидентскому движению, автор замечает:

«В конце восьмидесятых годов советское руководство пришло к воззрениям, которые были распространены в интеллигентских кругах в пятидесятые – шестидесятые годы. С тех пор многие диссиденты продвинулись далеко вперед и отошли от представлений, к которым обратилась власть, топтавшаяся все годы застоя на одном месте».

Вессье цитирует слова публициста Отто Лациса в журнале «Знамя»: «после двадцати лет умолчания» «мы вернулись к тому, с чего начинали тридцать с лишним лет назад». То, что государство прислушалось наконец к диссидентам, Вессье определяет как «циничное заимствование определенных тем» властью – но речь вроде бы не о присвоении копирайта на идею, а о том, что в правящей элите хоть кто-то стал слышать голос рассудка. Французский автор пишет о «временной победе» диссидентских идей, но смысл противостояния был не в определении победителя, а в установлении диалога. Он вряд ли может быть равноправным в нынешних условиях, в истории России общество еще ни разу не обладало той же силой и теми же правами, что и государство (впрочем, нет уверенности, что подобный паритет всегда существовал и во Франции). Для чиновничества это решающий аргумент в определении собственной позиции в таком диалоге – с этим приходится считаться, каким бы ложным аргумент ни казался.

В книге утверждается, будто «для русской интеллигенции, а значит, и для диссидентства, которое с ней преемственно связано, политическая власть есть воплощение зла – относительного или абсолютного, но в любом случае зла. Вот почему, подчеркивает Татьяна Великанова не без высокомерия, «мы были не из тех людей, которые стремятся к власти. Если и в наши дни множество русских терпят, что высокие государственные посты занимают коррумпированные и скомпрометировавшие себя личности, то это потому, что они убеждены: люди честные и искренние оказаться на таких постах не могут...».

Не очень понятно, в чем именно, на взгляд Вессье, проявляется высокомерие Великановой, ведь целью диссидента не может быть приход к власти, он занят другим; и почему только в России скептически по отношению к политикам? Кажется, фигурировавшие в разных уголовных делах Жак Ширак и Берлускони высокими моральными авторитетами считаться не могут, да и Гельмут Коль, известный тем, что вел «черную кассу» своей партии, о нравственности скорее только слы-

шал. Но вместо анализа того, как Запад относился к проблемам диссидентов и насколько те мешали ему извлекать экономическую выгоду из сотрудничества с СССР, Вессье уделяет немало места «горбимании». Ее довольно пренебрежительное отношение к Горбачеву (а заодно и к А.Н. Яковлеву) определяется неверием в возможность развития личности, преодоления собственных стереотипов и заблуждений, а в итоге – во влияние диссидентов на политическую элиту страны. Да, не-сгибаемый Анатолий Марченко умер в тюрьме уже при Горбачеве, но у бесчеловечной империи нет одного наследника, ответчиком здесь выступает лишь сам народ. Утверждение, что «логика власти не изменилась и видение ситуации при Горбачеве осталось таким же, каким было при Брежневеве», можно принять лишь при понимании истории как статичного процесса и отсутствия эволюции во взглядах.

Вызывает сомнение и тезис, будто поначалу «большинство диссидентов и не знает, что думает общество. Сегодня они сами признают, что не знали народа, от которого интеллигенция была традиционно отрезана, и в глубине души это их мало заботило. И только в конце семидесятых новые поколения диссидентов вновь пытаются обратиться к обществу в целом. Они обращаются более прицельно к отдельным группам населения, группам, чьи права стремятся защитить: к инвалидам, рабочим, женщинам, сторонникам мира... тем самым они выявляют неоднородность общества, наличие в нем разных групп и категорий, то есть именно то, что категорически отрицает власть».

Вроде бы автор приветствует эволюцию, произошедшую с движением, но при этом вся картина его зарождения и развития упрощается. Со временем права человека стали пониматься все более широко, отсюда и новые формы работы самих диссидентов, и новые социальные среды, которые они вычленили. Выбор «или-или» работает плохо, этическое и политическое начала часто соседствовали в биографии одного человека, что видно по описанию взглядов Владимира Буковского.

Впрочем, понятно, что ни одна, даже самая объемная, книга не в состоянии описать материк, каким выглядит сегодня диссидентство, движение, спасавшее честь нации. Тем более в условиях, когда история его еще не закончилась.

Алексей Мокроусов

Прозрение и заключение

Программы документальных фильмов на 37-м Московском международном кинофестивале оказались самыми интересными. Ушедшие от наказания преступники и тоталитарные секты, истории подавления личности, предательство, воспринятое как героизм – сюжеты фильмов неожиданны как сама жизнь.

С тех пор как документальные ленты стали не только участвовать в конкурсах «большой фестивальной тройки» наравне с игровыми, но и получать в Венеции-Канне-Берлине главные призы, отношение к ним изменилось.

«Перламутровую пуговицу» чилийца Патрисио Гусмана отметили в 2015 году «Серебряным медведем» в Берлине за лучший сценарий, но могли бы – и за операторскую работу, так впечатляют съемки в Патагонии. «Пуговица» начинается с рассказа о вымиравших индейцах Чили и их языке, на котором сегодня разговаривают единицы, а завершается историей тюрьмы на острове Досон в Магеллановом проливе. Здесь во времена Пиночета содержались министры правительства Альенде и интеллектуалы из Сантьяго (сам режиссер тоже был арестован во времена военной диктатуры). Десятилетия спустя Гусман собрал выживших в Досоне, чтобы сделать общий снимок, показать крупным планом лица тех, кто составляет сердце нации. Глядя в их глаза, пытаешься представить себе, как выглядел бы коллективный портрет высылаемых из Советской России в 20-е, ссылаемых и расстреливаемых в 30–40-е, – и не можешь даже вообразить, что случилось бы с ними и страной, если бы все остались живы.

В чилийском Досоне инакомыслящих пытали и убивали, их тела выбрасывали из люков самолетов и вертолетов в океан, обмотав мешками и привязав к ним рельсы. По воспоминаниям помощников палачей, тех, кто возился с упаковкой и веревками, некоторые жертвы

были еще живы. Сорок лет спустя на дне океана можно обнаружить только эти рельсы. Подводное путешествие с кинокамерой оказывается путешествием в загробный мир, где безымянным памятником убитым становится кусок ржавого металла.

Одно время в новой России многие были готовы пересмотреть отношение к Пиночету как к преступнику, увидеть в нем не только спасителя Южной Америки от коммунизма, но и автора экономического чуда. Но выяснилось, что преступник не может быть чудотворцем, только фокусником и шарлатаном. После многих лет экономических реформ Чили по-прежнему находится в глубоком кризисе, а боль тех, кто потерял во времена хунты родных и близких, не притупилась.

Темы «Пуговицы» оказались близки к главным темам документального конкурса московского фестиваля и одной из лучших его программ, «Свободная мысль» – праву людей на защиту своих интересов, «народным революциям» в разных видах. Фильм французки Анны Руссийон «Я – народ» рассказывает о событиях в Египте. Свержение режима Мубарака, приход к власти и скорое поражение президента Мухаммеда Мурси показаны глазами жителей глухой деревушки. Руссийон снимала их жизнь на протяжении нескольких лет, став своим человеком для многих семей. Получился яркий фильм-документ, одинаково интересный этнографам, социологам и киноманам.

Главный источник информации для крестьян – телевизор, правда, в нем сотни каналов, есть место альтернативной информации. Крестьянин Фаррадж меняется со страной: сперва голосует за нового президента, затем неохотно соглашается с его падением, закончившимся арестом.

Обсуждение политических новостей – лишь часть большой жизни, где главным остается работа новой молотильни, выпечка хлеба, труд на полях. И если бы не чувство юмора, проявляющееся во многих сценах (то самое, которое принято называть народным), главным настроением деревенских жителей можно было бы считать скепсис. Мало кто из них верит, что очередная смена власти улучшит жизнь, отсутствие высшего образования не мешает понять, что цель большинства занимающихся политикой – обретение власти и возможность получить связанные с нею деньги, а вовсе не интересы народа. И тем не менее если что и называть «школой демократии», то именно эту возможность выбирать и ошибаться и иметь возможность изменить свой выбор. Вряд ли можно найти что-то равное энтузиазму многотысячных демонстраций, когда надежда на будущее кажется не просто разлитой в воздухе, но воплощающейся во что-то осязаемое.

Нет надежды на правительство и у героев американской ленты

«Земля картелей», в итоге получившей в Москве «Серебряного Георгия» конкурса документальных лент. Она запечатлела американцев, добровольно охраняющих границу с Мексикой, и жителей небольших городков в мексиканском штате Мичоакан. И если о пограничных отрядах, борющихся с трафиком наркотиков, широкому зрителю было известно и раньше, то события в Мичоакане освещались скупой.

Мексиканцы создали вооруженные отряды, чтобы бороться с бандитами из терроризированного округа наркокартеля «тамплиеров». Те обложили всех данью, похищали людей, насиловали женщин и подростков. Режиссер Мэтью Хейнеман снимал и выступления лидера народной самообороны доктора Мигеле, и перестрелки, и процесс варки – буквально ведрами – наркотиков. Федеральным властям, напуганным размахом народного движения, в итоге удалось взять его под контроль, сделав частью правительственной армии. Хотя многое из того зла, с которым изначально стремились бороться жители Мичоакана, в итоге поразило их собственные формирования. Поговаривали даже об их связях с новыми наркокартелями. Отказавшийся же от сотрудничества с властями, доктор Мигеле попадает в тюрьму. Неконтролируемый политик-самовыдвиженец не нужен системе, его популярность – скорее повод для подозрений, чем сотрудничества.

Режиссер еле поспевает за событиями, порой кажется, что аналитики в фильме меньше, чем репортажа, но смотрится лента как настоящий триллер, к тому же с политической составляющей. События в мексиканском штате и на американской границе напоминают, как опасно для центральной власти не делать необходимого, не реагировать на настроения людей и не демонстрировать вовремя свою силу, пусть даже в ущерб собственным теневым интересам.

Гораздо жестче, чем в «Земле картелей», выстроен сценарий новой ленты оscarоносца Алекса Гибни. В прошлом году в Москве показывали его «Ложь Армстронга», посвященную не только уличному волюж знаменитому велосипедисту, победителю семи (!) гонок «Тур де Франс», но и обществу, создающему себе кумира, чтобы его ниспровергнуть; само оно при этом нести за что-либо ответственность не хочет. Героями новой ленты Гибни стали лидеры церкви сайентологии, основанной Ронем Л. Хаббардом, и ее давние адепты актеры Джон Траволта и Том Круз. Правда, сниматься в фильме «Просветление: сайентология и причуды веры» голливудские звезды отказались, возможно, потому, что сценарий сделан на основе книги лауреата Пулитцеровской премии Лоуренса Райта (вообще многие документальные фильмы-расследования снимаются после выхода подобных ярких ра-

бот, тенденция здесь очевидна). Райт проинтервьюировал более 200 человек, покинувших ряды сайентологов, в том числе функционеров высшего звена. Они рассказывают много такого, что поддерживает обвинения секты в тоталитарности и подавлении личности. Например, провинившихся функционеров церкви бьют и унижают свои же товарищи, их заставляют чистить унитазы зубной щеткой или даже их вылизывать. Сайентологи агрессивно реагируют на любую критику, хотя суд не запрещает ту же книгу Райта, ставшую событием года, а о фильме Гибни рецензенты после фестиваля в Санденсе писали как о ярком явлении, раскрывающем механизмы новоявленной религии. Кажется, что ее целью становится не обретение истины, но подавление человеческого достоинства. При этом отъем средств у приверженцев идет полным ходом. Система «просветления» (это один из ключевых терминов сайентологов) построена на продвижении по образовательной лестнице, где за каждый новый этап обучения надо платить все больше и больше денег. Поощрения довольно специфичны. Так, одним из сюжетов картины стала история о новой девушке Тома Круза. Если верить Гибни, ее нашли среди активистов церкви и фактически уложили в постель к звезде. Верить, конечно, не хочется, но сам Круз на видеозаписях со съездов сайентологов (на фоне их мюзик-холльной пышности съезды КПСС отдыхают) выглядит агрессивным и самодовольным персонажем из экранизации «Палаты № 6».

Появление голливудских звезд в рядах хаббардианцев не случайно, в структуре церкви есть специальный отдел по работе со знаменитостями. Также сайентологи пытались действовать и в России, когда в начале 1990-х стали проникать в обновляющееся общество. Тогда их семинары посещали будущий телегерой Андрей Максимов, политик Сергей Кириенко и даже выдающийся литературовед Владимир Лакшин.

У каждого свой порог прозрения. Китайский «Юный патриот» начинается со сцен, где школьник бежит с флагом по улицам и выкрикивает духоподъемные лозунги. На протяжении нескольких лет режиссер Ду Хайбинь наблюдает этапы его взросления, пришедшиеся на университетские годы. Поездка учителем-волонтером в заброшенную деревню в горах, где, кажется, никто не озабочен судьбой детей, разрушение родительского дома местными чиновниками, анализ действий властей отрезвляют взгляд юноши. Он уже не готов отвечать за собственные слова, сказанные несколько лет назад, его развитие как гражданина идет с удивительной скоростью. Из идеологически зашоренного провинциала, бездумно повторяющего клише газетных переодовиц, он становится все более независимо мыслящим.

Взгляд на Китай с точки зрения иностранца получается неожиданным, человеческое, а не геополитическое измерение высвечивает много нового в людях и положениях. Как считает сам режиссер, на родине его фильм запрещать не будут, он просто не выйдет в широкий кинопрокат, а телевидение в стране полностью государственное. В России же документальные фильмы такого уровня показывают лишь кабельные каналы, для общедоступных в них слишком много противоречий, того, что принято называть интеллектуальным кино, где объектом исследования оказывается сама пропаганда. Картина мира выглядит недостаточно упрощенной, она полна деталей, напоминающих о многомерности мира, в то время как обслуживающая журналистика всегда стремится к двухцветным образам – черное и белое, свои и чужие, четыре колонны против пятой.

Впрочем, в отношении к разведчикам и шпионам все зависит от точки зрения говорящего. Случай Эдварда Сноудена – из числа тех, что приводят к тектоническим сдвигам не только во внутренней политике и отношениях между странами. Системный администратор, работавший по заказу Агентства национальной безопасности, раскрыл методы этой работы: тотальная слежка за всем и вся без всяких согласований с прокурором или кем бы то ни было. Подслушивание телефонных переговоров, чтение личной переписки в интернете, вторжение в социальные сети – ни частному, ни государственному лицу сегодня негде укрыться от интереса и возможностей спецслужб.

Похожая на триллер история побега Сноудена из Гонконга в Россию, где он в итоге и осел, хорошо известна. Получивший «Оскар» как лучший документальный фильм «Citizenfour: Правда Сноудена» Лоры Пойтрас (Германия, США, 2014) рассказывает именно об этом периоде жизни компьютерщика. Самое интересное здесь – не столько обстоятельства встреч, хотя Сноуден настойчиво просит отключать мобильники и стационарные телефоны, не говоря уже о ноутбуках и планшетах: подслушивать можно через всё; надежнее всего писать имена и адреса на бумаге, а не произносить их вслух. И даже не международные скандалы, связанные с прослушкой первых лиц европейских государств – вряд ли те не подозревали об этом раньше.

Интересна позиция героя, высказывающего в камеру все, что он думает о происходящем. На родине его объявили предателем и шпионом, применив закон времен Первой мировой войны. Возможное наказание – пожизненное заключение или даже смертная казнь. Но в глазах многих он – человек, решивший нарушить подписки о неразглашении ради основных прав человека, прежде всего – права на непри-

косновенность личной жизни. Сам он вряд ли сознавал последствия своего шага, да и в России мало кто мог предвидеть, к какому охлаждению в отношениях с Америкой приведет предоставление убежища беглецу и отказ выдать его. Но вряд ли кто жалеет теперь о случившемся. История о прошлом изменила не только настоящее, но и будущее.

Открыть глаза на прошлое пытается и сельский окулист Ади из «Взгляда тишины» Джошуа Оппенгеймера. Ади ходит по деревням с чемоданчиком, полным оправ со сменными линзами, и расспрашивает заодно участников событий 1965–1966 годов. В то время в Индонезии было убито более миллиона человек, объявленных коммунистами, хотя среди них были обычные фермеры и учителя. Погиб и старший брат Ади. Того живьем разрезали на куски, и сделали это не военные, а добровольцы-соседи. Мать Ади до сих пор каждый день встречает их на улице. Как и в предыдущем фильме Оппенгеймера, знаменитом «Акте насилия», убийцы радостно и подробно описывают детали произошедшего полвека назад. Судя по нюансам рассказов, они сами становятся жертвами собственного садизма, потребность восстанавливать сцены насилия откровенно болезненна. Они не испытывают раскаяния или угрызений совести, просто тогда они получили от власти мандат на убийство и воспользовались им сполна. Военные же старались держаться в стороне от мест экзекуции, лишь помогали доставить жертвы к месту казни, но сами старались к нему не приближаться.

Разговоры проходят нелегко, эмоции трудно скрыть и сегодня. «Джошуа, ты нарываешься», – говорит один из сыновей палача в камеру режиссеру, хотя безнаказанными остались все палачи без исключения. В итоге прощения у Ади просят лишь дочь одного из преступников и вдова другого. Ее сыновья не хотят говорить о прошлом, как и ставшие теперь губернаторами и мэрами участники тех событий. «Не надо ворошить, что было, – или вы тоже коммунист?» – этот вопрос и Ади, и самому Оппенгеймеру задают многие. Что лишний раз доказывает: прозреть способен каждый, только хотят не все.

Недавняя история все еще остается в Индонезии запретной темой. Замалчивание прошлого – важная часть политики государства, преследующего собственные цели. Цензуре фактов безразличны времена, тем более что действует она из перспективы настоящего. Оставить человеку право критического обсуждения прошедшего чревато последствиями: он может критически отнестись и к настоящему. Вероятно, это последнее, что может позволить неуверенная в себе власть. Но, пока Ади ходит со своим чемоданчиком, время пессимистов еще не наступило. Он только спрашивает, но в этом много надежды.

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 448
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: +7(495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.12.2004 г.
Номер подписан в печать 30.09.2015 г.
Отпечатано в типографии ИПЦ «МАСКА»

Тираж 2000 экз. Заказ №
Распространяется бесплатно